Отель «У озера»
Анита Брукнер

Аннотация
Анита Брукнер. Отель «У озера»
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12

Аннотация

Место действия — небольшой отель в Швейцарских Альпах, главная героиня — писательница Эдит Хоуп, публикующая любовные романы под псевдонимом Ванесса Уайльд. На тихом курорте ей хотелось бы не только поработать над очередной книгой, но и обрести душевное спокойствие. Однако новый и оригинальный «роман» неожиданно начинает «сочиняться» самой жизнью.

Анита Брукнер
Отель «У озера»

Посвящается Розамонд Леман

1

За окном все растворялось в серой пелене. За серым садом, где взгляду представало всего одно растение неизвестной породы с жестковатыми листьями, должно было находиться широкое серое озеро, чьи воды сонно, как под наркозом, отступали к невидимому дальнему берегу, а дальше — исключительно в сфере воображения, однако же подтвержденный путеводителем — пик д'Ош, уже, возможно, под сеткой легкого бесшумного снегопада. Стоял конец сентября, и сезон подошел к концу. Туристы разъехались, цены упали, и приезжих не соблазнял этот прибрежный городок, чьи жители, изначально несклонные к общительности, нередко и вовсе впадали в молчание из-за плотных туманов, которые опускались на несколько дней, а потом внезапно рассеивались, являя взору обновленный ландшафт, пестрый и непредсказуемый, — скользящие по озерной глади лодки, пассажиров на пристани, рынок под открытым небом, костлявый силуэт развалин замка тринадцатого века, белые полосы на дальних горах и убегающие вверх по южным

нагорьям веселые ряды яблонь под грузом яблок, которые искрились на солнце маленькими символами чего-то значительного. Ибо это была земля бережливо сбираемого в закрома изобилия, земля, подчинившая себе своеволие человека и не сумевшая совладать только со строптивой погодой.

Эдит Хоуп, автор любовных романов, выходящих под гораздо более звучным псевдонимом, чем ее собственное имя, застыла у окна, словно усилием доброй воли рассчитывала проникнуть сквозь представшую взору таинственную завесу. А ведь ей были обещаны бодрое настроение, климат без миражей, абсолютно здравые обстановка и окружение — тихая гостиница, отличная кухня, долгие прогулки, отсутствие развлечений, ранние отходы ко сну, — верный залог того, что она вновь обретет саму себя, серьезную и трудолюбивую, и забудет о досадном проступке, который повлек за собой нынешнюю краткосрочную ссылку в это, судя по всему, малонаселенное местечко, да еще и в позднюю пору все более ранних вечерних сумерек, когда ей надлежало быть у себя дома… Но ее дом, вернее «домашний очаг», вдруг и разом стал ей нелюб, и она, испугавшись того, что с ней происходит,

неохотно уступила знакомым, предложившим ей на короткое время сменить обстановку, и позволила подруге (она же соседка) Пенелопе Милн отвезти себя в аэропорт; Пенелопа, молчавшая всю дорогу, была готова простить ее при одном условии — чтобы она исчезла с глаз на достаточно долгий срок, а вернулась повзрослевшей, умудренной и преисполненной раскаяния. Ибо проступок, который я совершила, мне не дозволен, будто я несмышленая девчонка, подумалось ей; да и с какой стати дозволять? Я серьезная женщина, которой пора бы разбираться в жизни; по мнению приятелей, я в таком возрасте, когда не делают глупостей; кое-кто находит во мне внешнее сходство с Вирджинией Вулф[1]; я домовладелица, налогоплательщица, хорошо, хотя и незамысловато готовлю и не тяну с представлением рукописей; готова подписать любой издательский договор, никогда не названиваю издателю и не ставлю высоко прозу, которую пишу, при том что понимаю — мои книги весьма неплохо идут на рынке. Довольно долго я являла миру эту несколько серую и надежную личность;

1 Примечания: 1

Вирджиния Вулф (1882 — 1941) — английская писательница, глава литературной группы «Блумсбери», автор яркой экспериментальной прозы; классик литературы XX века.

окружающим я, разумеется, надоела, но чтобы надоесть себе самой — такого они не могли мне позволить. Считалось, что мне положено ходить с опущенной головой, и те, кто полагал, будто знает меня, единодушно решили — пусть впредь так и будет. После целительного пребывания в мире этого серого одиночества (я заметила, что листья на растении под окном совершенно неподвижны) мне, несомненно, разрешат возвратиться, вернуться к тихому прозябанию, стать такой, какой я была, пока не совершила этот, по всей видимости, чудовищный проступок, хотя, говоря откровенно, совершив его, я и думать о нем перестала. Зато сейчас думаю. И еще как.

Повернувшись спиной к бесцветной бесконечности за окном, она обвела взглядом комнату, выдержанную в тонах переваренной телятины: розоватый ковер и шторы, узкая кровать на высоких ножках под розоватым покрывалом, аскетический столик с таким же стулом, вплотную задвинутым под столешницу, узкий дорогой шкаф и высоко-высоко над головой — маленькая медная люстра, которая, как она знала, рано или поздно безотрадно замигает восемью слабыми лампочками. Накрахмаленные белые кружевные портьеры заглушали и без того скудный дневной

свет; раздвинув их, можно было выйти через высокую балконную дверь на узенькую полоску балкончика, где стояли крашенные в зеленый цвет железные стол и стул. Здесь я смогу писать при хорошей погоде, подумала она, подошла к сумке и извлекла две продолговатые папки. В одной находилась первая глава романа «Под гостящей луной», над которым она собиралась не спеша поработать, раз уж в ее жизни возник этот непонятный промежуток. Но руки сами собой потянулись ко второй папке, она раскрыла ее, направилась к столику — и вот она уже сидит на жестком стуле, открыв ручку и напрочь забыв об окружении.

«Дэвид, милый, — писала она, — тут меня ожидал холодный прием. Пенелопа гнала во всю силу и не сводила с шоссе мрачного взгляда, словно сопровождала преступницу из зала суда в тюрьму особого режима. Мне хотелось поговорить — ведь не каждый день выпадает летать самолетом, да и от таблеток, которые дал врач, на меня напала словоохотливость, но все попытки завязать болтовню разбивались как о глухую стену. Впрочем, в Хитроу она оттаяла, помогла мне найти тележку для сумки, сказала, где можно выпить кофе, и внезапно исчезла, а на меня напало жуткое

чувство, не печальное, но головокружительное и немного озорное, и не с кем было поговорить. Я выпила кофе, походила туда-сюда, стараясь „впитать“ все детали, как принято у писателей (так считают многие, но только не ты, мой милый, тебе вообще нет до этого дела), и вдруг увидела себя в дамской комнате, заметила, что выгляжу я в высшей степени нормально, и подумала: зачем я здесь?! Я здесь совершенно ни к чему! Толпы народа, детишки ревут, все рвутся в другие места — а тут тихая, слегка сухопарая женщина в длинном кардигане, чуждая всему этому, безобидная, с выразительными красивыми глазами, довольно крупными руками и стопами, смиренным наклоном шеи, и никуда она не хочет лететь, но я ведь дала слово прожить в отлучении месяц, пока все не решат, что я опять пришла в норму. На минуту меня охватила паника, ибо я и сейчас в норме, и тогда была в норме, хотя никто не хотел этого видеть. Не тонул — рукой махал[2].

Ну, я кое-как взяла себя в руки и присоединилась к самой надежной на вид группе пассажиров, какую смогла найти; мне и спрашивать не было нужно — ясно, что они летят в Швейцарию. Вско-

---

2 Примечания: 2

Перифраз известного стихотворения английской поэтессы Стиви Смит «Не рукой махал — тонул».

ре я уже сидела в самолете рядом с очень милым мужчиной, который сообщил, что направляется в Женеву на конференцию, и все про нее рассказал. Я вычислила, что он врач, и даже решила — специалист по тропическим болезням: он сказал, что большую часть работы проделал в Сьерра-Леоне; однако, как выяснилось, он занимался вольфрамом. Вот и говори после этого о знаменитой силе воображения романиста. Однако же мне стало немного лучше, а он тем временем поведал о жене и дочурках, к которым полетит через два дня, чтобы провести дома конец недели, прежде чем возвращаться в Сьерра-Леоне. Не успели мы и глазом моргнуть, как уже были там (замечаю, что вместо «здесь» пишу «там»), он усадил меня в такси, через полчаса я высадилась здесь («там» понемногу превращается в «здесь»), и сейчас мне предстоит разложить вещи, вымыться, привести в порядок волосы и сойти вниз, чтобы раздобыть чашечку чая.

Заведение выглядит безлюдным. В холле я встретила всего одного человека — пожилую женщину, низенькую, с лицом, как у бульдога, и такими кривыми ногами, что при ходьбе она переваливалась из стороны в сторону, однако сохраняла при этом неколебимую самоуверен-

ность, так что я невольно посторонилась. Она опиралась на трость, голову ее украшала сетчатая вуалетка в крохотных голубых бархатных бантиках. Я было решила, что это вдова какого-нибудь бельгийского кондитера, но слуга, который нес мои сумки, едва заметно кивнул и пробормотал ей вслед: «Госпожа графиня». Вот и говори после этого о знаменитой силе воображения и т.д. Во всяком случае, я так быстро очутилась в этой комнате (можно сказать, не успела и глазом моргнуть), что больше ничего не заметила. Комната тихая, теплая, довольно просторная. Погоду я бы назвала спокойной.

О тебе я думаю каждую минуту. Пытаюсь сообразить, где ты сейчас, но это непросто: влияет и разница во времени, пусть самая незначительная, и действие таблеток еще не прошло, и вообще сплошные кипарисы печальные[3]. Образно говоря. Но завтра пятница, и, когда начнет смеркаться, я смогу представить, как ты садишься в машину и едешь в свой загородный домик. А там, понятно, конец недели, о котором не хочется думать. Ты не можешь знать…»

Тут она отложила ручку и потерла веки, на

3 Примечания: 3

Аллюзия на песню Шута из «Двенадцатой ночи» Шекспира: «Положите меня среди кипарисов печальных…» (Акт II, сцена 4).

миг опустив локти на стол и вжавшись глазами в ладони. Затем сморгнула, взяла ручку и продолжала:

«Смешно просить тебя поберечься, ты всегда пренебрегаешь мелкими предосторожностями, о которых думают остальные, да и как мне тебя заставить. Свет моих очей — так отец называл мою матушку, — я очень по тебе скучаю».

Несколько минут она продолжала сидеть за столом, потом глубоко вздохнула и насадила на ручку колпачок. Чаю, решила она. Нужно выпить чаю. Затем гулять, долго гулять по берегу озера, потом принять ванну, переодеться в синее платье, и тогда я буду готова выйти на люди — а для меня это всегда так трудно — в столовую. Дальше предстоит одолеть обед, что займет некоторое время, а затем еще посидеть и с кем-нибудь побеседовать, не важно с кем, хотя бы с той же бульдоголицей дамой. Лечь нужно пораньше, так что как-нибудь справлюсь. Вообще-то, я уже ощущаю усталость. Она зевнула так, что на глаза набежали слезы, и поднялась.

Вещи она разобрала очень быстро, причем из суеверия почти всю одежду оставила в сумке, намекая самой себе, что при случае может собраться и отбыть за две-три минуты, хотя пре-

красно знала, что платья так и будут лежать, да еще и безнадежно помнутся. Но это уже не имело значения. Щетка для волос и ночная рубашка были водворены в ванную. Она оглядела себя в зеркале, не нашла никаких заметных перемен и, прихватив сумочку и ключ, вышла в гулкий от безлюдья коридор. Через широкое окно над площадкой сочился белесый свет. Стены, казалось, навеки похоронили в себе давние воспоминания об обильных трапезах. В виду не было ни души, хотя за какой-то дверью дальше по коридору слабо играло радио.

Отель «У озера» (хозяева — семейство Юбер) представлял собой бесстрастное, исполненное чувства собственного достоинства здание, почтенный дом, верное традициям заведение, привыкшее оказывать гостеприимство лицам рассудительным, состоятельным, удалившимся от дел, предпочитающим держаться в тени, уважаемым — постоянным своим клиентам ранней туристической эпохи. Заведение почти не прилагало усилий к тому, чтобы приукрасить себя ради случайных постояльцев, которых неизменно презирало. Мебель в нем была хотя и строгая, но превосходного качества, постельное белье безукоризненно чистое, обслуживание

— безупречное. Его высокая репутация у людей посвященных и знающих привлекала новобранцев, клиентов порядочных и понимающих толк в отелях, и в этом — но только в этом — оно шло на уступку, как бы признавая собственные возможности. Что же до постояльцев, то само отсутствие каких бы то ни было соблазнов служило для него предметом извращенной гордости, так что всякого гостя без особых претензий, робко подыскивающего комнату, озадачили бы и отпугнули редкие фигуры на веранде, глубокое безмолвие в вестибюле, отсутствие приглушенной музыки, телефонов-автоматов, объявлений о разного рода экскурсиях по живописным местам и доски с указаниями, где и что следует посмотреть в городке. Не было ни сауны, ни парикмахерской и уж конечно стеклянных витрин с ювелирными изделиями; бар был темный и маленький, суровой своей обстановкой не располагающий к тому, чтобы в нем задерживались сверх необходимого. Подразумевалось, что долгие возлияния — по деловым соображениям или из потворства собственной слабости — отнюдь не comme il faut[4], и если уж таковые возлияния совершенно необ-

4 Примечания: 4
Здесь: хороший тон (фр.).

ходимы, то предаваться им надлежит либо за дверями своего номера, либо в более доступных заведениях, где на подобное смотрят сквозь пальцы. После десяти утра горничные показывались крайне редко: к этому времени всем домашним шумам надлежало затихнуть. После десяти не слышно было гудения пылесоса, не видно ни одной тележки с грязным постельным бельем. Приглушенный шелест возвещал о повторном появлении горничных (расстелить постели и убраться в номерах) лишь после того, как постояльцы переодевались, чтобы сойти к ужину. Единственным видом рекламы, который отель не мог пресечь, были устные рекомендации старых заслуженных постояльцев.

Зато отель мог предложить своим гостям нечто вроде убежища, гарантию невмешательства в их личную жизнь, а также защиту и свободу действий, которые свойственны безупречности. Поскольку же последнее качество до удивления многим едва ли кажется привлекательным, то отель «У озера» обычно наполовину пустовал в эту пору года, в самом конце сезона, и смиренно опекал жалкую горстку гостей, прежде чем закрыться на зиму. Этих немногих, оставшихся от скромного наплыва постояльцев, чинно отды-

хавших в июле и августе, обслуживали тем не менее столь же учтиво и почтительно, как если бы они были высокоценимыми старыми клиентами, каковыми некоторые из них и являлись. Естественно, развлекать их никто и не думал. Их потребности удовлетворяли так же заботливо, как считались с их характерами. Само собой разумелось, что они будут отвечать требованиям отеля в той же мере, в какой отель соответствует их ожиданиям. А если и возникали какие-то осложнения, то их разрешали без лишнего шума. В этом смысле отель был известен как заведение, которое неспособно навлечь на себя дурную славу и гарантирует целительный отдых тем, с кем жизнь обошлась сурово или всего лишь утомила. Название и адрес отеля фигурировали в картотеках людей, чье дело — знать о подобных местах. Про него знали некоторые врачи, знали многие адвокаты, знали брокеры и финансисты. Коммивояжеры про отель не знали либо не помнили. Семьи, которые регулярно отправляли пожить в нем кого-нибудь из домашних, доставляющих много хлопот, на него молились. И слухом о нем полнилась земля.

А отель и вправду был превосходный. И стоял удачно — у озера. Погода, конечно, оставляла

желать лучшего, но была ничуть не хуже, чем в других таких местечках. Городок мог предложить немногое, однако с наймом автомобиля проблем не было, с экскурсиями тоже; от прогулок дух не захватывало, но они были приятными. Ландшафты, виды, гора как-то странно расплывались перед глазами, словно были нарисованы акварелью еще в прошлом веке. В то время как молодое разноплеменное поколение рвалось под солнце, на пляжи, кишело на дорогах и в аэропортах, отель «У озера» тихо, временами просто неслышно гордился тем, что не имеет с этими юными толпами ничего общего, и знал, что запечатлел себя в памяти своих старых друзей, а также и то, что пустит под свою крышу нового достойного претендента, лишь бы тот имел устные рекомендации от столь же знатного отеля и поручительство человека, чья фамилия уже значилась в семейных картотеках Юбера, каковые восходили к началу нынешнего столетия.

Спускаясь по широкой пологой лестнице, Эдит слышала сдержанный смех, долетавший эхом откуда-то из гостиной, где, вероятно, происходила церемония чаепития, но, когда она пошла в ту сторону, смех вдруг сменился яростным тявканьем, пронзительным и сварливым, ничего

хорошего не сулившим покою и миру. У подножия лестницы съежилась, дрожа от страха, крохотная собачонка с глазками, упрятанными под висящими патлами. Никто не спешил к ней на помощь, и она завелась по новой, изо всех сил, но словно на пробу, как капризный ребенок. Продолжительные стенания, какие могли быть исторгнуты лишь под немыслимой пыткой, наконец возымели действие: с криком «Кики! Кики! Несносная собачонка!» из бара выбежала высокая, невероятно стройная женщина.

Ее узкая подергивающаяся головка наводила на мысль о птице чомге. Женщина упала на колени у лестницы, подхватила собачку на руки, осыпала поцелуями, все тем же бескостным змеиным движением прижала к лицу, как подушку, и вернулась в бар. Лужица на последней ступеньке лестницы заставила управляющего поморщиться и щелкнуть пальцами. Пока слуга в белой куртке невозмутимо орудовал тряпкой, словно такое случалось чуть ли не каждый день, управляющий отеля «У озера» (владельцы — семейство Юбер) выразил Эдит Хоуп сожаление в связи с тем, что сей инцидент омрачил ее прибытие, одновременно подчеркнув свою непричастность к невоспитанности домашних животных и, что

важнее, к тем, кто их неразумно заводит. Последних он, разумеется, готов пустить под свой кров, однако ответственности за них не несет.

Как интересно, подумала Эдит. Женщина — англичанка. И какая необычная внешность. Вероятно, танцовщица. Она пообещала себе поразмыслить над этим попозже.

Гостиная приятно обманула ее ожидания после того, что она видела в своем номере. Пол был покрыт темно-синим ковром, в комнате стояло много круглых столов со стеклянным верхом, удобные старомодные кресла и небольшое пианино, на котором пожилой мужчина в галстуке-бабочке фабричной работы тихо наигрывал попурри из послевоенных мюзиклов. Выпив чаю и съев ломтик отменного вишневого торта, Эдит набралась смелости оглядеться. Народу в гостиной почти не было; большинство постояльцев, решила она, вернутся только к ужину. Бульдогоподобная дама мрачно жевала, широко расставив ноги и не замечая крошек, что падали ей на колени. Двое мужчин неприметной наружности перешептывались в дальнем углу. Седоватая пара — муж и жена, а может быть, брат с сестрой — разглядывала билеты на самолет, и мужчину время от времени отрывали от чая, от-

правляя посмотреть, не пришла ли машина. Хотя комната была светлая и веселая, в ней прежде всего ощущался дух мертвенного покоя. Понимая свой жребий, Эдит вздохнула, однако напомнила себе о том, что ей выпала отличная возможность закончить «Под гостящей луной», пусть сама она этой возможности и не искала.

Когда она вновь подняла глаза от книги, ни единого слова которой не дошло до ее сознания, то обнаружила, что как по волшебству гостиная ожила благодаря некой даме неопределенного возраста. Ослепительно пепельная блондинка с алым маникюром и в платье очаровательного (и дорогого) набивного шелка взмахивала ручкой в такт музыке, а на ее красивом лице играла довольная улыбка; официантки, явно привлеченные явлением столь милой особы, увивались вокруг нее, предлагая налить еще чашечку чая, взять еще ломтик торта. Она каждую одаривала теплой улыбкой, но самую сердечную приберегла для пожилого пианиста; тот встал, собрал ноты, подошел к ней и что-то тихо сказал, отчего она рассмеялась, затем поцеловал ей руку и удалился, и на его прямой узкой спине было написано, до чего он счастлив, что его оценили по заслугам. Откинувшись в кресле и держа чашку с блюдцем

у рта, дама пила чай не просто изысканно — с выражением благосклонного соизволения; она и в самом деле являла собой восхитительное зрелище, будучи напрочь лишена мучительной неловкости, которая нападает на некоторых в незнакомой обстановке, и, несомненно, чувствовала себя как дома в стенах отеля, хоть тот и пустовал на три четверти.

Эдит смотрела на нее как загипнотизированная и только жалела, что упустила начало представления. Когда та тронула губы изящным кружевным платочком, на руке у нее вспыхнули кольца. Поднос убрали, и Эдит с замиранием сердца ждала, как поведет себя дама в промежутке между чаем и ужином, ибо это время для незваных и одиноких постояльцев отеля исполнено унылой тоски. Но дама, разумеется, была не одна.

— Вот и я, — пропел юный голос, и в комнату вошла девушка, облаченная в довольно облегающие (пожалуй, даже слишком, подумала Эдит) белые брюки, которые подчеркивали формы ее зада, напоминающие сливу «виктория».

— Вот и ты, дорогая! — воскликнула дама, которая была — не могла не быть — ее матерью. — Я только что закончила. Ты пила чай?

— Нет, но это не важно, — ответила девушка, которая представляла собой, как заметила Эдит, бледную копию матери, вернее, была создана по тому же шаблону, но не доведена до абсолютного совершенства родительницы.

— Как же так, дорогая! — воскликнула старшая дама. — Ты непременно должна выпить чаю! У тебя, верно, и сил не осталось! Ну-ка позвони в колокольчик. Нам приготовят еще.

Они наградили официантку обезоруживающей улыбкой и стали умолять принести чай, но за их просьбой сквозила уверенность, что все будет исполнено, и безотлагательно. Затем они увлеченно о чем-то заговорили — до Эдит долетали лишь отдельные слова да взрывы веселого смеха, которыми те обменивались время от времени. Когда прибыл второй поднос, они снова улыбнулись официантке, рассыпались в благодарностях и возобновили беседу; официантка не спешила уйти, вероятно надеясь, что еще может понадобиться по ходу представления. Однако…

— Мы вас не задерживаем, милочка, — заметила дама в шелковом платье и предалась созерцанию дочери.

Дочери, должно быть, около двадцати пяти, подумала Эдит; не замужем, но не переживает по

этому поводу. Она представила, как мать с тонкой улыбкой произносит: «Девочка не торопится. Она вполне довольна своей жизнью». Дочь в таких случаях краснеет и опускает глаза, наталкивая пожилых джентльменов, которые, не сомневалась Эдит, постоянно увиваются вокруг матери, на похотливые мысли. С этим нужно кончать, приказала она себе. Не нужно придумывать за других их жизни. Они прекрасно обходятся без меня. Ее пронзила легкая зависть: вот ведь мать, такая доброжелательная, так элегантно одета, так настойчиво требует, чтобы дочери подали чай, хотя на часах почти шесть. Дочери она тоже позавидовала белой завистью — такая самоуверенная, так легко принимает все, что для нее делается… И обе — англичанки, хотя не того типа, что был ей знаком, довольно обеспеченные, проводят время в свое удовольствие. Судя по их виду, другого времяпровождения они не знали.

Наконец они решили уйти. Мать сделала две безуспешные попытки подняться из кресла, дочь деловито суетилась над ней, будто заранее знала, когда именно нужно оказать помощь. Эдит не без удивления поняла, что суставы не всегда подчиняются пожилой даме и что впечатление о возрасте, сохранившем юношеский задор, столь

яркое на расстоянии, потускнело, когда дама встала. Эдит внесла поправку в свои расчеты: матери не под шестьдесят, а под семьдесят; дочери не двадцать шесть, а за тридцать. Но все равно обе выглядели великолепно. И она втайне порадовалась, когда пожилая дама — а Эдит сидела напротив, правда, за несколько столиков — обернулась к ней с вежливой, легкой улыбкой, прежде чем удалилась из гостиной.

Теперь ей оставалось одно развлечение — прогулка.

В убывающем свете серого дня она миновала погруженный в тишину сад и чугунные ворота, пересекла оживленную улицу и пошла берегом озера. Безмолвие поглотило ее, после того как она оставила позади единственный в городке перекресток, и ей показалось, что она будет идти вот так целую вечность, одна со своими мыслями, и никого не встретит. Она была готова к одиночеству, но не к этому, на которое ее обрекли те, кто лучше знал, как с ней быть. И погода — смутная, туманная, себе на уме, однако неприветливая: уж не призвана ли она, помимо прочего, омрачить испытательный срок для той, что опрометчиво отправилась в поездку без теплого пальто? Озеро стыло в мертвой неподвижности; над головой

горел одинокий фонарь, окрашивая поникшие листья платана в изумрудную зелень. Если мне не захочется, я вовсе не обязана здесь оставаться, решила она. Никто меня не заставляет. Но я должна попробовать хотя бы для того, чтобы дома потом было легче. Не одна же я в отеле. А отдохнуть мне и вправду необходимо. С неделю, пожалуй, перетерплю. Человеку вроде меня, блуждающему во мраке писательства, тут можно многое разузнать, хотя, понятно, никто из этих людей не годится в персонажи моих романов. Но та женщина, очень высокая, узколицая, прекрасная женщина с надоедливой собачонкой… Что уж говорить о блистательной паре, которая чувствует себя здесь как дома. Что их сюда привело? Но — женщины, женщины, одни женщины, а мне так по сердцу мужской разговор. Ох, Дэвид, Дэвид, подумала она.

Прогулка по берегу озера более всего напоминала ей безмолвные блуждания во сне, когда нелогичность и неизбежность выступают рука об руку. Как бывает во сне, ее одолевало отчаяние и в то же время какое-то роковое любопытство, словно ей предписано идти этим путем, пока не откроется его тайный смысл. В этот вечер направление ее мыслей и самый характер дорожки,

казалось, намекали на неблагоприятный исход: потрясение, предательство, в лучшем случае опоздание на поезд, появление в лохмотьях на важном приеме, вызов в суд по непонятному обвинению. Свет тоже был под стать сну — неясный полумрак осенял это странное паломничество, ни день, ни ночь. В действительном мире, сквозь который пролегал ее путь, она воспринимала реальные приметы окружающего: прямая как стрела посыпанная гравием тропинка, обрамленная с обеих сторон рядами деревьев, растущих на затоптанном газоне; по одну руку невидимое теперь озеро, по другую, вероятно, — городок, но такой маленький и вымуштрованный, что оттуда не доносилось ни скрежета тормозов, ни гудков клаксонов, ни громких и преувеличенно сердечных пожеланий доброй ночи. Ее слуха едва касалось лишь тихое урчание невидимых за деревьями автомобилей, мирно следовавших домой по вечернему шоссе. Хруст гравия у нее под ногами звучал куда громче, назойливо громко, и она спустилась ближе к воде на мягкую грунтовую тропинку. Она шла в неверном свете редких фонарей, и ничто не прерывало прогулки, словно во всем этом безмолвном пространстве она была единственным живым человеком. От слившегося

с мраком озера ощутимо веяло холодом, она дрожала под своим длинным кардиганом. Обречена какое-то время ходить по этой земле, подумала она, и, приемля эту невеселую мысль, все шла и шла вперед, пока не решила: хватит, нагулялась. Тогда она повернулась и пошла назад той же дорогой.

В вечерних сумерках она увидела отель издали — весь в огнях, обманный праздник. Нужно собраться с силами, решила она, хотя прекрасно знала, что другая женщина на ее месте сказала бы, по-мирски вздохнув: «Видимо, нужно ненадолго появиться».

В тихом вестибюле ярко светили лампы, слышалось бормотание из гостиной, где был включен телевизор, пахло мясом. Она пошла к себе переодеться.

За конторкой мсье Юбер-старший, удалившийся от дел, но отнюдь не на покой, благодушный и в меру любопытствующий, наслаждался своим любимым ежедневным занятием: открыл регистрационную книгу, чтобы узнать, кто уехал, а кто, напротив, прибыл. В эту пору года дела, понятно, шли не блестяще: откуда быть постояльцам, когда через месяц отель закроется на зиму? Он знал, что немецкое семейство уехало

— шум и гам их отбытия проникли даже в его гостиную на пятом этаже. Чудная пожилая пара с Нормандских островов покинула отель после чая. От научной конференции в Женеве можно было ожидать одного-двух гостей — кто-то мог надумать провести здесь конец недели и пуститься в обратный путь в понедельник. Но оставались постоянные клиенты: графиня де Боннёй, мадам Пьюси с дочерью, дама с собачкой — ее имя (дамы, не собачки) он отказывался произносить, хотя ее муж фигурировал в английском выпуске Готского альманаха[5]. По поводу этой дамы зять получил соответствующие инструкции. Вновь прибывшая: Хоуп Эдит Джоанна. Для английской леди необычное имя[6]. Впрочем, возможно, не чисто английских кровей. Возможно, и не чистая леди. Рекомендации, разумеется, безупречные. Но и рекомендации иной раз обманывают.

5 Примечания: 5

Готскийальманах — именной указатель представителей европейских аристократических семейств.

6 Примечания: 6

Хоуп (Норе) по-английски значит «надежда».

2

Одетая к ужину — шелковая блуза от «Либертиз»[7], узкие худые ступни втиснуты в простые детские «лодочки», — Эдит искала предлоги, чтобы оттянуть минуту, когда придется сойти в столовую и впервые отужинать на людях. Она даже вспомнила о романе «Под гостящей луной» — написала с полторы страницы, однако, перечитав, сообразила, что уже использовала этот сюжетный ход в «Звезде и камне», и зачеркнула написанное. А зачеркнув, поняла совершенно ясно, как ей дальше строить интригу. Вернув себе таким образом некоторую уверенность и прикинув, с чего начинать завтрашний задел, она закрыла папку, взяла ключ и сумочку и решительным шагом вышла из номера.

За той же самой дверью дальше по коридору все так же играло радио и вдобавок с шумом лилась в ванну вода. Не успела она дойти до лестницы, как в воздухе вдруг повеяло ароматом розы — какая-то женщина должным образом готовила себя

---

7 Примечания: 7

Большой лондонский универсальный магазин преимущественно для женщин.

к вечернему выходу. Дама с собачкой, подумала Эдит. Появится позже всех в каком-нибудь немыслимом наряде, надменная, хрупкая, с собачонкой под мышкой. Попытаюсь ее разговорить. После ужина, вымученно подумала она, больше нечем будет заняться.

Внизу не было ни души, она поняла, что спустилась слишком рано. Только в баре вполголоса беседовали мужчины, воздерживаясь от смеха и веселых возгласов. Она бы не отказалась выпить джина с тоником, но не хватало смелости пройти в бар. Она присела за столик в гостиной и взяла оставленный кем-то помятый экземпляр «Gazette de Lausanne»[8]. Странно, что газету не убрали, отметила она: за порядком тут следят в оба. В дверях возникла бульдоголицая дама — не забыть бы к ней обращаться по всей форме, если вообще когда-нибудь выпадет обратиться. Дама, облаченная в черное платье на любой случай и сменившая синюю вуаль с бантиками на черную с кое-как приклеенными блестками, воздела трость и произнесла «А!». Эдит с вопросительной улыбкой предъявила газету. Мадам де Боннёй кивнула и двинулась вперевалку сквозь чащу

8 Примечания: 8
«Лозаннская газета» (фр.)

свободных стульев и столиков. Эдит пошла ей навстречу, но мадам де Боннёй продвигалась на удивление быстро, и Эдит успела миновать всего два столика.

— Merci[9], — сказала мадам де Боннёй, снова воздев палку.

— Je vous en pris[10], — ответила Эдит и вернулась к своему столику. То были первые слова, что она произнесла после прибытия.

Откинувшись на спинку кресла и закрыв на секунду глаза, она дала волю ужасу перед неизбежным вечером. Она вообще не любила есть на людях, даже когда была не одна. С легкой дрожью она вспомнила последнюю такую трапезу перед вылетом из Англии. Ее литературный агент, Гарольд Уэбб, пригласил ее на ленч. Он хотел подбодрить ее, что было очевидно, заверял, что полностью на нее полагается, и даже сообщил о своем намерении выбить под ее следующую книгу аванс покрупней.

— А эта история развеется как дым, — сказал он, в первый раз зажигая на ее глазах сигару.

Мягкий человек ученого склада, он не любил

---

9 Примечания: 9
Спасибо (фр.).

10 Примечания: 10
Не стоит (фр.).

встреч и переговоров, которыми был вынужден заниматься по долгу службы, и тем не менее заказал для них столик в ресторане, который выглядел как настоящий собор и где завсегдатаи священнодействовали, склоняясь над поданным им чудом природы, и отважно набрасывались на прихотливо закрученное рыбное филе, каковое, похоже, было в меню самым простым блюдом. Эдит жалела, что принесли «Перье» — от этой минеральной воды ее неизменно пучило, — и мрачно уставилась в никуда. Разговор не клеился.

— Мне нравится сюжет новой книги, — сказал Гарольд после затянувшегося молчания. — Хотя, должен признать, на рынке романтической беллетристики наблюдаются изменения. Теперь молодым администраторшам, которые читают «Космополитен» и носят «дипломаты», подавай секс.

Не получив ответа, он погонял вилкой по тарелке с гарниром вырезанный в виде ракушки кусочек моркови и, покончив с этим, вернулся к своей теме:

— Что она берет с собой, когда едет по делу в Брюссель?

— В Глазго, — поправила Эдит.

— Что? А, ну конечно. Но она в любом случае хочет убедиться, что свободная женщина ведет интересную жизнь. Ей нужно, чтобы ее женскому тщеславию льстили, когда она лежит одна в своем гостиничном номере. Ей подавай чтение, которое бы отражало ее жизненный стиль.

— Гарольд, — сказала Эдит, — я просто не знаю никого, кто бы имел жизненный стиль. Что это значит? А то, что все ваши вещи куплены в одно и то же время и в лучшем случае лет пять тому назад. И вообще, раз уж она такая свободная, почему бы ей не спуститься в бар и кого-нибудь там поклеить? Уверена, такое вполне возможно. Просто большинство женщин этого не делают. А почему? — спросила она с внезапно вернувшейся к ней самоуверенностью. — Потому что, когда доходит до дела, они предпочитают старую сказку. Каждой из них хочется верить, что ее в наилучшем виде, за замкнутыми дверями и как раз тогда, когда она совсем потеряла надежду, отыщет мужчина, который исколесил континенты и махнул рукой на самые соблазнительные перспективы, лишь бы ее получить. Ах! Если б все это было правдой, — сказала она, тяжело вздохнув и насадив на вилку ломтик киви, который так и остался торчать на зубьях, пока она думала,

опустив голову.

А в ней и вправду много чисто блумсбериан-ского[11], решил Гарольд, глядя на ее впалые щеки и поджатые губы.

— Что ж, дорогая моя, вам виднее, — согласился он, не желая расстраивать ее сверх того, что она уже пережила из-за тогдашней истории. — Мне просто показалось, что…

— Какая из сказок действует на воображение всего сильнее? — продолжала она с легкой истерикой в голосе, отчего он незаметно дал знак официанту принести счет. — Про черепаху и зайца, — решительно заявила она. — Ее очень любят, особенно женщины. Обратите внимание, Гарольд, в моих книгах герой достается девушке скромной, эдакой серенькой мышке, тогда как надменная соблазнительница, с которой он предавался бурной страсти, терпит поражение и сходит со сцены, чтобы уже не вернуться. Всякий раз побеждает черепаха. Разумеется, это неправда, — сказала она шутливо, но твердо и не заметила, как ломтик киви упал с вилки назад на тарелку. — В действительности, конечно, победа всегда за зайцем. Неизменно. Посмотрите по сто-

---

11 Примечания: 11
См. примечание 1.

ронам. Я, во всяком случае, утверждаю, что Эзоп поставлял свои сочинения на черепаший рынок. Это ясно как день! — воскликнула она звенящим от волнения голосом. — У зайцев не остается времени на чтение. Они все силы отдают борьбе за победу. Сказка утверждает обратное, но лишь по той причине, что именно черепаха нуждается в утешении. Как кроткие сердцем, которые унаследуют землю[12], — добавила она с улыбкой, помолчала, обратилась к тарелке, покончила с едой в один присест и откинулась на спинку стула, продолжая перебирать в уме свои доводы.

Сразу видно профессорскую дочку, подумал он, однако решил, что довольно скоро она снова примется за работу и, вероятно, представит после перерыва очередную непритязательную, но достаточно ходкую книгу.

— Разумеется, — произнесла Эдит, бросив в чашку кофе несколько кубиков сахара, напоминающего цветом соли для ванной, — вы можете возразить, что заяц способен поддаться на сказки черепашьего лобби, стать рассудительней, осторожней — одним словом, действовать осмотрительнее. Но заяц всегда верит в собственное

---

12 Примечания: 12
Мф., 5,5

превосходство, он просто-напросто не воспринимает черепаху как достойного противника. Поэтому-то он и выигрывает, — заключила она. — Я хочу сказать — в жизни. А в художественной литературе — никогда. По крайней мере, в моих книгах. Интимная изнанка жизни слишком ужасна, чтобы я допускала ее в свои сочинения. Да моим читателям она и не нужна. Понимаете, Гарольд, они у меня, в сущности, целомудренные. С их точки зрения — с *моей* точки зрения, — все эти взыскующие оргазма девушки со своими деловыми «дипломатами» могут убираться куда подальше. О них должным образом позаботятся. Не бывает рынка без торгашей.

— Вижу, вы снова становитесь сами собой, — заметил Гарольд, отсчитывая стопку банкнот.

— Спасибо за ленч, Гарольд, — сказала Эдит, когда они вышли на людную улицу. Предстоящая разлука с его милой и необременительной участливостью теперь огорчала ее сильнее, чем раньше. Ему единственному было доверено поддерживать с ней связь, когда она отбудет. Он был единственным — ну, почти единственным — человеком, кто знал, куда она отправляется. К сожалению, не он один знал, чем вызван ее отъезд. Она умоляюще посмотрела ему в глаза,

понимая, что он выложил гору денег за ленч, после которого через час почувствует голод. У нее же аппетит пропал, пропал напрочь. Последнее время еда не имела для нее никакого значения, потому что и сама она утратила значение в собственных глазах. Но как восхитительно готовила она для Дэвида, как героически, на скорую руку, варила или жарила, какие учиняла кутежи — Дэвиду неизменно требовалось поесть, когда они наконец выбирались из постели, притом в совершенно дикое время, порой за полночь, в последнюю минуту перед тем, как садиться за руль и гнать по безлюдным улицам к себе в Ходланд-Парк. «Дома меня так не кормят», — нежно говорил он, поддевая ломтиком жареного картофеля желток из глазуньи. Стоя в ночной рубашке с кастрюлькой тушеной фасоли наготове, она озабоченно наблюдала за ним. Оценивая размах его аппетита глазом знатока, она брала сковородку и вываливала ему на тарелку подрагивающую гору яичницы-болтушки на молоке. «Жратва героев», — довольно вздыхал он. Его худое молочно-белое тело стойко сопротивлялось этим обильным трапезам, он не прибавил в весе ни грамма. «Потрясно, — изрекал он и откидывался, набив живот. — Как там насчет чая?» Но пока

он пил чай, она уже отмечала в нем растущую торопливость, собранность, быстроту и четкость движений; когда же он проводил рукой по своим коротким темно-рыжим волосам, она понимала: идет превращение и скоро он начнет одеваться. В такие минуты она чувствовала, что знает его не так уж хорошо. Запонки, часы и прочее принадлежало его другой жизни — всем этим он занимался каждое утро, пока его жена подгоняла опаздывающих в школу детей. Наконец у нее возникло ощущение, что она его вообще не знает, хотя из-за занавески она следила за тем, как он вылетает из дома, со всех ног несется к машине и с ревом исчезает в ночи. Ей всегда казалось, что он уезжает навеки. Но он всегда возвращался. Рано или поздно, но возвращался.

Ей чудилось, что она все дни проводит в ожидании его приходов. Однако же пять в меру толстых романов неопровержимо доказывали, что она не выглядывала с утра до вечера из окна наподобие Владелицы Шалотта[13]. Она признавала, что, несмотря на творческую продуктивность, ведет жизнь черепахи. Поэтому и писала для таких же черепах, как сама.

---

13 Примечания: 13

Героиня одноименной баллады английского поэта Альфреда Теннисона (1809— 1892).

Но теперь я низведена до полного и безнадежного черепашества, подумала она, открыв глаза и опасливо обведя взглядом все еще безлюдную гостиную. Однако появление в дверях официанта с перекинутой через руку салфеткой придало ей решимости хотя бы высидеть ужин, ибо сейчас ей хотелось побыть одной у себя в комнате, чтобы подумать. Должно быть, таблетки уже не действуют, заключила она, почувствовав головокружение, когда встала; горло саднило от подавленных зевков. В таких обстоятельствах и проявляется характер, сказал бы отец. Поэтому она погнала себя в столовую, настроившись поесть (это необходимо) и сохранить душевное равновесие (насколько получится).

Столовая оказалась приятной комнатой с большими высокими окнами, выходящими в укрытый тьмой сад. На каждой ослепительно белой скатерти стоял букетик скромных цветов. Тут тоже было малолюдно. За столиком в углу четверо мужчин в серых костюмах продолжали самозабвенно бубнить — их голоса и донеслись до нее тогда из бара. Мадам де Боннёй равномерно и бесстрастно жевала, но вино пила как-то странно — набирая полный рот, словно полоскала горло; при смене блюд спокойно ждала, положив руки

на стол. В складках плоти на ее коричневатых пальцах Эдит с трудом разглядела тонкие кольца, одно с гербом, но рисунок стертый. Дама с собачкой — крепдешиновая блузка не спускалась, а как-то свисала с ее узких высоких плеч — несколько разочаровала Эдит, ибо ее выход на сцену состоялся не по заготовленному Эдит сценарию. Поникнув несколько растрепанной головой, она горбилась за соседним столиком; за спиной у нее вытянулся невозмутимый слуга в белой куртке. Кики отирался рядом. Время от времени хозяйка брала его на руки и прижимала к лицу, на котором, отметила Эдит, едва заметно проступали признаки начинающегося распада. Теперь Кики сидел у нее на коленях, а женщина дрожащей вилкой больше ковырялась в тарелке, чем ела, делая при этом вид, что еды убывает, но Эдит-то видела, что еда обильно свисает с тарелки, грозя перевалиться на скатерть, однако ни разу не успевает упасть, потому что Кики подпрыгивает и перехватывает кусочки, будто дрессированный тюлень. У Эдит возникло впечатление, что Кики незаменим во многих отношениях. Присутствие невозмутимого слуги казалось совершенно бессмысленным, пока он, повинуясь кивку старшего официанта, не наклонился и не убрал со стола

ополовиненную бутылку «Фраскати»[14]. Вино он решительно и неумолимо отнес в дальний угол столовой и через несколько секунд столь же решительно и неумолимо возвратился с большой вазочкой мороженого, которое поставил перед ней, сам же снова занял свой пост за стулом. Дама с собачкой покосилась на Эдит прекрасным жертвенным оком, скривила лицо в прихотливую утонченную гримасу и вновь обратилась к трапезе. Театральщина, подумала Эдит; одна из тех танцовщиц-великанш, что зашибают состояние по иноземным кабаре, а потом уходят со сцены. Но к чему это здесь?

Она отдавала себе отчет в том, что блюда прямо с плиты и великолепны на вкус, а она, к вящему своему удивлению, ест с удовольствием и оживает с каждым глотком. Немного взбодрившись, она обвела столовую взглядом, но не увидела ничего интересного. Мужчины в сером все так же деловито беседовали; две молодые пары из города, явно решившие провести вечер вне дома, были усажены у окон, выходящих в невидимый сад. Полный пожилой господин, являвшийся не кем иным, как мсье Юбером, решил поужинать,

14 Примечания: 14
Марка итальянского вина.

одновременно надзирая за порядком, и тем совместил два своих самых любимых занятия; хотя мсье Юбер нашел, что почти все отвечает его требованиям, он не преминул подозвать к своему столику чуть ли не каждого официанта, которого после многих подмигиваний и наставлений отправлял исполнять положенные обязанности. Начинается мертвый сезон, размышляла Эдит, и это заметно. Дама с собачкой встала, споткнулась, уронила салфетку на пол; затем, подхватив Кики на руки, наградила надменным взглядом слугу в белой куртке — он как раз шагнул к ней, — глубоко вздохнула и приготовилась удалиться со всевозможным достоинством. Мадам де Боннёй, положив руки на стол, громко рыгнула. Эдит с интересом заметила, что мсье Юбер на секунду закрыл глаза, но, когда их открыл, лицо его пошло складками, долженствующими выразить неземное блаженство. Проследив его взгляд, она обнаружила причину. В противоположных дверях нерешительно застыла та самая пленительная дама, которая требовала чая для дочери; на ней были кружева цвета полуночи, в ушах переливались крохотные бриллианты. Убедившись, что ее появление замечено и принято с восторгом, она грациозно проследовала к

своему столику. Дочь в черном открытом платье шла следом, улыбаясь направо и налево, словно принимая букеты.

Это я должна видеть, подумала Эдит и налила себе еще один стакан воды. Она уже разобралась в природе властного и трудноопределимого чувства, которое вызывала у нее эта пара: любопытство, зависть, восхищение, притяжение и страх, страх она всегда ощущала в присутствии сильных натур. А они, несомненно, относились к сильным натурам, тут не о чем было спорить; вот только их присутствие в этом отеле вызывало недоумение. Судьба, бесспорно, предназначила им блистать в более роскошном окружении. Это явствовало и из той поспешности, с какой со всех сторон набежали официанты и принялись их усаживать. Замелькали карты меню, посыпались оживленные замечания. Дама с собачкой, о которой в этом мельтешении совсем забыли, оглянулась через плечо, состроив еще одну прихотливую гримасу; Эдит отметила, что, хотя на выходе она и встретилась с этой парой, они ее полностью игнорировали. И вновь она ощутила тайный шепоток упоительного страха. Но на них стоило поглядеть — они являли собой истинное средоточие силы, а также очарования. И не толь-

ко очаровательной внешностью обладали они, но и соответствующим ей восхитительным аппетитом. Оживленно болтая, они браво разделались со всеми четырьмя блюдами, так что только ножи и вилки мелькали в воздухе; одновременно они обсуждали планы на следующий день. «На какое время ты заказала машину?» — донеслось до Эдит, и еще: «Напомни, мамочка, чтобы я не забыла вернуть туфли». Потом, как свойственно многим прожорливым женщинам, они откинулись на стульях с привередливым выражением, словно не изволили обратить на еду особенного внимания. В тихом омуте, подумала Эдит.

Ей, однако, пришлось выйти следом за ними — смиренной и норовящей уклониться от курса лодочке в их радужном и благоуханном кильватере (теперь она сообразила, откуда взялся тот аромат в коридоре). Когда они расположились в гостиной, она села неподалеку, будто хотела позаимствовать немного смелости и веры от их безмерно самоуверенного соседства. В ожидании кофе они придирчиво изучали свои лица в зеркальцах пудрениц; кое-что было подправлено, губы вновь заблестели, и дама с пепельными волосами подняла голову, чтобы улыбнуться пожилому пианисту, который вернулся с подборкой

новых мелодий из неопределенных источников.

— Ах, Ноэль! — снисходительно воскликнула она при первых звуках тихой, добросовестно исполняемой музыки. — Какой гений пропал в этом мальчике!

В этом *мальчике* ? Эдит поняла, что их возраст следует прикинуть заново, но не успела к этому приступить, как увидела, что дочь встала, огладила черное платье на изобильных бедрах и направилась в ее сторону. Довольно крупное румяное лицо в обрамлении светлых волос вопрошающе склонилось к Эдит, и девушка сказала:

— Мамочка хочет знать, не желаете ли вы выпить с нами кофе?

Конечно же это было избавление, избавление от вечерних часов, которые ее ожидали, и Эдит радостно поднялась, последовала за дочерью, отвесила матери легкий поклон и сказала:

— С вашей стороны это очень любезно. Меня зовут Эдит Хоуп, я только сегодня приехала и…

— Я миссис Пьюси, — оборвала дама. — Айрис Пьюси.

— Очень приятно. Вы здесь…

— А это моя дочь Дженнифер.

Они сели, выжидательно улыбаясь друг другу. Принесли кофе. Миссис Пьюси наклонилась и

взяла чашечку.

— Я сказала Дженнифер: пойди пригласи эту даму, пусть составит нам компанию. Не люблю, когда сидят в одиночестве. Особенно вечером.

Она откинулась на спинку кресла. Эдит опять улыбнулась.

— Я сказала: у нее такая печаль в глазах.

3

Наутро — полное затишье.

Эдит проснулась в мягких розоватых сумерках. Она осторожно села в непривычной постели и поднесла к глазам часы, пытаясь разглядеть, сколько времени. Ей казалось, что еще рано; она помнила, что уже просыпалась и слышала, как в коридоре, совсем близко, тихо затворили дверь; однако, к ее удивлению, было почти восемь утра, и лучик света, пробивавшийся сквозь розоватые шторы, по всей видимости, обещал хороший день. Она позвонила, чтобы принесли завтрак, встала и раздвинула занавеси; в длинной белой ночной рубашке вышла на балкончик и вздрогнула от холода. Но туман над озером уже рассеивался, и прямо перед ней, далеко-далеко, восстала темно-серая громада, которая на глазах приобретала четкие очертания и форму, — гора. Внизу, у причала, негромко тарахтела маленькая моторная лодка, и шеф-повар в чистых мешковатых штанах и белой куртке спустился за ежедневной партией свежего окуня.

Молодой слуга, столь невозмутимо стоявший за креслом дамы с собачкой, принес завтрак и

плавным жестом опустил поднос с высоты плеча на столик.

— Merci, — сказала она, и сама не узнала собственного голоса, настолько редко в последнее время ей приходилось говорить вслух. — II fait froid?[15]1

— И a neige cette nuit sur la montagne[16], — скромно ответил он.

Для юноши — почти мальчика — он, похоже, относился к своим обязанностям слишком серьезно. Ему можно было дать лет восемнадцать, не больше. Стрижка короткая, как у каторжника, выражение лица замкнутое, а повадки матерого лакея, джентльмена при джентльмене, надежного наперсника, блюдущего свой собственный кодекс чести, достойного слуги своего сеньора.

— Comment vous appelez-vous?[17] — мягко спросила она.

Он обернулся в дверях и улыбнулся, обнажив щербинку в переднем зубе, а глаза смотрели доверчиво, как у мальчишки, который ставит

---

15 Примечания: 15
Холодает? (фр.)

16 Примечания: 16
В горах ночью выпал снег (фр.).

17 Примечания: 17
Каквасзовут?(фр.).

перед собой суровые цели, но жаждет, чтобы его приласкали.

— Alain, — ответил он. — Je m'appelle Alain[18]. Эдит пила кофе и вспоминала вчерашний вечер.

Что ж, кое-чего она добилась: люди начали обретать имена. А банальные «здесь» и «сейчас» — плоть. Ужас, который несло с собой понимание этого — как если бы слишком хорошее знание окружения могло придать ее здешнему пребыванию некую реальность, некую весомость, — быстро скрадывался невероятным накоплением событий, и событий весьма занимательных, таких, например, как знакомство с Айрис и Дженнифер Пьюси. Или, скорее, с Айрис Пьюси, ибо Дженнифер была столь точным подобием своей матери, что, хотя и занимала в пространстве совсем немало места и ее телесное присутствие странным образом давило на окружающих, говорила она редко и мало, а у Эдит раз или два возникало впечатление, что настоящая Дженнифер, являя миру свое широкое улыбчивое лицо, находится совсем в другом месте.

Айрис, несомненно, царила на сцене; Айрис, ясное дело, была звездой представления и, по-

---

18 Примечания: 18
Ален… Меня зовут Ален (фр.).

добно многим звездам, могла блистать, лишь занимая главенствующее положение; она не хотела ничего знать, поэтому Эдит и не просили ничего о себе рассказывать. Миссис Пьюси быстренько излила на Эдит свое сочувствие, и теперь Эдит предстояло ходить у нее в конфидентках. А сколько она способна поведать, размышляла Эдит. У некоторых такая насыщенная жизнь. Ежегодное краткое пребывание Айрис Пьюси в отеле «У озера» имело одну-единственную цель — покупки. И она могла себе это позволить, благо ее покойный супруг предусмотрительно положил известную сумму на ее личный счет в одном из швейцарских банков.

Все это Эдит узнала за полчаса, проведенные с миссис Пьюси. Получаса хватило на то, чтобы определить правила игры и прийти к негласному соглашению между сторонами. В обмен на избавление от постылого жребия, о чем миссис Пьюси отозвалась с большим сочувствием, Эдит надлежало предоставить себя в распоряжение миссис Пьюси — если у нее не было других обязательств, а таковые, если имелись, тоже следовало представить для самой пристальной проверки — и почтительно внимать рассуждениям миссис Пьюси, ее воспоминаниям, отзывам о других и

общим взглядам на мелкие сложности жизни. Эдит охотно на это пошла, притом не из-за душевного своего состояния, которое представлялось ей хоть и неизлечимым, однако вполне терпимым, а потому, что восхитительное общение с миссис Пьюси давало ей возможность изучить чуждый биологический вид. Ибо в этой очаровательной женщине, полностью предсказуемой в счастливом желании покорять сердца, безоглядно поглощенной своей женственностью, которая всегда приносила ей главные радости жизни, Эдит прозревала алчность, вульгарность, неуемность. Осознание этой тяги миссис Пьюси и Дженнифер к насыщению и торжеству и вызвало у Эдит легкую дурноту, когда она наблюдала их за обедом. Догадывалась она и о различии в снедающей их жажде, и эта разница, похоже, была чревата скрытой угрозой для ее, Эдит, жажды жизни. Однако эту мысль она прогнала от себя как смехотворную (и как способную принести боль, если на ней задержаться), когда пила кофе в приятной компании Дженнифер и миссис Пьюси и нежилась под роскошным июльским небом их самовлюбленности, каковая, в свою очередь, изливала благодатное тепло на тех, кто был в сфере ее досягаемости. Эдит же в этих

странных для нее обстоятельствах находила нечто умиротворяющее в самом существовании миссис Пьюси, женщины столь чувствительной и столь жадной, столь безмятежной и столь преуспевшей в ублажении своих желаний, что она и в других будила дерзкие мысли об обладании и накоплении. В представлении Эдит она была само олицетворение идей, до моральной поддержки которых не унизилась бы никакая современная женщина. Миссис Пьюси была не только прирожденной волшебницей, но высоко ценила такую же предрасположенность в других. (И, как волшебница, всегда была готова снять чары.) Вопреки ожиданиям, ей не были чужды воображение и щедрость. В дочери, например, она видела не соперницу, как бывает с женщинами попроще, но наследницу, которую следует готовить в звезды, каковой ей предстоит стать по праву рождения. Между матерью и дочкой существовало физическое притяжение, более сильное, чем Эдит приходилось когда-нибудь видеть, а также взаимная любовь, которую Эдит, впрочем, находила слегка надуманной. Ибо, несмотря на крепкие телеса Дженнифер, переходящие в пышность форм, было ясно, что мать по-прежнему видит в ней маленькую девочку. А Дженнифер,

уже по привычке, а также из любви к матери, продолжала играть эту роль.

Вследствие всего этого Эдит вновь задалась вопросом о том, как лучше всего вести себя женщине, вопросом, лежащим в основе всех написанных ею романов, вопросом, который она попыталась обсудить с Гарольдом Уэббом, вопросом, на который она так и не нашла ответа и который теперь представлялся ей жизненно важным. Сейчас ей открылась возможность изучить этот вопрос на живом примере, и тот факт, что все, буквально все высказывания миссис Пьюси до сих пор отдавали крайней банальностью, лишь подогревал возбуждение Эдит. Тут явно крылись глубины, заслуживающие долгого и пристального исследования.

Миссис Пьюси удачно начала разговор с упоминания о своем супруге, ныне, увы, покойном, но для нее по-прежнему источнике вдохновения — она думает о нем постоянно.

— Изумительный человек, изумительный, — заключила она и прижала большой и указательный пальцы правой руки к точке над переносицей.

— Мамочка, не надо, — воззвала Дженнифер, погладив матери руку.

Миссис Пьюси издала неуверенный смешок.

— Она так переживает, когда я расстраиваюсь, — объяснила она Эдит. — Все в порядке, милая, я возьму себя в руки. — Она извлекла платочек тонкого батиста и промокнула уголки губ.

— Но вы не представляете, как мне без него тяжко, — доверительно сообщила она — Он давал мне все, о чем я могла мечтать. Первые годы нашего брака были сказкой. Он, бывало, говорил мне: «Айрис, если это тебя порадует, пойди и купи. Вот незаполненный чек. И не трать деньги на хозяйство, трать на себя». Но конечно, на первом месте у меня было наше уютное гнездышко. Я просто обожала наш дом. — Здесь большой и указательный пальцы опять потянулись к переносице.

— Где вы живете? — спросила Эдит, понимая, что задает до пошлости элементарный вопрос.

— Дорогая моя, я имела в виду наш первый дом, в Холсмере. Господи, какая жалость, что я не взяла с собой снимки. Его строили по специальному проекту. Не дом — мечта. Но не стану о нем говорить, не то Дженнифер расстроится, правда, милая? Да, да, она, бедняжка, так не хотела уезжать из «Зеленых Черепиц».

Вижу как на картинке, подумала Эдит. Паркет. Буфеты под стать. Из окон красивый вид. Кухня

со всеми приспособлениями и утварью. Два раза в неделю приходит садовник, а его жена — каждый день, преданная прислуга в белом фартуке. На первом этаже комната для джентльменов, чтобы могли переодеться после партии в гольф. Не забыть еще про внутренний дворик.

— Но когда мужа перевели в Главное управление и я поняла, что ему придется все время ездить домой из города, я решительно воспротивилась. С какой стати, задалась я вопросом, ему себя загонять, чтобы потрафить своей глупенькой женушке, которой нравится тихо и мирно жить за городом? Кроме того, я догадалась, что он попросит меня устраивать приемы. Он сам еще не сообразил, а я уже догадалась. Вот так мы и перебрались в Монтроз-корт, что в

Сейнт-Джордж-Вуд[19]. Квартира, разумеется, прекрасная, и экономка у меня великолепная. Места много, у Дженнифер свои собственные комнаты. Живу я совсем одна. И магазины в округе совсем недурные. — Она снова промокнула уголки губ и добавила: — Разумеется, нам все доставляют на дом.

Успокоив Эдит в том плане, что дом у нее —

---

19 Примечания: 19
Пригород Лондона.

полная чаша, она перешла к описанию самого главного в их с дочерью жизни за границей. Было очевидно, что как товарки по путешествиям миссис Пьюси и Дженнифер ладили просто великолепно. Заграницу они преимущественно воспринимали как огромный магазин предметов роскоши. Они располагали обширными данными о местечках, не столь давно, но необратимо вышедших из моды, поэтому и оказались в отеле «У озера», хотя их пребывание здесь отчасти объясняли счет в швейцарском банке и знакомство, которое мистер и миссис Пьюси завязали с мсье Юбером «давным-давно», когда возвращались автомобилем из Монтрё. Выяснилось, однако, что мистера Пьюси со всеми его делами, каковы бы те ни были, нередко оставляли дома, а Дженнифер с матерью отбывали развеяться в Каденаббию, или Люцерн, или Амальфи, или Довиль, или Ментону, или Бордигеру, или Эсториль. Единожды, всего единожды в Пальму, о чем, видимо, пожалели.

— Я всегда плохо переносила жару. После этого муж заявил, что на Средиземноморье мы больше ни ногой, по крайней мере в разгар сезона. Все это, понятно, происходило, когда всяких там групповых туров не было и в помине. Красивое местечко. Но жарища! Ужас! Я не вылезала из

собора, там хоть было прохладно. Чтоб я снова туда поехала — ну уж нет!

Нет, продолжала миссис Пьюси, ей по душе прохладный климат. И они терпеть не могут толпу. А мсье Юбер оказывает им такой теплый прием. Разумеется, им всегда отводят один и тот же номер — на третьем этаже, с видом на озеро.

— Тогда, по-моему, мы с вами соседи, — отважилась вставить Эдит. — Мой номер триста семь.

— Ну конечно, — ответила миссис Пьюси. — Маленькая комнатка в самом конце коридора. В таком отеле, понятно, одноместные номера можно пересчитать по пальцам. — Она задумчиво воззрилась на Эдит и добавила: — Если поднимемся вместе, вы сможете к нам заглянуть.

После этого она с трудом переместилась на краешек кресла, попробовала встать и, после двух неудачных попыток, приняла вертикальное положение; стряхнула руку Дженнифер и обрела равновесие, покачнувшись на тонких лодыжках. Этой женщине под семьдесят, подумала Эдит.

Но сама усомнилась в этом, следуя за стройной фигурой в кружевах цвета полуночи и облаком благоуханий сперва в лифт, затем по коридору. Дженнифер опередила их, чтобы открыть дверь, и миссис Пьюси с готовностью исполнила

обязанности хозяйки. Они и вправду занимали роскошные апартаменты — целых две спальни, каждая с отдельной дверью в коридор, но миссис Пьюси намекнула, что их всегда можно застать в маленькой гостиной между спальнями — комнатке, где глаз радовали приятные мелочи, которыми люди со средствами ублажают себя в непривычной обстановке, — цветной телевизор, корзина с фруктами, цветы, несколько полбутылок шампанского. Проведя гостью в спальню, миссис Пьюси с улыбкой указала на свисавший со спинки стула нежно-розовый атласный пеньюар, богато отделанный кружевом.

— Моя слабость, — призналась она. — Люблю красивые вещи. В Монтрё есть один великолепный магазинчик. Поэтому мы и приезжаем сюда каждый год.

Она снова внимательно посмотрела на Эдит и улыбнулась.

— Пока вы здесь, дорогая моя, купили бы себе что-нибудь красивое. Женщине необходимо иметь красивые вещи. Когда она хорошо себя чувствует, то так же и выглядит. Об этом я твержу Дженнифер. Я слежу за тем, чтоб она у меня одевалась по-царски. Правда, милая?

Она раскрыла объятия, Дженнифер в них всту-

пила и потерлась носом о материнскую щеку.

— Ох, — рассмеялась миссис Пьюси, — она любит свою глупую матушку, верно, милая?

Они тепло обнялись и так, обнявшись, проводили Эдит до двери.

— Не сидите в одиночестве, дорогая моя, — сказала миссис Пьюси. — Вы знаете, где нас найти.

И дверь закрылась.

Ночью Эдит мысленно возвращалась к этому разговору всякий раз, когда спартанская жесткость матраса чаще обычного прерывала ее и без того легкий сон. Думала она и о пещере Аладдина, представшей перед нею в номере Пьюси, где было полно разных приятных и красивых вещей. Но больше всего она размышляла об очаровательной живой картине — обнявшие друг дружку за талию мать и дочь, их розовые лица обращены к Эдит. Увидев ее, они сразу постигли всю глубину ее одиночества, и это невольно проступило у них на лицах, ставших совсем бесхитростными от смешанного выражения жалости и удивления. Ей хотелось просить прощения, когда, отвесив короткий сухой поклон (который сам по себе был знаком уподобления и воспоминания), она пожелала им доброй ночи и задумчиво направилась в свою комнату. Она твердо решила извлечь из

этого урок и впредь не вызывать у них именно этого сложного переплетения чувств.

Наутро, облачившись в юбку из твида и неизменный длинный кардиган, Эдит подумала, что, пожалуй, приложила маловато усилий, чтобы выглядеть наилучшим образом. И если посторонние не проявляли особого интереса к тому, как она выглядит («Над чем вы сейчас работаете?» — обычно задавали ей вопрос на приемах), то в этом, очевидно, виновата она сама. Она не сумела достигнуть вершин потребительства, до которых, судя по всему, могла добраться с таким же успехом, как всякий другой. Теперь это можно было исправить. Если женщина хорошо себя чувствует, то так же и выглядит, повторила она про себя, выходя в коридор. Пересекши фойе и одолев вращающиеся двери, она глубоко вздохнула, собираясь с духом, чтобы выйти на люди, и снова напомнила себе это изречение. И добавила: разумеется, мне все доставляют на дом.

Но минут через десять ей стало ясно: заграница для нее, даже маленькое местечко в самый конец сезона, совсем не то, что для Айрис Пьюси и даже для Дженнифер. Там, где они видели магазины роскошных товаров, она видела одни лишь места заключения. «Pension Lartigue (Dir. Mme Vve

Lartigue)»[20] соседствовал с «Clinique Les Mimosas (Dr. Privat)»[21]. В маленьком обнесенном решеткой саду двое мужчин играли в шахматы за складным столиком, за их игрой в полном молчании следили шесть зрителей. Разочарованная, но все еще сохраняя спокойствие, она достигла большого кафе с наполовину запотевшими стеклами, вошла, села и извлекла из сумочки записную книжку — поддержать себя в собственных глазах. Но представшее ей зрелище подбодрило ее в куда большей степени. Посетительницы, пышущие здоровьем женщины, тихо жужжали, переговариваясь вполголоса; запыхавшиеся официантки сновали между стойкой и столиками, разнося тарелки с пирожными и бесконечные чашечки кофе. Из глубин помещения до Эдит донеслось знакомое подвывание; подняв глаза, она увидела, как высокая женщина отломила кусочек миндального пирожного и сунула в пасть Кики. Заметив Эдит, дама с собачкой махнула в знак приветствия серебряной вилочкой. Эдит кивнула и улыбнулась. Какими ветрами занесло сюда эту женщину? Миссис Пьюси уж наверное знала. А

20 Примечания: 20
«Пансион Лартиг (Дир. мадам В. Лартиг)» (фр.).

21 Примечания: 21
«Клиника „Мимозы“ (Д-р Прива)» (фр.).

я^го что тут делаю, подумала Эдит, прогнала от себя эту мысль, расплатилась и вышла.

Завершая прогулку, она не обнаружила новых примет сибаритского образа жизни. Перед угловым магазинчиком, вероятно зеленной лавкой, были выставлены на мостовой три простенькие корзины с волокнистой фасолью. У вокзала она купила номер «Тайме» от третьего дня. В отель она поспела как раз к той минуте, когда миссис Пьюси и Дженнифер церемонно усаживали на заднее сиденье старомодного лимузина. Едут, несомненно, в Монтрё, чтобы по-царски выряДить Дженнифер. Эдит не спеша проследовала в отель, поднялась на лифте, прошла коридором, где попала в свежее облако духов, и задумчиво присела за столик у себя в номере.

«Дэвид, милый, — написала она, — представь, здесь все с утра до вечера на ногах, жизнь прямо-таки бьет ключом. Существу не от мира сего, вроде меня, впору бежать в ужасе от утонченности здешнего фешенебельного общества, но меня любезно взяла под опеку почтенная дуэнья, миссис Айрис Пьюси из Монтроз-корт, ранее обитавшая в Холсмере. Предполагается, что из меня выйдет сносная компаньонка для ее дочери Дженнифер, хотя последняя, несомненно,

птица куда более высокого полета. Тем не менее Дженнифер не спешит разлучаться с мамочкой, по крайней мере так уверяет ее мать, и мы себе мирно делаем вид, что достойный мужчина появится в свое время. Пока что мужчин вообще нет в наличии. Если не считать покойного мужа миссис Пьюси (другого имени или звания он, похоже, не имеет, да это, как подразумевается, и не нужно), мы тут предоставлены сами себе.

Она здесь, безусловно, самая интересная личность, хотя очень красивая дама с собачкой тоже кое-что обещает. Насколько я поняла, муж у нее — важная птица в Брюсселе. Впрочем, мне еще не выпало случая поговорить с ней. С другой стороны, миссис Пьюси — особа весьма разговорчивая, и это к лучшему, иначе я…» (это предложение она вычеркнула).

«Я обожаю миссис Пьюси. Абсолютно безмятежная, в высшей степени самоуверенная женщина, которая со смехом признает, что всего лишь приумножила дары, ниспосланные ей Господом. У нее наверняка огромные деньги, и мне хотелось бы выяснить, откуда она их взяла. Когда наш муж перешел в Главное управление, что и стало причиной прискорбного отъезда из Холсмера, интересно, куда именно он устроился? Что это

за Главное управление и чем оно управляет? В поведении миссис Пьюси проскальзывает некий нюанс, и, рискну заметить, есть нечто в носике Дженнифер, что заставляет задаваться вопросом: уж не был ли наш муж той породы, кто именует лавку точкой розничной торговли? Но человеком он был, безусловно, решительным. Он не только перевел часть доходов в швейцарский банк, но понял, что Средиземноморское побережье в разгар сезона ему противопоказано. То есть противопоказано ей, я хочу сказать. Не предпринимал ли он время от времени одинокие вылазки в игорные заведения? Не был ли тайным членом Клуба Марбелла? Хотелось бы надеяться, но доказательств нет.

Вообще-то, хотя раньше миссис Пьюси представлялась мне дамой, я перевела ее в ранг пониже: миссис Пьюси определенно — женщина. «Женщина с головы до ног», как имел обыкновение называть ее нага муж. (Впрочем, он был представителем старой школы.) А даму с собачкой следует повысить до ранга Дамы, и даже с большой буквы. Она, вернее ее супруг, тоже отсутствующий, относится к правящему классу, хотя миссис Пьюси не очень-то высокого мнения о его титуле. Миссис Пьюси явно недолюбливает Леди

Икс (я до сих пор не знаю ее имени). Интересно знать почему.

Но в остальном все мы теперь при именах: миссис Пьюси и, разумеется, Дженнифер; мальчика, который разносит завтраки, зовут Ален, а красивую белокурую официантку, подающую чай, — Маривонна…»

Эдит положила ручку. Одно дело — описывать миссис Пьюси и Дженнифер и совсем другое — вспоминать, как они, нежно обнявшись, провожали ее до дверей и желали доброй ночи. Картина стояла перед глазами, ибо в ней запечатлелась любовь. Любовь матери и дочери, и соприкосновение тел, и тайное соглашение об обоюдной красоте — ничего этого ей отроду дано не было. Ее чудная мать, Роза, женщина жестокая и во всем разуверившаяся, красавица в юности, безуспешно воевавшая с уготованной ей судьбой и сознательно, целенаправленно пустившая себя под откос, презиравшая всех неряха, издевалась над своей бледной бессловесной дочерью, застенчиво и неслышно появлявшейся в надушенной спальне с бесконечными чашками кофе, которые мать тут же опрокидывала с криком: «Слабый! Слабый! Все вы тут слабаки!» Вздохи по Вене, которая видела ее юной и ослепительной, а не

толстой и неопрятной, как теперь. И слезы по умершей сестре, Анне.

Размышляя о броском очаровании миссис Пьюси, Эдит вызывала в памяти горькие воспоминания. Возраст сыграл дурную шутку с обворожительными сестрами Шафнер, ее матерью Розой и теткой Анной. Они покорили немало студентов, снимавших комнаты в мрачном пансионе их матушки, дабы было где писать дипломные работы по Климту, или Шницлеру, или Jugendstil[22], или по всем трем вместе. Сестры выскочили замуж быстро и совсем юными, но вскоре горько разочаровались. Студенты, столь привлекательные вдали от родных пенатов, не замедлили превратиться в тихих университетских служак. Университеты Рединга, Ноттингема, Огайо или Кингстона мало что могли предложить законченным венским кокеткам с их далеко идущими планами и близкими целями, с их настроениями и неугомонным стремлением побеждать. Когда через много лет сестры снова собрались вместе, а с ними и кузина Рези, они заспорили о том, у какой из них жизнь невыносимее и скучней, муж ничтожнее и занудней и кому

22 Примечания: 22

«Югендстиль» — наименование стиля модерн применительно к немецкому и австрийскому искусству.

выпало больше бессмысленных пустых дней, каких нечем заполнить, как ни старайся. Каждой клеточкой тел они источали раздражение и безысходность, в сумрачной гостиной их матери повисла гнетущая атмосфера раздора и отвращения. Потолстевшие, затянутые в жесткие корсеты, с плохо подведенными бровями и огромными тугими грудями, они, предаваясь воспоминаниям, впадали в остервенение, орали, расплескивали кофе из чашек. «Schrecklich! Schrecklich![23] — вопили они. — Ach, du Schreck!»[24]

Семилетняя Эдит, укрывшаяся за креслом Grossmama[25] Эдит, с облегчением услышала, как отец вставил ключ в дверь, и с плачем кинулась ему навстречу. Слов старших она не понимала, но от их крика ей было больно. Отец все понял, вежливо улыбнулся и предложил сходить погулять. Он повел ее в Kunsthistorisches Museum[26] и попробовал рассказать о картинах, но она не хотела

---

23 Примечания: 23
«Ужасно! Ужасно!» (нем.)

24 Примечания: 24
«О, ужас!» (нем.).

25 Примечания: 25
Бабушка (нем.).

26 Примечания: 26
Музей истории искусств (нем).

слушать и только прижималась разгоряченной мордашкой к его руке. Когда же он завороженно остановился перед полотном — люди навзничь лежат под палящим солнцем на пшеничном поле, — она снова заплакала, а он наклонился и убрал ей волосы со лба. Вот так-то, Эдит, сказал он, вытирая ей слезы платком, в таких обстоятельствах и проявляется характер.

Он умер совсем нестарым, сорока с небольшим, ее маленький бедный профессор, и презиравшая его Роза окончательно опустилась уже после его смерти. Не проходило дня без того, чтобы она, все больше погрязая в неопрятности и злобе, не поносила память о нем. Когда же она умерла в свой черед, ненадолго пережив мужа, Эдит нашла в ее бумагах выцветший обрывок письма, которое отец тщательно, с присущим студенту усердием написал на немецком. То было приглашение, куда — непонятно, но первая фраза содержала намек на давние счастливые времена. Отец писал своим тонким наклонным почерком: «Милостивая государыня, окажите мне честь…» Остальное было оторвано.

Эдит потерла глаза и снова взялась за перо.

«Милый, любимый, ты не представляешь, как много я о тебе думаю, как ты мне нужен и как я

жду нашей встречи».

Она осторожно промокнула письмо и отложила в сторону. Затем взяла папку с текстом «Под гостящей луной», извлекла рукопись, перечитала последний абзац и послушно склонилась над своим ежедневным трудом — сладким дурманом воображения.

— По-моему, у вас появился поклонник, — хихикнула миссис Пьюси.

Эдит не ответила, да от нее, видимо, и не ждали ответа: миссис Пьюси — в нежно-зеленом костюме и при дневных жемчугах — отвернулась подозвать Маривонну, чтобы та принесла еще кипятка.

Ошалевшая и измотанная после нескольких часов работы над книгой, Эдит спустилась в гостиную и застала там одну мадам де Боннёй, которая через лупу читала по строчкам «Gazette de Lausanne». Плотная и теплая тишина гостиной показывала, что к ленчу она опоздала, а чаю еще не время. Она пересекла вестибюль, все еще слегка не в себе от трудов, и, привычно толкнув вращающуюся дверь, вышла в день такой совершенной прелести, что посетовала — как же она могла его упустить. Осеннее солнце заливало ласковым медовым светом гладь озера; крохот-

ные волны с тихим шорохом лизали берег; белый пароход бесшумно скользил в сторону Уши; а на песчаной дорожке, прямо под ногами, она увидела ежик каштана, из лопнувших створок которого выглядывало коричневое ядрышко ореха.

4

В кафе с запотевшими окнами — сейчас они были кристально прозрачны и блестели на послеполуденном солнце — почти не было посетителей. Сев за укромный столик, Эдит на миг зажмурилась от бьющего в глаза солнца и испытала прилив чистого удовольствия. Время растворилось; ощущения обострились. Она выпила кофе — чувства персонажей все еще не могли разрядиться в ней, поэтому есть не хотелось, — откинулась на спинку стула и снова закрыла глаза, наслаждаясь заслуженным отдыхом после своих скромных, неведомых миру трудов. Когда же она раскрыла глаза, то увидела удивительное зрелище: далеко, на самом берегу озера, дама с собачкой грациозно наклонялась и выпрямлялась всем своим гибким узким телом, время от времени взмахивая тонкой рукой, ее спутанные волосы отливали на солнце, а одинокие крики «Кики! Кики!» едва проникали через стекло. Маленький песик, забыв о своей истерии, исправно бросался за брошенной палкой. Странный порыв этой женщины, непривычное исступление и сосредоточенность в ее жестах заставили Эдит

вспомнить об осторожности; она вернулась той же дорогой в отель к печали своего изгнания.

Сойдя к чаю, Эдит удивилась, застав в гостиной мужчин, которых раньше не видела. Их обслуживали молодые официанты, которых она до этого тоже не замечала, а мужчины группами сидели за столиками, пребывали в отличном настроении и в сердечном согласии обсуждали свои дела. Двое или трое проводили ее взглядами, но тут же вернулись к вещам более важным, которые, собственно, и свели их здесь, после окончания рабочей конференции в Женеве, для прощальной дружеской встречи накануне отбытия. До Эдит впервые дошло, что в отеле служит немало народа, но многие присутствуют как бы незримо и появляются лишь тогда, когда того требуют обстоятельства; и уж тут, в урочное время, они обслуживают клиентов со всем рвением и пониманием важности происходящего. Похоже, именно такое время и наступило. Мсье Юбер, восседающий за конторкой и всячески мешающий зятю справляться с обязанностями, улыбался, отвешивал поклоны и требовал внести в меню на ужин изменения, сопряженные с немалыми трудностями.

В это столпотворение и вступила миссис Пью-

си, наморщив носик от непривычного табачного дыма. Она, как всегда, запоздала и, вероятно, немного утомилась от хлопотного дня, который не оправдал себя количеством покупок. Эдит словно магнитом перетянуло с ее места за столик миссис Пьюси; последняя объяснила, что они отправились за блузкой особого фасона, с ажурной строчкой, но их постигло разочарование. Маленькая портниха, которая шила такие блузки, как сквозь землю провалилась, не предупредив их, хотя прекрасно знала, что миссис Пьюси и Дженнифер приезжают каждый год и всегда заказывают целую партию. И *не забывают* поздравлять ее с Рождеством.

— До чего докатились, — пожаловалась миссис Пьюси. — Даже в Швейцарии разучились обслуживать. Нет, не понимаю я, куда движется время, — печально улыбнулась она. — Да, все меняется, и, увы, не к лучшему. Но одного от меня *никогда* не дождутся — чтобы я снизила свои требования. Я всегда требую самое лучшее. Вероятно, это у меня от рождения. Как говаривал муж, «брать — так уж лучшее».

— Мамочка! — возопила Дженнифер. — Ты и есть самое лучшее.

Она схватила мать за руку, и в их глазах блесну-

ла сдержанная слеза недавно осиротевших душ; и пусть все их сиротство сводится к вероломству мастерицы по ажурной строчке, подумала Эдит, она едва ли способна их утешить. Хотя удивительное, с ее точки зрения, единение матери с дочерью было продемонстрировано в очередной раз, она все приглядывалась к Дженнифер, в которой, как ей с самого начала казалось, было не больше чувства, чем в гладкой доске, при всех ее порывистых жестах и умении выразительно встревать в разговор. Эдит признавала, что Дженнифер являет собой великолепный образчик, естественное свидетельство материнской опеки. Широкое белое лицо, на котором, возможно, собранные воедино и не очень выразительные глаза, нос, рот и брови чувствовали себя несколько потерянно, сияло здоровым румянцем невинного младенца. Она отливала светом с головы до ног. Светло-голубые глаза, слегка загнутые внутрь зубы, кожа без единого пятнышка — все отдавало лоском; по сравнению с этим блеском ее белокурые волосы выглядели чуть ли не серыми. Формы ее полноватого безыскусного тела подчеркивала отнюдь не безыскусная, на взгляд Эдит, одежда, вероятно слишком ей тесная. Дженнифер умудрялась производить впечатление, что выросла

из нее. Мать явно не жалела денег на ее наряды, но стиль Дженнифер отличался от продуманной элегантности миссис Пьюси. В своих темно-синих полотняных брюках и слишком облегающем белом вязаном жакете Дженнифер решительно работала под gamin[27]. Эдит задавалась вопросом, сколько же ей лет на самом деле. Выглядела она юной, как миссис Пьюси — молодой, но Эдит, непонятно почему, обе они представлялись несовременными. Они постоянно говорили о прошлом, о времени, озаренном сиянием, счастьем, успехом, уверенностью и чувством надежности, времени потребностей, чуждых и непонятных их собеседникам. Эдит ощущала, что ее разговоры с матерью и дочкой Пьюси всегда будут односторонними. Они навязывали собеседнику свое прошлое так же настойчиво, как настоящее, и собеседнику каким-то непонятным образом надлежало восторгаться тем и другим. Они ничего не желали знать о всех прочих. Убедившись, что Эдит одна, они ее присвоили, причем, полагала Эдит, не только из доброты, но и по соображениям удобства, доказав тем самым свойственную им утонченность мышления. Поскольку миссис Пью-

27 Примечания: 27
Уличный мальчишка (фр.); стиль женской одежды «под мальчика».

си обычно начинала разговор с.«разумеется» или «конечно», они окружали себя полем безмятежной самоуверенности, которое исключало любые поползновения Эдит выступить с собственным мнением. Она находила это успокоительным и забавным; чего ей хотелось меньше всего, так это говорить о себе. Что угодно, только не это. Но она отдавала себе отчет в том, что ее почему-то тревожит упорное нежелание Дженнифер, при всей ее благорасположенности, идти на взаимность в их отношениях. В конце то концов, размышляла она, мы с нею почти ровесницы, пусть она на три-четыре года моложе. Сколько ей может быть? Тридцать два? Тридцать три? Может, тридцать четыре? И все же она держится матери, словно судьба забросила ту в равнодушный мир обывателей и ее, Дженнифер, долг — оградить мать от этого мира. А как сама Дженнифер относится к этому, узнать дано очень немногим, думала Эдит, слушая миссис Пьюси и одновременно созерцая неизменную улыбку Дженнифер.

В эту минуту ее размышления оборвали приятный мужской голос, сказавший: «Смотрите, не потеряйте», и рука, протянувшая ей записную книжку, которая, верно, соскользнула у нее с колен, пока она разглядывала Дженнифер.

Она вздрогнула, подняла взгляд и увидела стоящего перед ней улыбающегося мужчину в светло-сером костюме.

— Спасибо, — пробормотала она, ожидая, что после этого он удалится. Не могла же она предложить ему подсесть к их столику. Но он не уходил.

— Вы писательница? — осведомился он голосом, в котором звучала тщательно скрытая смешливая нотка. Будто *почувствовал* , в замешательстве подумала Эдит, хотя даже к мысли о том, что в подобном отеле можно встретить писателя, нельзя было относиться серьезно. Так она, по крайней мере, надеялась. Она рассеянно улыбнулась, рассчитывая избежать дальнейших вопросов, а он все с тем же чуть насмешливым выражением отошел и из уставленной чайниками гостиной последовал за своими приятелями или коллегами на свежий воздух.

— По-моему, у вас появился поклонник, — произнесла миссис Пьюси. Когда принесли кипяток, она добавила: — Он с самого начала на вас глаз положил. Я сразу заметила. — Сказала она это шутливо, однако устало прикрыв веки, словно и этот случай вписывался в историю их дневных огорчений. Дженнифер, отметила Эдит, по-преж-

нему сидела со своей стеклянной улыбкой.

Пришло время идти наверх переодеваться к ужину, однако никто не спешил подниматься. Эдит из лояльности — ведь она состояла при миссис Пьюси, хотя ей самой было неясно, при чем тут лояльность. Все глубокомысленно приумолкли; не было высказано и выслушано никаких признаний. Именно этого я и хотела, напомнила себе Эдит, но ее вдруг невыносимо потянуло поговорить с Дэвидом. Вторжение мужчины в ход ее мыслей, при всей смехотворности, болезненно пробудило ее самое заветное желание. Она глянула на часы, лихорадочно высчитывая время. Если она сию же минуту побежит наверх, то еще успеет застать его до того, как он удерет. В «Анфилады», вспомнилось ей, и сердце защемило от любви и ужаса.

— Пора возвращаться в «Анфилады», — то были первые его слова, какие она осмысленно восприняла, и их тайна покорила ее. Она так и эдак их поворачивала, и воображение рисовало ей анфиладу двориков, журчащие фонтаны, молчаливых слуг в кисейных шальварах и подносы с шербетом. Или же огромные диваны в сияющих побелкой домах, жаркий полдень, опущенные жалюзи, блеск солнца, мечтательную лень —

навеяно Делакруа. Или кофейни в подвалах и невозмутимых купцов, с щелканьем перебирающих янтарные четки. Курильни опиума. Турецкие бани. Облицованные плиткой купальни, где на стенах золотыми монетками дрожат блики отраженного света. Мир и покой.

— Кем вы работаете? — спросила она, не видя его, — перед ее распахнутым взором все еще курились видения.

— Аукционером, — ответил он. Последовало короткое молчание.

Они познакомились на одном из идиотских дневных сборищ у ее подруги Пенелопы Милн. «В воскресенье до ленча собираю всех выпить, — неумолимо протрещало в трубке. — И не вздумай отлынивать. Захочешь — поработаешь днем. Я тебе не помеха».

Как бы не так, подумала Эдит. Закусок, при твоей жадности, у тебя не будет, а поскольку в половине второго, или когда там еще я от тебя возвращусь с раскалывающейся головой, есть мне расхочется, рабочий день — пиши пропало. Чтобы подать закусить — к этому у Пенелопы было очень странное отношение: она рассматривала закуску как недостойную уступку; ее общество можно было заполучить лишь стары-

ми испытанными приемами — цветы, билеты в театр, интимные ужины в лучших ресторанах, а уж в них-то она понимала толк. Мужчины в жизни Пенелопы существовали для покорения и приобщения к свите, но они, кроме того, были врагами; она относила их к биологическому виду, который мог претендовать лишь на то время и внимание, каких, по ее мнению, заслуживал. С такими мужчинами она флиртовала, подкалывала их, но никогда не воспринимала серьезно; она пропагандировала скоротечные влюбленности со скоротечной постелью и веселое отсутствие обязательств с обеих сторон. Она, похоже, даже гордилась постоянной сменой любовников. Эдит видела, что в искусстве разврата она достигла совершенства. Одновременно она любила со вкусом повздыхать над скучным существованием Эдит и явно считала, что Эдит описывает лишь те радости, в которых ей отказала жизнь. Она великодушно предлагала свести Эдит с различными соломенными вдовцами из числа знакомых — «моими отверженными», как она называла их в шутку, — и впадала в обиду, когда Эдит уклонялась под тем предлогом, что, работая над книгой, не способна думать ни о чем другом. Эдит знала: та бы со смаком обставила встречу и сама бы при

сем присутствовала; она бы управляла каждым шагом Эдит, забросав ее игривыми ссылками на собственный успех у милейшего соискателя; она бы даже выпроводила их в ресторан по своему выбору, пошепталась бы с «отверженным» и твердо заявила Эдит: «Позвоню тебе утром». И все же она презирала сильный пол, у нее загорались глаза, когда на заседаниях разного рода комитетов, участие в каковых было самой сутью ее светской жизни, она пускалась в рассказы об одержанных ею победах. «Этот чудовищный недомерок», — в подобных выражениях она ставила точку на том, кто не хотел следовать правилам ее игры.

В свои сорок пять она выглядела роскошно и обещала сохранить красивую внешность еще долгие годы. Их с Эдит объединяли расположение домов — дверь в дверь на противоположных концах маленького газона — и общая прислуга: мойщик окон (кстати, у каждой были ключи от дома соседки) и миссис Демпстер, склонная к сценам непредсказуемая приходящая уборщица. Подразумевалось, что, если кто-то из них заболеет, другая будет для нее готовить и ходить в магазин. Правда, случая еще не представилось, но все равно было утешительно знать об этом. В конце рабочего дня Эдит, усталая, зевающая, с

больной головой, отставляла пишущую машинку, шла к Пенелопе и получала удовольствие, советуя той, что надеть на очередную светскую вылазку. Пенелопа, никогда не уточняя, чем конкретно занимается Эдит, выталкивала ее на своих бесконечных приемах вперед, словно маленькую девочку, и говорила: «Вы, конечно, знаете Эдит Хоуп. Она пишет». Такова была их дружба.

В то воскресенье Пенелопа созвала массу народа, многих Эдит видела в первый раз. Она уже смирилась с тем, что придется выстоять положенное время (Пенелопа не любила, чтобы гости сидели), и тут до ее сознания дошла громкая фраза. Она поискала глазами говорившего и увидела высокого худого рыжего мужчину, который угощался арахисом, набрав в горсть орешков; глядя на него со спины, она все же догадалась, что он не находит себе места и только ждет повода удрать. Тут годился любой повод. Вот почему прозвучала эта невероятная, эта неправдоподобная фраза, за которой, опережая возражения Пенелопы, с подозрительной быстротой последовала ссылка на внесение в каталог последних данных, что требовало его срочного участия.

Эдит, еще не очнувшаяся от видений арабской кофейни, купален и средиземноморского полу-

дня, несколько бестолково пробормотала, когда он решительно направился к дверям:

— Опишите мне, пожалуйста, эти ваши «Анфилады». С высоты своего немалого роста он смерил ее взглядом, наморщил длинный нос и сказал:

— Пятиэтажный склад на Чилтерн-стрит.

Она подняла взгляд, и они посмотрели друг другу в глаза, намеренно изгнав из них всякое выражение. Она опустила взгляд, и он ушел. Больше ничего не было сказано.

Потом, помогая Пенелопе мыть бокалы, она спросила:

— Чем занимается этот высокий мужчина?

— Дэвид Симмондс? Теперь возглавляет семейное дело. «Симмондс, аукцион недвижимости». Осуществляют крупнейшие продажи загородных домов. Довольно милый, правда? Он всегда немножечко мной увлекался, но последнее время его очень трудно заполучить на приемы.

— Откуда ты его знаешь? — спросила Эдит.

— Мы с его женой ходили в одну школу, — ответила Пенелопа. — С Присциллой. Ты ее знаешь. Много раз у меня видела. Да *знаешь* ты ее, Эдит. Высокая блондинка, очень красивая. Сегодня у нее не получилось прийти.

Эдит ее помнила: высокая блондинка, очень

красивая. Женщина властная и надменная, довольно беспардонная. С громким самоуверенным голосом. Она как-то видела ее в отделе фарфора у «Питера Джонса» и обратила внимание, как та выпендривалась, вконец загоняв продавца, словно классный староста — одноклассника.

Пенелопа сняла клеенчатый фартук с рекламой «Гиннеса»[28] и повесила на гвоздь резиновые перчатки.

— А сейчас, Эдит, боюсь, мне придется тебя выставить. Ричард обещал вернуться и сводить меня за угол на ленч.

Эдит увидела в окно, как на дороге появился Ричард — он поспешал с похвальным рвением. Какой живчик, подумала она. Боек, однако. Добротный пиджак в клетку чуть морщил на широкой спине. Помахал рукой с набухшими венами. Она представила Дэвида, невольно улыбнулась. И принялась его ждать.

Когда он пришел, а она знала, что он придет, часа через три, они без слов долго смотрели в глаза друг другу. В постели разом уснули, пригревшись в объятии, а когда почти одновременно проснулись, то рассмеялись от радости. После этого ей

---

28 Примечания: 28
Густое темное пиво типа портера.

казалось, что она знает о нем решительно все; единственно, чем он ее удивил, — своим восхитительным неизменным аппетитом. Она научилась держать в доме большие запасы снеди.

Они были люди благоразумные. Главное, не обидеть друг друга. Она гордилась тем, что держала язык за зубами, так что он и понятия не имел о ее пустых воскресных днях, о долгих тягучих вечерах, о поездках на отдых, отмененных в последнюю минуту. Ругаясь в душе, он таскал вещи в машину — предстояла долгая дорога из Суффолка, где он провел очередной шумный и бестолковый уикенд, — и думал о ее маленьком доме, тихом-тихом, о зеленом полумраке гостиной. Она же рано ложилась в постель и размышляла о нем и его семье, об их семейных привычках, ссорах и наслаждениях. О его детях.

Подумав обо всем этом здесь, в отеле «У озера», она почувствовала, как перехватило горло — верное предвестье слез (их-то она хорошо умела скрывать), и, кое-как извинившись перед миссис Пьюси, позволила себе беспримерный шаг — ушла из гостиной раньше нее. Звонить она не будет. Может, она уже и не в опале, но все еще отбывает испытательный срок.

Слезы, которые пролились из ее светлых про-

зрачных глаз, словно обострили зрение. За ужином она обратила внимание на то, что лампы горят ярче, в столовой больше интересных лиц, за столиками оживленней. После стольких дней в гинекее[29] было приятно увидеть мужчин, с которыми в отель пришла жизнь, и официантов, которые носились, выполняя их заказы. Когда она усаживалась, мужчина в сером, тот самый, что поднял ее записную книжку, привстал, кивнул головой и вернулся к извлечению позвоночника из палтуса на своей тарелке. Дама с собачкой была ослепительна в свободном платье из шифона с узенькими бретельками, завязанными крохотными бантами на худых великолепных плечах цвета слоновой кости. Эдит была преисполнена благодарности за тепло, за еду и обслуживание; она чувствовала себя очень усталой и решила, что ночью будет крепко спать.

Миссис Пьюси в черном шифоне нерешительно застыла в дверях, словно всеобщее возбуждение ее подкосило и без посторонней помощи она не осмелится следовать к своему столику; за спиной у нее маячила Дженнифер. И только когда мсье Юбер поспешил навстречу и галантно предло-

---

29 Примечания: 29
Женская половина дома у древних греков и римлян

жил ей опереться на свою руку, миссис Пьюси улыбнулась и позволила себя проводить. Дама с собачкой презрительно фыркнула, однако миссис Пьюси предпочла этого не заметить.

Эдит, снова ставшая незаметной и с незаметностью примирившаяся, как ей и подобало, удалилась из столовой, не привлекая внимания. В безлюдной гостиной — остальные еще сидели за ужином — она поняла, что ее шаткое чувство собственного достоинства колеблется и вот-вот рухнет под гнетом недавних печальных воспоминаний. Пианист, усаживаясь за свой инструмент, приветствовал ее коротким кивком, она ответила тем же и подумала о том, как мало возможностей выразить себя у нее осталось: кивнуть пианисту или мадам де Боннёй, выслушать миссис Пьюси, скрыться за голосом персонажа в романе, который писала. И при этом — ждать голоса, который так и не прозвучал, слушать слова, не значившие для нее почти ничего. Ужасный смысл подобного состояния заставил ее сморгнуть и поклясться быть смелой, выдержать, не уступать. Но это было нелегко.

Прихлебывая кофе, Эдит ощущала, что тоска очистила ее, сделала послушной и доверчивой, как дитя, — ей часто доводилось испытывать

это чувство, вызывая в памяти туманное детство, возможно, тот давний поход с отцом в Kunsthistorisches Museum. С детским желанием угодить она и подсела, когда ее позвали, к столику Пьюси. Мужчина в сером расположился рядом и, хотя делал вид, будто погружен в газету, почти не таясь прислушивался к их разговору. Возможно, сыщик, подумала Эдит без особого, впрочем, интереса.

— Знаете, дорогая моя, — изрекла миссис Пьюси, подкрасив лицо и выслушав, как хорошо она выглядит, — а вы мне кого-то напоминаете. Очень уж у вас знакомая внешность. Вот только кого?

— Вирджинию Вулф? — как всегда в таких случаях, подсказала Эдит.

Миссис Пьюси отмахнулась.

— Сейчас вспомню, — сказала она. — Вы, девочки, пока поболтайте. — И она прижала к переносице большой и указательный пальцы с таким озабоченным видом, что Дженнифер, постоянно пребывавшая на страже, перестала слушать Эдит и переключилась на мать. Эдит откинулась на спинку кресла и прислушалась к игре пианиста, на которого никто не обращал внимания. Затем в поле ее зрения обозначилось склоненное лицо Дженнифер.

— Мамочка сказала, что хочет посмотреть телевизор, поэтому мы идем к себе.

Она повернулась к матери и стала следить за неизменно мучительной процедурой перехода из сидячего положения в стоячее. И вновь Эдит задалась вопросом, сколько же той лет.

В дверях миссис Пьюси театрально обернулась и заявила:

— Вспомнила! Вспомнила, кого мне напоминает Эдит!

Эдит заметила, как плечи мужчины в сером — тот сидел, по-прежнему уткнувшись в газету, — сотрясла легкая дрожь.

— Принцессу Анну! — возгласила миссис Пьюси. — Я знала, что вспомню. Принцессу Анну!

Но спалось ей отнюдь не безмятежно. Между обрывками сновидений на киноэкране в голове Эдит мелькнули короткие аудиовизуальные сообщения, которые ей еще предстояло расшифровать. Изящные лодыжки и, чего никто не мог ожидать, лакированные вечерние туфли мужчины в сером. Его решение (в какой-то забытый момент) сложить газету, которая никого не обманывала, встать, слегка потянуться и проследовать в бар. Непривычный шум веселья, доходивший со стороны бара даже до противо-

положного угла гостиной. То, как часом позже из бара появилась дама с собачкой, обессилевшая от смеха и несколько растрепанная, под ручку с мужчиной в сером и его приятелем. Крохотная головка Кики, обращенная вверх с выражением скорби из-за такого предательства, его круглое тельце, отважно вставшее у нее на пути. Тихое препирательство между мсье Юбером и зятем в связи с этим зрелищем. Испуганное бегство пианиста. Его извиняющиеся улыбки направо и налево, на которые одна мадам де Боннёй ответила легким кивком.

5

Эти картины во многом оставались невразумительными. Она не была уверена, действительно ли задержалась в гостиной и все это видела, или же сон порожден сверхактивной деятельностью какого-то участка ее мозга. Она понимала, что ее терзают кошмары, что ей нужно либо заставить себя проснуться, либо продолжать смотреть эти странные кадры, сотканные наполовину из снов, наполовину из воспоминаний. Видения казались удивительно живыми, исполненными значения. Но их смысл был скрыт от нее. Она беспокойно вытянулась в объятиях тревожного сна. В ее сознание проник непонятно откуда звук закрываемой двери.

Проснулась она позже обычного, с древним и беспощадным предощущением, что весь этот день пойдет насмарку. Разбитая ночь наградила ее головной болью и безнадежным отвращением к еде и обществу себе подобных. Самые тихие звуки казались оглушительными: в коридоре грохотала тележка, высокие голоса горничных невыносимо сверлили уши. Лежа в ванне, беспо-

мощная, как калека, она твердо положила себе действовать благоразумно. Ей грозит впасть в депрессию, чего нельзя допустить. Писать роман — исключено. Относись ко всему очень спокойно, посоветовала она себе. Не думай. Выбрось из головы.

За раздвинутыми шторами ей предстали еще один ослепительный день и гора с тонкими разводами снега — так четко, словно до нее было рукой подать. Машин что-то не было видно; люди предавались делам другого рода. Официанты в чистых белых куртках расставляли в саду под стеклянным навесом веранды маленькие столы и стулья и уже спорили, не опустить ли оранжевые шторы для защиты от солнца, чьи жаркие лучи давали о себе знать сквозь стекло. Где-то вдали монотонно ударил колокол. Воскресенье, удивилась она.

Следовало составить план на всякий случай — в этом деле она набила руку. Быть может, ей просто почитать на солнышке? Вряд ли кому придет в голову ее отрывать. Несомненно, что в эту самую минуту подобные планы уточнялись и в других номерах; она догадывалась, как именно. Миссис Пьюси с Дженнифер, вероятно, заказывают автомобиль, чтобы куда-то отправиться; она

представила их живописную поездку, которая завершится гурманским ленчем. Мужчины с женевской конференции отбудут на экскурсию, скорее всего на другой берег озера, в Эвиан. Мадам де Боннёй останется в числе немногих и, как обычно, будет молча читать. Изысканная красавица с собачкой днем куда-то исчезала, ее невозможно было представить иначе, как курящей за вазочкой с мороженым, отпущенная с занятий школьница. Так что Эдит считала вполне вероятным провести день в одиночестве, что ее почти радовало. Увязнув в интриге своего романа, который и писался главным образом для того, чтобы перенести в текст те слишком, увы, реальные обстоятельства, которые она не могла подчинить своей воле, она ощущала усталость, исключавшую любое одушевление, любые начинания, любой отдых. Художественная литература, это освященное веками прибежище всех неприкаянных, могла бы, конечно, ее поддержать, но выбрать подходящую книгу было совсем непросто: когда она писала книги, то могла читать только ранее прочитанное, а в нынешнем состоянии психического истощения, в лихорадочном возбуждении, незримом для постороннего глаза, ее не тянуло даже к добрым старым знакомцам.

Читала одно, а читалось другое: например, вместо «страсть» вдруг выскакивал «страх». Она боялась превратить в пустой набор слов действительно любимую книгу и поэтому с сожалением дала отставку Генри Джеймсу. Романа она бы просто не одолела, повести было явно мало. В любом случае она не могла подолгу сосредоточиться на чем-то одном. В конце концов она остановила свой выбор на книжке рассказов с восхитительным названием «Ces plaisirs, qu'on nomme, a la legere, physiques»[30]. С Колетт, этой старой мудрой лисой, она надеялась найти общий язык.

На веранде царило безмолвие, но не безлюдье. На одном конце сидела мадам де Боннёй в бежевом платье и жакете, немного замаранном спереди, и помятой бежевой шляпке. Уперев трость в пол между колен, она не сводила взгляда с дороги; на столике у нее под рукой лежала большая коричневая сумка. На противоположном конце, молчаливая и неподвижная за огромными темными очками, возлежала в шезлонге дама с собачкой.

Прекрасный день нес в себе зерно собствен-

---

30 Примечания: 30

«Эти удовольствия, легкомысленно именуемые физическими» (фр.). Сборник рассказов французской писательницы Габриэль Сидони Колетт (1873 — 1954).

ной обреченности: то был последний день лета. На безоблачном голубом небе горело солнце, астры и далии застыли в прозрачном сиянии, сиянии без яркости, без блеска. Деревья успели утратить плотную зеленую крону, украшавшую их в удивительном августе и начале сентября, и выглядели тоскливо в убранстве сухих пожелтевших листьев, которые время от времени слетали и бесшумно ложились на землю. Мсье Юбер, появившись из гостиной, довольно потер руки. Сегодня к ленчу и чаю ожидалось много посетителей со стороны. Но пока что все было спокойно. Никто не разговаривал. Лишь изредка на землю падал со стуком каштан.

Мужчина в сером — сегодня на нем было нечто еще более светлое и элегантное, в руке же он, как восхищенно отметила Эдит, держал панаму — вышел в сад и огляделся. Увидев распростертую в шезлонге даму с собачкой, он направился к ней, наклонился и, судя по всему, о чем-то шутливо спросил; ответом ему было ленивое мановение молочно-белой, длинной безвольной руки. Мужчина в сером кивнул Эдит и мадам де Боннёй и отбыл по своим делам, продемонстрировав на прощанье одну из своих загадочных улыбок, которые всегда держал наготове.

Когда он свернул за угол, дама с собачкой резко выпрямилась, подалась к Эдит и настойчиво зашептала:

— Послушайте! Простите, не знаю, как вас по имени. Будьте ангелом, идите сюда и сядьте рядом.

Не хочу, чтобы этот тип сегодня снова ко мне подходил, а отшить его без скандала у меня не получится, хотя закатить ему сцену я вовсе не против, уж вы поверьте.

Эдит послушно и всего лишь с легкой тенью сожаления закрыла книгу, пересекла веранду и уселась на маленький стул в изголовье шезлонга. А ведь какой был дивный мирный день, подумала она. Ну что ж. Хорошо хоть она без собачки.

— Моника, — представилась женщина, подавая длинную вялую ладонь.

— Эдит, — ответила Эдит, осторожно пожимая ей руку. Лучше не углубляться, напомнила она себе.

— Вы меня заинтересовали, — сказала Моника. — Я хотела с вами поговорить, но вы все время бывали с мамашей Пьюси, а мне тошно от одного ее вида.

— Где она? — спросила Эдит; ей хотелось, чтобы та говорила потише. Она бы не удивилась,

когда б миссис Пьюси, облаченная в белую парчу, таинственная, великолепная, вдруг соткалась из воздуха, дабы восстановить порядок и иерархию в своем понимании, а также благословить дозволенные утехи воскресного дня.

— Кто ее знает! Сегодня они хоть не смогут поехать покупать трусики. Ох, прошу *пардону* , бель-ё. — Последнее слово она подчеркнуто растянула на французский манер. — Однако не поручусь, что ей не придет блажь поднять хозяев и заставить открыть магазин лишь потому, что в кошельке у нее завалялась тысяча-другая франков.

— Похоже, денег там и вправду немало, — пробормотала Эдит безучастным, хотелось ей надеяться, тоном. Так, верно, чувствуют себя слуги, подумала она, Когда сплетничают в лакейской.

— Куры не клюют, — заявила Моника. — Понятное дело — торговля. Милый папочка оставил им преизрядно. Вино, — пояснила она в ответ на вопросительный взгляд Эдит. — Он занимался импортом хереса. Что смешно — старушенция его на дух не переносит. Предпочитает шампанское. А кто его не предпочитает?

Эдит вспомнила, по какому поводу пила шам-

панское в последний раз, и содрогнулась.

— Что с вами? — спросила Моника.

Я устала, подумала Эдит. Нужно поосторожнее. Не буду я открывать душу этой томной роскошной женщине, мои признания в любом случае нагнали бы на нее скуку. Легкая болтовня — вот что сейчас требуется.

— Ничего, все в порядке, — сказала она. — Но где Кики?

У Моники вытянулось лицо.

— Впал в немилость. Сидит запертый в ванне. Нельзя же требовать от такого маленького песика, чтобы тот вел себя послушно — как дома, где ему все знакомо. Швейцарцы вообще терпеть не могут собак, и это их вовсе не красит, если хотите знать мое мнение.

— Вы тут давно? — спросила Эдит.

— С незапамятных времен, — вздохнула Моника. — Поправляю здоровье.

— Как жаль. Вы болели?

— Нет, — ответила та. — А не выпить ли нам кофе? — И царственным жестом подозвала державшегося в тени официанта. — Как хорошо, что можно с кем-то поговорить.

К ней прямо на глазах возвращалась давно утраченная живость. Когда принесли кофе, она

небрежно налила чашечки по самый край, но свою только пригубила, тут же щелкнула зажигалкой, испустившей фонтанчик пламени, и затянулась неимоверно длинной сигаретой. Все в ней казалось чрезмерным — рост, необычно удлиненные пальцы, тягучий голос, огромные водянистые глаза навыкате, сейчас слегка покрасневшие, что Эдит заметила, несмотря на темные очки. Расстройство нервов, решила она. Тяжелая утрата. Как бы не задеть ненароком.

Моника кивком указала на сигарету:

— Запрещено, разумеется. Строгие указания. К черту.

Она глубоко затянулась, словно перед долгим нырком, и через две-три секунды пустила по струйке дыма из точеных ноздрей. Возможно, операция на легком, поправила себя Эдит. Как же она красива. Раньше я этого не замечала.

Хруст гравия под колесами заставил их обернуться. Мадам де Боннёй тяжело поднялась с гримасой улыбки на бульдогоподобном лице. Хлопнула дверца автомобиля, в сад бодрой походкой вошел мужчина, за которым шла женщина в красном платье, увязая в газоне каблуками — «шпильками».

— Eh bien, maman![31] — воскликнул мужчина с напускной радостью. Последовали лобызания.

— Несчастная старуха, — сказала Моника, чуть понизив голос. — Живет ради сына. Все ему готова отдать. А он приезжает проведать ее раз в месяц. Покатает в машине, доставит назад и выбросит из головы.

— Почему она здесь очутилась? — спросила Эдит. Моника пожала плечами:

— Он так решил. Считает., что такой деревенщине, как она, не положено жить под одной крышей с его жуткой женушкой, а та, между прочим, была простой парикмахершей, когда окрутила своего первого мужа. Этот у нее второй. У мадам де Боннёй прекрасный дом, недалеко от французской границы. Она, кстати, из вполне родовитой семьи. Невестка, понятно, захотела наложить на дом лапу. Вот старухе и пришлось выехать. Она, конечно, жену терпеть не может. Презирает. И поделом. А здесь она живет, чтобы сынку было спокойней.

— Откуда вы все это знаете? — спросила донельзя пораженная Эдит.

— Она мне сама рассказала, — ответила Мони-

---

31 Примечания: 31
Ну вот, мама! (фр.)

ка, затянувшись новой сигаретой.

— Я не слышала, чтоб она хоть слово вымолвила, — ошеломленно произнесла Эдит.

— Для нее это трудно, — заметила Моника и добавила в ответ на невысказанный вопрос: — Она глуха, как тетерев. Ну и жизнь.

У них на глазах муж с женой водворили мадам де Боннёй на заднее сиденье. Паскудная парочка, подумала Эдит. Мужчина был приземистый, смуглый, носил темные очки. Он смахивал на крупье, отдыхающего перед вечерней работой. Жена была много его моложе, черноволосая, пышная. Дорогая штучка. Она еще найдет себе нового мужа, подумала Эдит, когда машина отъехала. Тогда, быть может, мадам де Боннёй позволено будет вернуться в свой дом. А впрочем, вряд ли.

Моника, размышляла она некоторое время спустя, когда они медленно шли берегом озера, знает много больше, чем я; неудивительно, что в ней есть что-то от сфинкса. Утро в ее обществе прошло вполне мило. Но ее удивила настойчивость, с какой Моника звала в кафе выпить кофе с пирожными.

— Скоро ленч, — возразила она. Моника метнула в ее сторону косой взгляд.

— Да бросьте вы, — умоляюще сказала она. —

Сегодня воскресенье. А их вечная рыба у меня уже в горле стоит.

Наблюдая за тем, как Моника решительно всаживает вилку в эклер, Эдит не без смирения думала, что из нее плохой судья человеческой природы. Она умела придумывать персонажей, но не умела проникать в характеры живых людей. Для постижения жизни ей был необходим толкователь. А женщина эта приятная, в самом деле приятная. Хотя и со склонностью, как она убедилась, вызывать трения. Мсье Юбер нахмурился, увидев, что она свернула по направлению к кафе, увлекая за собой Эдит.

— В ком я никак не могу разобраться, — пристыженно сказала Эдит, когда Моника, откинувшись на спинку стула, жадно затянулась очередной сигаретой, — так это в Дженнифер.

Из красивых продолговатых глаз Моники исчезло всякое выражение.

— Дженнифер, — протянула она. Помолчала. — Дженнифер, уверяю вас, особа совершенно прямолинейная.

Эдит посмотрела на часы, увидела, что времени почти час, и решительно заявила:

— Нужно идти.

Моника скривилась в привычной гримасе

унылого упрямства. Только, ради бога, без сцен, подумала Эдит.

— Идемте. — Она протянула руку к Монике, которая застыла, ссутулившись. — Вы куда красивее, когда улыбаетесь. А день такой дивный. Не хотите же вы, чтобы я возвращалась одна?

С видимой неохотой Моника позволила довести себя до дверей; слабая улыбка так и завяла у нее на губах, не проклюнувшись. Тут какая-то тайна, подумала Эдит.

Вернувшись в отель «У озера», они застали на веранде миссис Пьюси и Дженнифер в обществе все того же мужчины. Теперь на нем была панама. На столике покоилась в ведерке со льдом бутылка шампанского.

— Вот и она! — мелодичным голосом воскликнула миссис Пьюси. — Присоединяйтесь к нам, дорогая моя. Мы вас обыскались.

Проигнорированная Моника поджала губы, нацепила очки и с презрительной миной рухнула в шезлонг.

Эдит замялась — из солидарности с новой знакомой, — но ее спасли появившиеся в дверях официанты с перекинутыми через руки салфетками. Увидев их, миссис Пьюси (она и в самом деле была в белом) все свое внимание сосредо-

точила на поэтапном восста-вании из кресла. Мужчина в панаме подставил ей руку, и они проследовали в столовую. Дженнифер несла материнский жакет.

— Идемте, Моника, — пригласила Дженнифер. Но Моника капризно надула губы, вяло махнула рукой, взяла и заснула.

День стоял все такой же мягкий и золотой. Краса этого совершенного дня снова выманила их всех на веранду, где Эдит, которой Моника явила каменный профиль и крепко закрытые глаза, присоединилась к миссис и мисс Пьюси и мужчине в панаме — его представили ей как мистера Невилла. Час прошел в молчании — мистер Невилл разжился из таинственного источника английскими воскресными газетами и любезно пустил их по кругу. Но миссис Пьюси, рассеянно перелистав страницы приложений с цветными фотографиями, вздохнула и сказала:

— Как скверен мир. Алчность и погоня за удовольствиями. Доступный секс. И никакого вкуса, ни малейшего. Милая, сбегай наверх, принеси мою книжку. Да, — продолжала она вопреки вежливым, однако настойчивым усилиям Эдит и мистера Невилла вернуться к чтению, — боюсь, я романтическая натура. — Сделав это заявление,

она одарила их улыбкой, и им волей-неволей пришлось отложить «Тайме», «Санди тайме» и «Санди телеграф». — Во мне, видите ли, с детства воспитали веру в истинные ценности. — Ну, поехали, подумала Эдит, подавляя зевоту. — Для меня любовь означает супружество, — гнула свое миссис Пьюси. — Романтика и ухаживание идут рука об руку. Женщина обязана уметь заставить мужчину боготворить ее. — Мистер Невилл вежливо склонил голову в знак внимания к этому утверждению. — Что ж, мне, возможно, повезло, — добавила миссис Пьюси со смешком и, скосив вниз глаза, поправила бант на шелковой блузке. — Муж меня боготворил. Спасибо, милая, — сказала она, принимая из рук Дженнифер книжку с перекошенным в духе модерна профилем на бумажной обложке. — Вот какие романы мне нравятся, — продолжала она. Способна одновременно говорить и читать, отметила Эдит.

— «Солнце полуночи», — серьезно произнес мистер Невилл. — Ванесса Уайльд. Не знаю этой писательницы, — сказал он, обращаясь к профилю Эдит, которая отрешенно глядела на озеро.

— Хотя этот, по-моему, у нее не из лучших, — обронила миссис Пьюси.

Эдит ощутила боль уязвленного автора. А я

этим романом как раз осталась довольна, подумала она. Тем летом Дэвид отдыхал в Греции, вспомнилось ей, валялся, нервничая, на пляже рядом с женой. Я считала, что он великолепно проводит время, и писала по десять часов в сутки, лишь бы не думать о нем. Тогда я собой немного гордилась. Уже целых три года прошло.

Она побледнела, ее взор заволокла дымка воспоминаний («Тебе нужны очки, Эдит!» — талдычила ей Пенелопа). Мистер Невилл подался вперед.

— После того как я распоряжусь насчет чая для этих дам, — сказал он, — не согласились бы вы немного прогуляться? Грех терять такой прекрасный день. Другой такой же нам вряд ли выпадет.

Эдит медлила с ответом.

— Да-да, прогуляйтесь, дорогая моя, — молвила миссис Пьюси, подчеркивая отстраненностью тона, сколь поглощена чтением.

— Надеюсь, увидимся после ужина.

Как много всего за один день, думала Эдит, когда они, оставив позади городок, медленно шли вдоль берега. Она была благодарна спутнику за молчанье. Замок, отталкивающий своей мрачностью и суровостью, уравновешивающий своим силуэтом ослепительный блеск воды, стоял на

вдвинутом в озеро клочке земли, словно предел дальнейшему наступлению суши. Скоро он должен был застить солнце, а его разом потемневшая глыба накрыть их своей тенью. Они непроизвольно остановились, не желая присутствовать при сем ритуальном затмении, и, обратившись лицом к озеру, оперлись локтями о парапет. День незаметно терял свои краски, небесная голубизна бледнела в этот промежуточный час перед приходом сумерек. Эдит охватила печаль, наступающая с приближением вечера. Ее спутник посмотрел на нее и предложил:

— Давайте присядем.

Он подвел ее к каменной скамье. Сел, скрестил изящные лодыжки и испросил разрешения закурить короткую сигару.

— Итак, миссис Вулф, — произнес он, — мне кажется, нас представили друг другу не лучшим образом. — И спокойно добавил: — Филип Невилл.

Эдит наградила его внимательным взглядом и только теперь отметила, что его внешность не сводится к лодыжкам и профилю, каковым он, как правило, к ней поворачивался, уделяя все свое внимание миссис Пьюси.

— Или позволите называть вас Ванессой

Уайльд?

Впервые за много недель Эдит рассмеялась. Давно забытый звук собственного смеха ее саму удивил. Начав смеяться, она уже не могла остановиться. Мистер Невилл благосклонно наблюдал за тем, как она сотрясается от хохота, и наконец присоединился к ней. Он все еще улыбался, когда она перестала и начала вытирать глаза.

— Да позволено мне будет заметить, что это значительное достижение по сравнению с обычно свойственным вам выражением.

Эдит удивленно на него посмотрела.

— Вот уж не думала, что кому-то интересно мое выражение, — сказала она. — Я скорее считала, что нужна для компании, но только так, как художник нуждается в манекене: нас можно отставить, когда отпадает необходимость.

— Вы что же, считаете себя манекеном?

— Нет. Но им меня считают другие.

— От вас, стало быть, требуется, чтобы вас видели, но не слышали?

— От меня требуется слушать и молчать.

— Значит, для человека, который молчит, вы выдаете слишком многое.

— Вот уж не знала…

— Сколько же в вас достоинства. Я не хотел

сказать, что вас можно видеть гримасничающей. Не представляю, чтоб вы этому предавались.

— Не скажите, — возразила Эдит, внезапно краснея.

— Нет, нет. Я не вижу в вас заблудшую душу. То есть будь я чуть помоложе и посовременней, я бы, вероятно, сказал, что могу расшифровать символику ваших высказываний.

Эдит против воли улыбнулась.

— Так-то лучше. Я бы сказал, что вы томитесь от скуки.

Снисходительность, интуитивная благожелательность этих слов заставили ее залиться румянцем. Эдит глубоко вздохнула, глаза ее заблестели, и, решившись, она кивнула в знак согласия.

— Именно, — сказал он. — Именно. В таком случае я бы предложил, чтобы мы на днях куда-нибудь выбрались. Вы бывали в нагорьях к югу отсюда?

Она отрицательно покачала головой.

— Страна виноделия, — заметил он. — Там есть прекрасные ресторанчики. Я позвоню вам, если позволите.

Они вернулись в отель той же дорогой. Миссис Пьюси и Дженнифер уже собирались уйти с

веранды. Все обменялись ни к чему не обязывающими любезностями. Мадам де Боннёй сидела с тревожной улыбкой, а ее сын и невестка громко обсуждали свои дела, но она все равно их не слышала. Наконец сын, после многозначительного взгляда жены и брошенного ею «On s'en va?»[32] послушно поднялся. Жена подставила свекрови щечку для поцелуя и засеменила к машине. Мадам де Боннёй попыталась задержать сына, но клаксон призывно рявкнул, и он, крикнув «J'arrive»[33], громко чмокнул мать в обе щеки. Мадам де Боннёй долго стояла на веранде, глядя в ту сторону, где исчезла машина, пока даже Эдит и мистер Невилл не прониклись безмолвием, в котором протекали дни ее жизни.

Вечером, ужиная в одиночестве за своим столиком, Эдит чувствовала, что время от времени к ней возвращается улыбка. Она выпила кофе с миссис Пьюси и Дженнифер и рано откланялась. Она и вправду ощущала приятную усталость и несвойственную ей удовлетворенность.

— Дженнифер, — попросила миссис Пьюси, — пригласи мистера Невилла за наш столик. Он там

---

32 Примечания: 32
«Едем?» (фр.)

33 Примечания: 33
«Иду» (фр.).

совсем один, бедняжка.

Однако мистер Невилл может сам о себе позаботиться и, наверное, так и сделает, подумала Эдит и, улыбаясь, ушла.

Раздвинув плотные шторы и выйдя на балкончик, она увидела, что луна заливает все млечным светом. Она посидела, подумала о том о сем. Чудесная ночь, мягкая, тихая. Мягче других ночей. Она чувствовала себя умиротворенной и, когда наконец вернулась в комнату и стала перед зеркалом расчесывать волосы, решила — сегодня будет лучше спаться.

Но донесшиеся из коридора пронзительный визг и дробь бегущих ног вернули ее к реальности, напомнив об опасности. Она застыла, прислушиваясь, в ней пробудились старые страхи. Тишина. Приоткрыв дверь, она увидела свет, льющийся из номера миссис и мисс Пьюси, услышала голоса. Господи, подумала она. Сердечный приступ. И заставила себя выйти.

Открыта была дверь в спальню Дженнифер, а сама Дженнифер сидела в постели, поджав ноги, в длинной атласной ночной сорочке на бретельках, которые все время норовили соскользнуть с ее полных плеч. Ее мать в бледно-розовом шелковом кимоно стояла в дверях, прижав руку ко рту.

В углу согнулся мистер Невилл, орудуя газетным листом. Он выпрямился, подошел к окну и что-то стряхнул.

— Теперь бояться нечего, — объявил он. — Пауков не осталось.

И мельком взглянул на Эдит.

Миссис Пьюси подошла и положила ладонь ему на руку.

— Мы перед вами в неоплатном долгу, — прошептала она. — Девочка боится пауков с младенческих лет.

Но теперь-то она далеко не младенец, подумала Эдит, в чьем сознании отложился дотоле не виданный образ Дженнифер. Одалиска, решила она. И сорочка не скрывала изобилия весьма великовозрастной плоти.

В коридоре она помахала мистеру Невиллу — спокойной-де ночи, — и тот снова продемонстрировал свою загадочную улыбку.

А еще позже Кики очнулся от долгого оцепенения, почувствовал голод и проскулил до утра. Погружаясь в сон, Эдит краем уха уловила звук закрывшейся двери.

6

«Дэвид, милый,

меня разоблачили, но об этом после.

Прости, что последние дни не писала, — в пустыне отеля «У озера» распустились, подобно розам, некие новые и необычные взаимоотношения. Опасаюсь, что миссис Пьюси и Дженнифер отныне потеряют благодарную слушательницу своих приобретательских саг (неизменно победоносных: самое последнее то, самое лучшее это — о чем угодно), ибо я сама пустилась по магазинам. Этим несвойственным мне промыслом я занялась по подстрекательству моей новой знакомой Моники (Леди Икс), она в полном восторге, что заполучила предлог заказывать машину и катить со мной в какую-нибудь известную ей лавочку, чтобы понавесить на меня всяких тряпок скорее в ее вкусе, нежели в моем. Порой мне начинает казаться, что у нее с миссис Пьюси куда больше общего, чем у каждой из них со мной, но они почему-то не ладят и используют меня в качестве буферной зоны. Меня делят на сферы влияния, как страны Балканского полуострова. Не скажу, чтобы меня это так уж захватывало, но я купила

очень красивое синее шелковое платье, думаю, тебе понравится. Моника утверждает, что в нем я выгляжу на несколько лет моложе. Противно вспоминать, в каком виде я здесь появилась.

С Моникой мне не скучно, хотя она многого требует. Кстати, я выяснила, как она здесь очутилась. Она страдает тем, что вежливо именуется проблемой поглощения пищи; по крайней мере, она сама это так называет. В журналах постоянно попадаются статьи о подобных вещах. В ее случае это сводится к тому, что в столовой она неаппетитно размазывает еду по тарелке, потому что ей не по себе от жгучей невыносимой скуки, а кончает тем, что почти все тайком скармливает Кики, которого держит на коленях. В промежутках между трапезами ее можно видеть в кафе у вокзала за тарелкой с пирожными. У всего этого очень любопытное объяснение. Благородный супруг срочно возжелал обзавестись наследником и отправил ее сюда с заданием привести себя в рабочую форму; если не получится, Монике предложат собрать чемоданы и убираться из дома, с тем чтобы сэр Джон мог разыграть другую карту. Естественно, она ходит подавленная. Она поглощает пирожные, как другая на ее месте могла бы заняться благотворительностью. Но

ей очень горько, потому что она тоже мечтает о ребенке, а детей у нее, как мне кажется, быть не может. Она такая красивая, такая худенькая, такая неимоверно породистая. У нее таз — как у птицы вилочка!

Пока что наши вылазки разворачиваются по заведенной схеме. Мы бродим по городку, она с презрением отмахивается от вещей в маленьких магазинах, порою очень дорогих вещей. Когда добираемся до «Хаффенеггера», на нее вдруг находит блажь немедленно выпить кофе. С ней все равно что с ребенком: остановится, упрется — и ни в какую. Тут Кики начинает скулить, и мы входим. Чашечка кофе оборачивается полдюжиной пирожных — меня ей не нужно обманывать. Она говорит, что со мной ей бояться нечего (а кому есть чего?), и в очередной раз заводит долгую историю про безвыходное свое положение. Мужа она боится и ненавидит, но лишь потому, что не видит от него никакой защиты; себя считает обреченной на одиночество и ссылку. Тут ей не откажешь в предвидении. Представляю ее через несколько лет: эмигрантка, которой платят за то, чтобы она жила за границей в бесконечных отелях «У озера», на прекрасном осунувшемся лице — застывшая маска презрения, и на руках

— неизменная собачка. У нее останется последнее средство защиты — неприступный снобизм, и это уже заметно. Мужнину семью она презрительно именует выскочками, аристократами от скобяного дела (как я понимаю, один из его предков в начале девятнадцатого века изобрел какой-то небольшой, но очень толковый промышленный инструмент) и превозносит собственный род, от которого никогда никому не было никакой пользы. Айрис Пьюси назвала бы ее охотницей за состояниями, но не похоже, чтобы ей второй раз улыбнулась удача, и ее тонкое иконописное лицо никнет в печали, когда она размышляет о будущем.

Все это, понятно, отнимает у меня много времени от работы над книгой, но я подумываю ненадолго здесь задержаться. Погода по-прежнему великолепная.

К тому же я хожу на прогулки, что мне очень полезно. Вчера мы очень долго гуляли с одним мужчиной, неким мистером Невиллом, он изрядно смахивает лицом на портрет герцога Веллингтона, который не так давно похитили из Национальной галереи…»

Эдит положила ручку: продолжать было бы неуместно. Грубые низкие мысли ворочались в

глубинах ее сознания, дожидаясь случая всплыть на поверхность. Вообще-то не в ее духе было тратить столько времени на разговоры о нарядах или рассуждения о доходах и возможностях других женщин: подобная болтовня всегда представлялась ей, по существу, недостойной. Однако ее неизменно втягивали в такие беседы, и, хотя не она играла в них первую скрипку, сказать, что они проходили для нее без ущерба, было бы неверно. Взять ту же Монику. Моника приобщала ее к унылому миру, в котором царили неповиновение, колкости, подначки, жажда схватки. Древняя жалкая история с использованием секса в качестве приманки раскрывалась перед нею в отказе Моники вести себя так, как подобает жене: своим откровенным бесстыдством она могла уязвить гордость мужа, принудить его смириться, а если нет — погубить его репутацию. Брошенная на произвол судьбы, пока он был занят другими планами и другими делами, она ждала его, как ожидают врага; при встрече она оскорблениями и злыми выходками раздует яростное пламя, некогда их сжигавшее. Пока же она тратила его время и деньги и замышляла месть. И, как положено великой авантюристке, каковой она в свое время была, ей понадобится в наперсницы

существо кроткое и покладистое, которому она сможет довериться и чьим мнением будет легко пренебречь.

Такую же роль, размышляла Эдит, ей отводит и миссис Пьюси. Миссис Пьюси и в связи с ней Дженнифер начинали представать перед ней в более жестком свете, чем смотрелись поначалу. Миссис Пьюси добилась успеха, к какому Моника посчитала бы зазорным стремиться: буржуазного, роскошного, напоказ. От ссылок миссис Пьюси на покойного мужа Эдит становилось неловко, вероятно, по той причине, что самовлюбленность миссис Пьюси в них так и выпирала: мистер Пьюси, до сих пор ходивший без имени, не имел бы ни профессии, ни дома, когда б о последних нельзя было догадаться по обмолвкам и недосказанностям. Его характер, вкусы и даже внешность пребывали под покровом тайны. Неясным оставалось и то, когда и при каких обстоятельствах он покинул сей мир. Эдит заранее опасалась этого последнего откровения — из страха, что оно непременно потребует с ее стороны утешений и сопереживаний. У меня тоже есть свое прошлое, подумала она с несвойственной ей вспышкой возмущения. И в моей жизни были смерти и прощания, некоторые совсем недавно.

Но я научилась ставить от них заслон, прятать подальше, не допускать до сознания. Выставлять напоказ душевные раны означало бы для меня эмоциональную распущенность, за которую потом было бы стыдно.

Но в миссис Пьюси Эдит беспокоило не столько безмятежное обнажение чувств, сколько подмеченные ею признаки развращенного ума. Эдит почему-то внушала тревогу склонность миссис Пьюси к кокетству даже тогда, когда кокетничать было не с кем, хотя выходило это у нее так естественно, что должно было выглядеть безобидно. В тех редких случаях, когда рядом с миссис Пьюси никого не было, Эдит ловила ее на различных хитростях, призванных привлечь внимание к своей особе, на надуманной суете по какому-нибудь мелкому поводу, в результате которой кто-то обязательно приходил ей на помощь. Она не могла успокоиться и угомониться, пока не завладевала вниманием лица, которое, считала она, было ей нужно для осуществления ближайшей цели. А непомерное подчеркивание собственной личности, внешнего своего очарования, восхищения которыми она так невинно и в то же время так безжалостно требовала, — так ли уж это привлекательно в женщине ее возраста? И жесткое

нежелание отступить в тень хотя бы ради Дженнифер, которая выглядела совсем незаметной, совсем серой рядом с матерью; этот вожделеющий взгляд, сторожкая посадка головы, страстная погруженность в мысли о нарядах. И то, что Эдит мельком заметила в ее спальне, экзотические deshabilles[34], некоторые не в самом беспорочном вкусе, — со смехом отмахнуться от них как от показателей безобидной слабости, простой любви к украшениям, к игре? Таковыми они и были, безусловно и несомненно. Так ли? Эдит почувствовала, что в ней пробуждаются старинные предрассудки. У ее матери, венки Розы, не было бы на этот счет никаких сомнений. Она бы мрачновато рассмеялась, всего один раз посмотрев на миссис Пьюси, ибо с первого взгляда распознала бы в ней темперамент, который больше всего ценила в женщинах. На эту тему они с сестрой и кузиной часто спорили в те дни, когда, убедившись, что мать и тетка их не могут услышать, обсуждали свои победы и своих соперниц. «Tres portee sur la chose?!»[35] — восклицали они в один голос на чудовищном французском, которым

34 Примечания: 34
Предметы нижнего белья (фр.).

35 Примечания: 35
«Совсем на этом свихнулась» (фр.).

пользовались как шифром. И Роза кривила губы, отнюдь не из презрения, но от мстительной горечи по напрасно потраченному времени, которое следовало бы отдать любовникам и интрижкам, но которым завладели становившийся все более безгласным муж и молчаливый ребенок.

А миссис Пьюси ненавидела Монику, чувствуя в ней одновременно соперницу и неудачницу. Для миссис Пьюси Моника была не просто охотницей за состоянием; ее, миссис Пьюси, не подобало просить о том, чтобы она позволяла такой женщине появляться в одной с нею комнате. Моника играючи достигала вершин великолепного презрения, которое миссис Пьюси описывала как афронт. Она не говорила, что именно кроется за этим афронтом, но давала понять, что знает.

Общение с представительницами своего пола, размышляла Эдит, и подтолкнуло многих женщин к замужеству. Так было и у нее. Смиренно склоненная голова не помогла ей избежать откровений, какими Пенелопа Милн потчевала ее каждый день, и, хуже того, вопросов, которые та считала себя вправе перед нею ставить. Полностью владея собой, Эдит ухаживала за садиком, писала, не позволяла себе жалости, сочувствия и любопытства, отмалчивалась и томилась по

Дэвиду.

Ее считали перезрелой девицей, в лучшем случае — незамужней дамой. Сварливые старые девы из числа ее знакомых в отчаянии возводили очи горе, когда она отвечала: нет, у нее никого нет, — и не догадывались, что их обманывают. Она лгала добротно, непритязательно. Порой она думала, что время, потраченное на обработку сюжетов романов, и подготовило ее к этому — последнему ее приключению, воплощению сюжета в жизнь. Дэвид, знала она, врет не так безупречно, во время одной из многочисленных опасных семейных размолвок он даже намекнул жене, что может поискать на стороне. Жена презрительно рассмеялась, понимая, что он взвалил на себя ответственность — за дом, за детей, за работу, — от которой не в состоянии отказаться. Друзья были к нему снисходительны: он был красив, что в их глазах давало ему право немного поразвлечься. Они подозревали, что он крутит с молоденькими разбитными секретаршами или с чужими женами. Но только не с ней.

Она, понятно, была знакома с его женой, но ухитрялась избегать встреч. По натуре отшельница, она не видела ничего странного в том, что ее жизнью никто не интересуется. Как-то раз она

заставила себя из чувства долга пойти на прием, не зная, что он тоже там будет. Когда из гостиной донеслись раскаты знакомого заразительного смеха, она растерялась и не могла решить, что потребует от нее больше мужества — остаться или уйти. В конце концов ноги сами внесли ее в гостиную, и она обнаружила, что сидит с бокалом в руке и чувствует себя совершенно, ну совершенно нормально. Держалась она хорошо, зная, какого поведения от нее ожидают, — тихо, вежливо, сдержанно. Слушая, что говорит приятного вида мужчина средних лет, сидевший слева (хозяйка приема наблюдала за ними с довольным видом собственницы), она бросила взгляд через стол и увидела жену Дэвида — густо накрашена, довольно много пьет и азартно о чем-то спорит. Сексуальная, подумала она с болью. Но тем не менее неудовлетворенная жизнью. Она достала сигарету, сосед поднес зажигалку, она повернулась к нему со своей обычной сдержанной улыбкой. Позже, когда прием шел к завершению, она заметила, что Дэвид сидит рядом с женой, положив руку на спинку ее стула, а у той отсутствующий взгляд, лицо раскраснелось и рот на замке. Она поняла, что этой ночью Дэвид с женой будет заниматься любовью, резко встала и побла-

годарила хозяйку за восхитительный вечер.

— Дорогая, куда же вы? Еще так рано.

— Прошу извинить, — сказала она. — Мне там кое-что надо докончить…

— Бедняжка Эдит. «Жжет лампу до утра…»[36]. Зато какие милые книги. Мы все тут ваши почитатели, дорогая. Однако как вы намерены добираться до дома?

Сосед по столу вызвался ее подвезти, и они ушли вместе. По пути из Чешем-плейс она в основном молчала. Мужчина, которого ей представили как Джеффри Лэнга, тоже молчал, но она смутно ощущала его приятное успокоительное соседство. Она попросила его не выходить из машины, но как-нибудь на днях заглянуть вечером выпить, обменялась телефонами и помахала на прощанье из крохотного садика перед домом. Потом сорвала веточку лаванды, растерла лист между пальцами и вдохнула аромат. Наконец вошла в дом. О, Дэвид, Дэвид, подумала она.

Она понимала, он из тех мужчин, кто не может себе ни в чем отказать. И что она сама ему отчасти потакает. И об этом ей нельзя забывать.

Позвонив наутро хозяйке приема, она узна-

---

36 Примечания: 36

«Над книгами склонясь, жег лампу до утра?» — из басни «Пастух и философ» английского поэта и драматурга Джона Гея (1685 — 1732).

ла, что после ее ухода вечер как-то завял. Или сказанное хозяйкой можно было истолковать в этом духе.

— Патриция и *вправду* большая проказница. Бедняжка Дэвид — ему порой достается. Но они безумно любят друг друга.

Она представила сцены, истерики, обвинения. Хозяйка, однако, продолжала:

— Я так рада, что вы поладили с Джеффри. Он совсем упал духом после смерти матери. Непременно приходите оба, и поскорее.

Но она подумала, что не пойдет туда снова, и, приняв решение вверить Джеффри заботам этой способной свахи, сказала, что намерена уйти в подполье, чтобы закончить книгу, но сразу даст о себе знать, как только освободится. Однако будет при этом счастлива, если хозяйка приема заглянет к ней как-нибудь на чашечку чая. Садик смотрится очень красиво.

То было четыре года назад. А неприятные воспоминания о том вечере изгладились чуть ли не на другой день, когда Пенелопа, любившая делать смотр своему воинству, даже если воинство и не знало, что оно ее, повела Эдит на распродажу у «Симмондса». Они застали Дэвида и его управляющего складом Стенли без пиджаков. Мужчины

в молчаливом единении душ восседали на двух упаковочных ящиках, а на третьем стояли две кружки чая и тарелка пирожков с ядовитого цвета джемом. Дэвид вскочил; на лице у него появилась приветливая улыбка, но Эдит понимала, о чем он подумал на самом деле. Пенелопа обрушила на него шквал упреков. Под его взглядом, заметила Эдит, Пенелопа покраснела, что ей шло, и стала очень уж словоохотливой.

— Полтретьего, Дэвид, — напомнил Стенли. Пенелопа милостиво обратилась к Стенли, а Эдит усилием воли заставила себя сохранить бесстрастное выражение, ибо Дэвид, повозившись с пиджаком, чтобы привлечь ее внимание, чуть дрогнул одним веком.

Так они без слов договорились о встрече этим же вечером.

Потом они видели его в деле.

Сидя в заставленной стульями комнате, низведенные до послушных маленьких девочек, они почтительно взирали на кафедру. Со своего помоста Дэвид, держа в руке молоток, объявил:

— Номер пятый, «Время, обнажающее истину». Предположительно кисти Франческо Фурини[37].

---

37 Примечания: 37

Фурини Франческо (1600/04(?) — 1646) — итальянский живописец, жил во Флоренции.

Какую назначить начальную цену?

В розоватой (телятина) комнате отеля «У озера» Эдит, уронив руки на колени, сидела и задавалась вопросом, как она попала сюда. Вспомнила и содрогнулась. И со стыдом подумала о своих мелких, несправедливых, недостойных мыслях в отношении превосходных женщин, которые проявили к ней дружеское участие и которым она ничего не открыла. Я слишком строга к женщинам, подумала она, потому что разбираюсь в них лучше, чем в мужчинах. Я знаю их недоверчивость, их терпение, их стремление афишировать себя как удачливых. Их стремление ни за что не признавать поражения. Я знаю все это, потому что я одна из них. Я сурова, потому что помню мать и ее жестокость и потому что все время жду новой жестокости. Но женщины не похожи на матерей, и, с моей стороны, просто глупо воображать, что похожи. Подумай еще раз, Эдит, посоветовал бы тебе отец. Ты неверно решила уравнение.

Эдит опустила голову, раздавленная сознанием своей ничтожности. «Напрасно я решила, что стала почти Вирджинией Вулф», — подумала она.

Она долго так просидела, затем смиренно поднялась, пригладила волосы, взяла сумочку и

спустилась к чаю.

В гостиной была одна мадам де Боннёй; она пила чай и руками в коричневых пятнах старости смахивала с подола крошки. Эдит ей улыбнулась, получив ответный кивок. После уикенда отель опустел. Погода держалась хорошая, но в природе уже сквозила некая неуверенность: она словно ощущала, что недолго сможет удерживать свет и тепло. На веранде неяркое солнце матово светило сквозь дымку — короткий сентябрьский день готовился медленно перейти в ранние сумерки. Теплый воздух отдавал сыростью, предвещая дожди. Гора опять начинала растворяться в легком тумане.

— Вот и вы, дорогая моя, — произнесла миссис Пьюси. — Последние дни вас почти не было видно. Дженнифер уже решила, что вы нас совсем забросили. Правда, милая?

Дженнифер подняла глаза от «Солнца полуночи» (миссис Пьюси романа уже не читала) и улыбнулась. Ее великолепная пищеварительная система временно пребывала в покое.

— Совсем нас забыли, подумали мы, — подтвердила она. — Мамочка очень переживала.

Эдит, заверяя в обратном, опустилась в плетеное кресло и спросила, что они делали днем.

Вопрос встретили с радостью, и в награду на нее были излиты потоки восхитительно бессвязных речей.

7

— Близости ледников почти не чувствуешь, — довольно заметила Эдит.

— Верно, — согласился мистер Невилл. — Но не забудем, что не так уж они и близко.

Они сидели у небольшого ресторана под увитой виноградом решеткой, на столике перед ними стояла бутылка желтого вина. Из тени им открывался вид на маленькую безлюдную площадь, залитую ослепительным полуденным солнцем. На этой высоте невозможно было вообразить озерные туманы; здесь исключались полутона и нечеткие оттенки, приблизительные понятия о мягкой и теплой погоде; здесь непреклонная ясность горного воздуха лишала смысла любые промежуточные определения. Здесь, наверху, было жарко и в то же время холодно, темно и светло: жарко на солнце, холодно в тени, светло, когда они поднимались, и темно, когда присели отдохнуть в маленьком пустом кафе-баре. Потом мистер Невилл спросил: «Вы в состоянии еще немного пройти?» — и они снова пустились в путь и дошли, как предположила Эдит, до вер-

шины горы, хотя золотые плоды на деревьях в поднимающихся уступами садах, мимо которых вела дорога, скорее опровергали, нежели подтверждали ее предположение. Сейчас они сидели, ублаготворенные после ленча, единственные посетители, и созерцали несколько квадратных метров плоской вымощенной земли; тишину нарушали лишь отдаленное жужжание автомобильного мотора да негромкая музыка, льющаяся из приемника где-то в глубине ресторана, то ли из кухни, то ли из крохотного зальчика с окнами на задний двор, куда, возможно, хозяин удалился почитать газету, прежде чем открыть заведение после дневного перерыва.

Но кто сюда ходит? В представлении Эдит и миссис Пьюси, и Моника, и мадам де Боннёй, и весь отель с пожилым пианистом и расписанными по часам трапезами остались в другом измерении. Робкое, осторожное существо, каким она сама была там, у озера, тоже исчезло, растаяло в горном воздухе, пока они одолевали подъем, и в результате каких-то опосредованных процессов возникли или выкристаллизовались новые составные элементы, сложившиеся в субстанцию более твердую, яркую и определенную, более материальную, способную не только испытывать

наслаждение, но даже предвосхищать его.

— Кто сюда ходит? — спросила она.

— Такие, как мы с вами, — ответил он.

Он был мужчина немногословный, но редкие слова, что он ронял, были тщательно выбраны, весомы и произносились со знанием дела. Эдит, привыкшая к тягучим монологам, которые большинство принимало за истинно разумные беседы, больше того, сама привыкшая лепить затейливые и даже ученые фразы, которыми столь непринужденно изъяснялись персонажи в ее романах, откинулась на спинку стула и улыбнулась. Ей так редко выпадало наслаждаться словом. Люди ждут от писателей, чтобы те доставляли им наслаждение, подумала она. Они считают — писатели должны радоваться уже тому, что ублажают читателей. Подобно придворным лизоблюдам эпохи средних веков, карликам, jongleurs[38]. Ну, а с *нами* -то как? *Нам* никто и не думает доставлять наслаждение.

Мистер Невилл заметил тень обиды, пробежавшую по лицу Эдит, и произнес:

— Может, поделитесь со мной, глядишь, станет легче?

---

38 Примечания: 38
Жонглеры (фр.)

— О, вы в этом уверены? — спросила она резковато. — А если и так, вы можете поручиться, что облегчение наступит немедленно? Как то утверждает невразумительная реклама мазей, которые якобы приносят облегчение? Непонятно только, от чего именно, — продолжала она. — Хотя иногда там нарисован полностью одетый мужчина, схватившийся за поясницу.

Мистер Невилл улыбнулся.

— Полагаю, тут главное — наобещать. — Эдит словно прорвало. — Или хотя бы предложить. Господи, я уже и не помню, о чем говорила. Не обращайте внимания, — добавила она. — Моя жизнь, похоже, большей частью проходит где-то за кулисами. Такой прекрасный день жалко тратить на подобные разговоры. — Лицо у нее разгладилось. — А мне сейчас очень хорошо.

Судя по ее виду, так оно, возможно, и есть, подумал он. Ее лицо утратило привычное выражение покорной робости, тоски по одобрению или пониманию, стало довольным, аристократическим. Каким ветром ее сюда занесло? — задался он вопросом.

— Каким ветром вас сюда занесло? — спросила Эдит.

Он опять улыбнулся:

— Почему бы мне здесь и не быть? Эдит выставила вперед ладони:

— Ну нет, этот отель вам едва ли подходит. Создается впечатление, что он предназначен для женщин. И не просто женщин, а определенного типа. Брошенных или сосланных, тех, кому платят, чтобы жили вдали от дома, или приехавших заняться безобидными женскими хлопотами вроде безудержной траты денег на наряды. Там даже разговоры — и те сугубо женские. Вы, должно быть, одурели от скуки.

— Вы, полагаю, приехали дописать книгу, — любезно предположил он.

Лицо у нее затуманилось.

— Совершенно верно, — сказала она. И снова наполнила стакан вином.

Он сделал вид, что не заметил.

— А я это местечко люблю. Однажды мы тут были с женой. Теперь я приехал в Женеву на конференцию, дома меня не ждет ничего срочного, вот я и надумал поглядеть, все ли тут осталось, как прежде. Погода стояла хорошая, и я решил задержаться.

— Кстати о конференции, — сказала она. — Простите, но я так и не знаю, чему она была посвящена.

— Электронике. У меня довольно крупная и, как ни странно, процветающая фирма по производству электронной аппаратуры. Моего присутствия там, можно сказать, не требуется — спасибо моему великолепному заместителю. Я провожу на месте все меньше и меньше времени, хотя по-прежнему отвечаю за все, что там делается. А вот участвуя в конференциях и тому подобном, я могу потратить на дела фирмы много времени, и мне это действительно по душе.

— Где?..

— Под Мальборо.

— А ваша жена? — отважилась она на вопрос. — Разве она здесь не с вами?

Он поправил воротничок.

— Моя жена бросила меня три года назад, — сказал он. — Сбежала с мужчиной моложе себя на десять лет и, вопреки всем прогнозам, до сих пор невероятно счастлива.

— Счастлива, — задумчиво протянула Эдит. — Как чудесно! Ой, простите. Я, кажется, сморозила глупость. Вы, должно быть, считаете меня очень глупой. — Она вздохнула. — Боюсь, я и впрямь глуповата. Не нахожу с миром общего языка. Писателей делят на две категории, — продолжала она, глубоко смущенная его молчанием. —

Сверхъестественно мудрых и сверхъестественно простодушных, как бы не набравшихся глубокого опыта, на который можно опереться. Я отношусь ко второй категории, — добавила она и покраснела, потому что сказала правду. — Как Дикий Мальчик из Авейрона[39], — закончила она упавшим голосом.

— Теперь у вас несчастный вид, — заметил он, выдержав молчание, чтобы дать ей как следует покраснеть.

— Что ж, я и считаю себя довольно несчастной, — сказала она. — Меня это очень огорчает.

— Вы много думаете о счастье? — спросил он.

— Все время.

— В таком случае, смею заметить, вы ведете себя неправильно. Рискну предположить, что вы влюблены, — произнес он, наказывая ее за допущенный только что промах.

Внезапно между ними возникло чувство вражды, чего он и добивался, ибо вражда притупляет отчаяние. Подняв горящие гневом глаза, Эдит

---

39 Примечания: 39

Имеется в виду «европейский Маугли», французский мальчик, в раннем детстве затерявшийся на несколько лет в лесах у города Авейрона, он так и не смог стать полноценным человеческим существом после того, как его поймали и доктор Итар попытался воспитать в нем человека. Этот действительный случай подсказал французскому режиссеру Франсуа Трюффо (1932 — 1984) сюжет его известного фильма «Дикий ребенок» (1970)

увидела лишь его безжалостный профиль. Он, по всей видимости, разглядывал бабочку, которая села, подрагивая крылышками, на ободок одной из кадок с геранью, расставленных по границе скромной территории ресторана.

— В высшей степени ошибочно, — продолжил он после паузы, — связывать счастье с конкретным состоянием и с конкретным лицом. Избавившись от этого заблуждения, я открыл для себя очень важный секрет.

— Так скажите, ради бога, в чем он заключается, — бесстрастно произнесла она. — Мне всегда хотелось знать, как следует жить.

— Это очень просто. Если не вкладывать все чувства во что-то одно, можно позволить себе все, что захочется. Принимать решения, передумывать, менять планы. Отпадают тревога и желание выяснить, имеет ли это другое лицо все, чего желает, довольно ли оно или, напротив, расстроено, огорчается, скучает. Если ты готов совершать то, от чего тебя с раннего детства отучали и отлучали — всего лишь ублажать самого себя, — отпадают причины впредь чувствовать себя несчастным.

— Или, возможно, совсем счастливым.

— Эдит, вы романтическая женщина, — улыбнулся он. — Надеюсь, я могу обращаться к вам

по имени?

Она кивнула.

— Но зачем называть меня романтической лишь потому, что я воспринимаю жизнь по-другому, чем вы?

— Затем, что вы себя обманываете, веря в то, во что желаете верить. Неужели до вас не дошло, что между двумя людьми не может быть полного согласия, как бы горячо они ни заверяли друг друга в любви? Неужели не понимаете, сколько времени уходит на пустые думы, как множатся бесконечные мифические страдания — и лишь по той простой причине, что двое не находят друг с другом общего языка? Неужели не видели, как легкое прикосновение порой, нет, почти всегда действует сильнее, чем глубочайшая страсть?

— Видела, — хмуро сказала Эдит.

— Так научитесь, моя дорогая, это использовать. Вы не представляете, какой многообещающей становится жизнь, как только решишь жить исключительно для себя. И насколько здравыми становятся решения, когда их подсказывает эгоизм. На свете нет ничего проще — решить, что вы хотите или, скорее, чего вам не хочется, и действовать соответственно.

— В одних случаях это верно, — сказала Эдит. —

В других нет.

— Научитесь не принимать эти другие в расчет. В пределах своих возможностей вы способны добиться куда большего. Вы можете стать эгоцентричной, а это восхитительное ощущение. Поставить себя в центр всего — это же начать совершенно новую жизнь.

— Но если бы вы хотели разделить жизнь с другим человеком? — спросила Эдит. — Предположим, вам просто надоело жить своей собственной жизнью и вы хотите жить чужой. Хотя бы ради удовольствия новизны.

— Чужой жизнью жить невозможно, можно жить только своей. И помните: никаких воздаяний не существует. Все, что вам говорили о добре бескорыстия и зле себялюбия, совершенно неверно. Это заповедь для рабов, она ведет к смирению. А моя философия — вас это, может, и удивит — завоюет вам массу друзей. Людям легко иметь дело с низкими моральными требованиями. А вот совестливость их отпугивает.

Эдит рассудительно кивнула, признавая справедливость этого наблюдения. Опасная эта доктрина, которую бы она опровергла внизу, у озера, здесь выступала в полном согласии с вином, ослепительным блеском солнца, пьянящим

воздухом. Она знала, что в его словах что-то не так, но сейчас ей не хотелось выяснять, что именно. Ее соблазняла не столько логика доводов, сколько сила его необычного красноречия. А я — то считала его тихоней, радостно удивилась она.

— Вот почему меня так забавляет наша милейшая миссис Пьюси, — продолжал мистер Невилл. — В ее первозданной жадности есть что-то располагающее. И так приятно знать, что она нашла способ ее насыщать. Сами видите — она пребывает в хорошем здоровье и настроении: человеколюбие не испортило ей пищеварения, совесть не наградила бессонницей, каждая минута существования приносит ей радость.

— Так-то так, но сомнительно, чтобы это пошло на пользу Дженнифер, — сказала Эдит. — Или, вернее, не навредило. В ее возрасте жизнь не должна сводиться к приобретению тряпок.

— Дженнифер, — тонко улыбнулся мистер Невилл. — Не сомневаюсь, что на свой лад Дженнифер — яблочко от яблони.

Она откинулась на спинку стула и подставила лицо солнцу, слегка опьянев не столько от вина, сколько от глубины этого важного спора. Соблазненная к тому же мыслью о том, что может, всего только пожелав, доставлять себе

удовольствие. Мистер Невилл оказался безукоризненным искусителем. И все же она ощущала, что в его рассуждениях есть слабое место, как и в его способности чувствовать. Она выпрямилась и возобновила нападение.

— Возвратимся к образу жизни, какой вы защищаете, с его низкими моральными требованиями, — допытывалась она. — Вы можете его рекомендовать? Не себе, другим?

Мистер Невилл улыбнулся еще шире:

— Полагаю, моя жена бы могла. Вы ведь что хотите узнать? Терпимо ли я отношусь к чужой аморальности, верно?

Эдит кивнула.

Он отпил вина и ответствовал:

— Я научился ее прекрасно понимать.

Браво, подумала Эдит. Исполнено безупречно. Знал, что я имела в виду, и дал ответ. Ответ неудовлетворительный, но честный. И по-своему красивый. Предполагаю, в свое время мистера Невилла назвали бы настоящим джентльменом. Держится в целом приятно. Изящно одевается, подумала она, бросив взгляд на панаму и полотняную куртку. Даже красив: лицо из восемнадцатого века, тонкое, замкнутое, с полными губами и синеватой тенью на здоровой, хорошо

выбритой коже. Умен до ужаса. Подходит по всем статьям. О, Дэвид, Дэвид.

Мистер Невилл заметил, что она смотрит на него чуть-чуть по-другому, и наклонился к ней через стол:

— Вы ошибаетесь, Эдит, думая, что не можете жить без любви.

— Нет, не ошибаюсь, — произнесла она медленно. — Я не могу без нее. Я не имею в виду, будто опущусь, стану чудачкой, превращусь в пугало. Я имею в виду нечто куда серьезней, я хочу сказать, что без нее не могу жить *хорошо* . Когда любви нет, я не могу с полной отдачей ни думать, ни действовать, ни разговаривать, ни писать, ни даже видеть сны. Я кажусь себе выключенной из мира живых. Становлюсь холодной, полусонной, застывшей. Обрушиваюсь в себя. В моем представлении идеальное счастье — это весь день сидеть на солнце в саду, читать или писать в полной и безусловной уверенности, что тот, кого я люблю, вечером вернется домой. Ко мне. И так каждый вечер.

— Вы романтическая женщина, Эдит, — повторил мистер Невилл с улыбкой.

— Вот тут вы и ошибаетесь, — возразила она. — Именно этот упрек я слышу чуть ли не каждый

день. Я не романтическая женщина. Я домашнее животное. Я не вздыхаю и не стенаю по роковым непомерным страстям, по грандиозной любви, заставляющей забыть все на свете. Все это я знаю, и знаю, что это обрекает на одиночество. Нет, я стремлюсь к простой повседневности. Вечером погулять рука об руку, если располагает погода. Перекинуться в карты. Найти время для пустой болтовни. Вместе приготовить еду.

— И выпустить на ночь кошку? — подсказал мистер Невилл.

Эдит поглядела на него с откровенной неприязнью.

— Так-то лучше, — сказал он.

— Вас это явно забавляет, — сказала она. — Конечно, у вас умеют жить лучше, в Суиндоне, или где вы там… Простите. Не нужно было этого говорить. Страшно грубо с моей стороны. Ужасно…

Он налил ей еще стакан.

— Вы хорошая женщина, — сказал он. — Видно невооруженным глазом.

— Как это видно? — спросила она.

— Хорошие женщины всегда считают, что виноваты, когда им грубят. Плохие всегда ни при чем.

Эдит перевела дыхание, не в силах понять, то

ли опьянела, то ли необычность этого разговора просто заставила ее забыть об осторожности.

— Я бы выпила кофе, — заявила она с ницшеанской, как ей показалось, прямотой. — Впрочем, нет, пожалуй, лучше чаю. Чайник самой крепкой заварки.

Мистер Невилл поглядел на часы.

— Да, — произнес он. — Время поджимает. Скоро тронемся в обратный путь. Но сперва вы выпьете чаю.

Эдит пила чай большими глотками. Она не знала, что от умственного напряжения — вещи забытой и непривычной в нынешнем ее положении — щеки у нее разгорелись, а глаза заблестели. Волосы, выбившись из обычного тугого узла, беспорядочно свисали на шею. Она раздраженно вытащила последние шпильки, расчесала волосы пальцами и дала им упасть вдоль щек. Мистер Невилл оценил эффект, слегка поджав губы, и одобрительно кивнул.

— Хотите, Эдит, я вам скажу, что вам нужно? — предложил он.

Опять все сначала, подумала она.

— Я вам только что объяснила, что мне нужно, и уж это-то я знаю лучше вас.

— Да, я знаю — вы думаете, что знаете лучше

меня, — произнес он, и она от ужаса даже вздрогнула. — Но вы ошибаетесь. Вам нужно не больше любви — меньше. Любовь принесла вам мало хорошего, Эдит. Она сделала вас скрытной, болезненно осторожной, возможно, бесчестной. Так?

Она кивнула.

— Любовь привела вас в отель «У озера» после конца сезона, чтобы вы общались с другими женщинами и говорили о нарядах. Вам *это* нужно?

— Нет, — сказала она. — Нет.

— Нет, — согласился он. — Вы женщина умная, слишком умная, чтобы не понимать, что вы теряете. Все эти мелкие домашние радости, о которых вы говорили, карты и прочее — вы ими скоро пресытитесь.

— Нет, — повторила она. — Никогда.

— Пресытитесь. Да, романтичность до поры до времени способна оградить вас от горестных мыслей, но потом они одержат над вами верх. И тогда вы обнаружите, что у вас много общего со всеми неудовлетворенными жизнью женщинами, и увидите немалый смысл в феминистском движении, и начнете читать исключительно женские романы…

— Я их пишу, — напомнила Эдит.

— Я имею в виду другие, — парировал он. — Вы

пишете о любви и, подозреваю, ни о чем ином писать не сможете, пока не посмотрите на себя трезвым взглядом.

Эдит почувствовала, что у нее волосы встают дыбом. То же самое она сама говорила себе, и много раз, но ухитрялась увиливать от выводов. Теперь же она слышала мнение лица компетентного — словно диагноз болезни подтвердили в тот самый миг, когда ей почти удалось убедить себя, что симптомы ей только мерещатся.

— Вы и в самом деле хотите до самой смерти обсуждать с обделенными счастьем женщинами свое женское естество? — неумолимо продолжал он.

— Боюсь, во мне этого естества так мало, что нечего обсуждать, — невесело пошутила она.

— В свое время вы еще на этом свихнетесь. Во всяком случае, сомнительно, чтобы естество любой женщины выдержало тщательную проверку.

— Скажите, — спросила Эдит, помолчав, — вы, случайно, не занимаетесь психоанализом — на досуге? Раз уж производство электронной аппаратуры оставляет вам столько свободного времени.

— Не любовь вам нужна, Эдит. А нужно вам общественное положение. Вам нужен муж.

— Знаю, — сказала она.

— Выйдя замуж, вы можете вести себя не лучше всех прочих. Даже хуже, учитывая ваши нереализованные способности.

— И то легче, — согласилась она.

— Вас будут обожать все и каждый, у вас появится множество новых тем для разговоров. И вам больше никогда не придется ждать у телефона.

Эдит поднялась.

— Становится прохладно, — сказала она. — Идемте?

Она вышла первой. Про телефон — это он зря, думала она. Вульгарно и грубо. Он знает, как уязвить побольнее. Действительно, когда я работаю дома, телефон всегда рядом; если выйду, одному Богу известно, что может произойти. И внезапно ее мучительно потянуло в одинокую лондонскую келью. Как ребенка, который перевозбудился на детском празднике и которого умной няньке давно бы следовало увести домой.

— Простите, — сказал он, нагнав ее. — Прошу вас. Я не хочу ничего выпытывать. Я ничего о вас не знаю. Вы превосходная женщина, а я вас оскорбил. Простите, пожалуйста.

— Вам нравится причинять боль, — произнесла она светским тоном.

Он кивнул:

— То же самое мне говорила моя жена.

— Откуда вам знать, что мои способности к дурному поведению не реализованы? Это мягкая, однако недвусмысленная форма сексуального оскорбления, представьте себе. Менее распространенная, чем щипки и приставания на службе, но немало женщин с ней прекрасно знакомы.

— Если бы ваши способности к дурному поведению были реализованы должным образом, вы бы не кисли в этом вашем кардигане.

Взбешенная Эдит рванулась вперед. Чтобы обуздать гнев — одна бы она не нашла спуск к озеру, — у нее имелись в запасе несколько испытанных отвлекающих

маневров. Например, претворить случившееся в сцену одного из своих романов — это срабатывало успешней всего. «Вечер незаметно подкрался… — забормотала она. — Огненный шар солнца…» Нет, не помогло. Она обернулась, высматривая его, прислушиваясь к звуку шагов, — он должен был идти следом, однако почему-то не шел. Ей вдруг стало одиноко на этом холодном склоне. Она задрожала и обхватила себя руками.

— Я вас ненавижу! — крикнула она с надеждой.

Ровный хруст гравия предварил появление мистера Невилла. Когда Эдит смогла разглядеть его, то увидела, что он демонстрирует свою обычную улыбку, правда еще более ослепительную.

— Вы движетесь в правильном направлении, — сказал он, беря ее за руку.

Через десять минут спуска она сказала:

— А знаете, в этой вашей улыбке есть капелька чего-то чуть-чуть неприятного.

Улыбка сделалась еще шире.

— Узнаете меня получше, — заметил он, — поймете, какая она неприятная на самом деле.

8

«Дэвид, милый, у меня поразительная новость! Миссис Пьюси, этому столпу женского шика, этому арбитру вкуса, этой неутомимой охотнице за роскошными вещами, этой покорительнице легионов, — *семьдесят девять!* Я узнала, потому что два дня назад у нее был день рождения и она пригласила всех нас на празднование. Я еще днем почуяла — что-то готовится; проходя коридором, я услышала исполненные восторгов и радостного удивления крики за дверями номера миссис и мисс Пьюси, а удушающее облако аромата (уже других духов) расплылось чуть ли не до самой лестницы. Выйдя из отеля, я увидела посыльного, тот извлекал из фургона цветы охапками, как на свадьбу. Тогда я об этом как-то не подумала, а ведь могла бы сообразить, что ни Монике, ни мадам де Боннёй, ни мне никто цветов не пришлет, значит, остаются одни мать и дочь Пьюси. Конечно, у Дженнифер мог где-нибудь оказаться возлюбленный, высший разум подсказывает, что иначе и быть не может, но мне почему-то в это не верится. По-моему, она из тех дочерей, что всю жизнь при матери. Я не одну такую встречала. Например,

Пенелопу. Ты, верно, удивишься, узнав, что она отклонила несколько предложений, поскольку, с ее точки зрения, очень немногие из ее знакомых мужчин отвечают высоким требованиям матери, о которых я столько наслышана. Пенелопа во всем ссылается на мать как на высший авторитет, я порой завидую этой ее убежденности и почитанию родительницы. Жаль, у меня не было матери, которая дала бы мне заповеди на скрижалях и на каждый случай имела бы наготове старую мудрую пословицу либо пример из современной жизни. На моей памяти моя несчастная мать только и делала, что высмеивала да обличала. И все же я думаю о ней именно как о моей несчастной матери. С ходом лет я все больше проникаюсь ее печалью, ее растерянностью перед тем, как сложилась жизнь, ее одиночеством. Она завещала мне туман, в котором плутала сама. Она, эта суровая разочарованная женщина, находила утешение в любовных романах, незамысловатых романтических сказочках со счастливым концом. Может, поэтому я их и пишу. Последние месяцы перед смертью она лежала в постели в шелковом пеньюаре, который отец купил ей в Венеции, где они проводили медовый месяц, и ей было все равно — а быть может, она

и не замечала, — что кружево на пеньюаре давно обмахрилось, а голубой цвет выцвел в серый. Когда она поднимала от книги глаза, я видела, что они тоже выцвели, из голубых стали серыми и были полны грез, неутоленной жажды, разочарования. Материнские фантазии, за которые она цеплялась всю жизнь, научили меня тому, что такое действительность. И хотя я все время держу действительность на первом плане и равняюсь на нее решительно и постоянно, иной раз я спрашиваю себя: не обходится ли она со мной так же, как обошлась с матерью?

Но это так, к слову. Днем я уходила, а когда вернулась вечером к ужину, все стало на место. После суматохи воскресных дней столовая опустела, а по количеству выложенных приборов проницательный человек сразу бы догадался — конец сезона. Официанты и те как-то расслабились и болтали друг с другом. Моника на глазах у всех скормила Кики первое блюдо, и никто, похоже, не обратил внимания. Мадам де Боннёй ест очень быстро, в перерывах между блюдами сидит и молча разглаживает скатерть. Я почти закончила со «сладким мясом»[40], когда в дверях случилась

40 Примечания: 40
Блюдо из зобной и поджелудочной желез.

заминка, и вот мсье Юбер торжественно ввел в комнату миссис Пьюси. Та хихикала и упиралась для вида. Было ясно, что все это не просто так. Ее столик был уставлен цветами (теми самыми, какие я видела утром), а сама миссис Пьюси вырядилась в нечто настолько умопомрачительное, что нам стало за себя стыдно. Честно говоря, я не думаю, что ей все до конца удалось. На кружева цвета полуночи она надела усыпанный блестками жакет, который явно стоил безумных денег; жакет, в свою очередь, оживляли несколько ниток бус и жемчугов, золотые цепочки и даже довольно миленький кулон из лазурита. Волосы у нее были присыпаны свежей золотой пудрой, ногти сияли безупречно розовым лаком. Выглядела она, должна признать, совершенно роскошно — нечто в духе барокко. Я хочу сказать, что либо она, либо мы смотрелись тут неуместно. Кто именно, сперва было неясно, но неопределенность длилась всего лишь миг, потом я поняла, что чаша неуловимо перевешивает не в нашу пользу. Конечно, она этого хотела, но в таких вещах всегда требуется некое единодушие. И в решающий миг оно непонятным образом возникло. Официанты бросились отодвигать для нее стул; обеденная карта и карта вин порхнули на стол;

принесли и предъявили на одобрение бутылки шампанского. Мадам де Боннёй наблюдала все это с полным равнодушием. Моника выразительно закатила глаза.

Пойми, мы были к этому совсем не готовы. Все сошли к ужину в обычных, неброских вечерних нарядах, приберегая одно «выходное» платье на пятницу, второе на субботу, а что-нибудь красивое, но, понятно, неяркое — на воскресенье. Обитатели заведений быстро усваивают правила. Я была в зеленом платье, которое тебя раздражает, но поскольку тебя тут никак не могло быть, то и раздражать было некого. Через две-три минуты после явления миссис Пьюси я поняла, почему оно тебя раздражает, и бесповоротно решила — больше его ни за что не надену. Особенно не повезло Монике: она всегда выглядит красиво, но как раз в этот вечер у нее не получилось; вероятно, в своем черном платье она выглядит слишком худой и бледной. Тени под матовыми скулами придавали ей больной, обреченный вид. На мадам де Боннёй тоже было черное, но она всегда ходит в черном. По-моему, у нее два, самое большее — три черных платья непонятно какого времени, возраста, формы и даже фасона, и она по очереди их надевает к каждому ужину.

Нет, решительно не могу описать тебе в деталях эти хламиды, в основном потому, что у них нет деталей. Должна, однако, сказать, что она всегда выглядит так, как нужно. Как положено выглядеть женщине ее лет. Рискну заметить, что то же самое можно сказать и о нас с Моникой.

Кончив об этом думать, я сообразила, что Дженнифер тоже над собой потрудилась. В ее сторону меня заставили посмотреть более чем красноречивые гримасы Моники. Посмотрела — и у меня, прости за банальность, открылись глаза. По случаю матушкиного дня рождения Дженнифер надела розовые шальвары (чистый гарем!) и, в ансамбль, как выражаются журналы мод, кофточку на бретельках. Она тоже побывала в парикмахерской, где над ней хорошо поработали: блестящие белокурые волосы, раньше висевшие кое-как, убрали со лба и соорудили из них на темени нечто вроде гребня, спустив на виски по короткому локону. Раньше я не замечала, до чего она полная. Вообще-то, они обе полные, но из-за хорошей осанки это почти незаметно. Как бы там ни было, а они являли собой потрясающую пару. Возможно, несколько эксцентричную, но, вероятно, лишь на нашем сером фоне. Одна мысль о том, сколько трудов было вложено в эти

приготовления, лишила меня сил. А ведь они тут на отдыхе! И кому тут на них любоваться! Кроме, понятно, нас, но мы вряд ли самая подходящая публика, раз не можем предъявить пропуска на вход в их сад земных наслаждений. Думаю, в какую-то минуту все мы это почувствовали, и это едва не омрачило торжества.

Но миссис Пьюси, которая начала вызывать у меня нечто вроде жалости, ужаса и сочувствия, была опытным игроком. Монике, мадам де Боннёй и мне поднесли по бокалу шампанского, так что всем пришлось их поднять за ее здоровье, и пошли привставания со стульев, поклоны, кивки и широкие улыбки; улыбки расточала в основном сама миссис Пьюси. Моника и мадам де Боннёй, менее моего восприимчивые к таким празднествам, выпили невозмутимо, правда, мадам де Боннёй перед этим медленно и изящно подняла в знак приветствия свой бокал. А потом, когда представление, казалось, подошло к концу и событие было отмечено должным образом, Ален с другим слугой в белой куртке вкатили на тележке торт такого великолепия, что даже мадам де Боннёй встрепенулась. Мсье Юбер прямо раздувался от гордости. Миссис Пьюси засмеялась, спрятала лицо в ладонях и даже приложила один из своих

изящных кружевных платочков к уголку глаза; тем временем ей в бокал подлили шампанского. Дженнифер опытным оком проследила за нарезанием торта и распределением кусков, отправив к нашим столикам официантов с тарелками шоколад-но-воздушной массы. На сей раз нам в знак благодарности пришлось воздеть вилки. Необыкновенно вкусный был торт.

После такого мы, конечно, не могли разойтись, оставив миссис Пьюси одну. Впервые на моей памяти постоялицы все вместе отправились пить кофе в гостиную. Компания была не совсем однородная, однако миссис Пьюси, у которой во время общего возбуждения немного смазалась губная помада, не возражала. Мадам де Боннёй была туга на ухо, но привыкла исполнять свой долг или просто вести себя так, как от нее ожидали; она мужественно сидела, время от времени посылая улыбку в направлении миссис Пьюси и благосклонно кивая Дженнифер. В этот вечер я увидела в ней создание, наделенное благородством, — ведь она вдалеке от дома, никак не связана с виновницей торжества и, насколько могу судить, не имеет представления о сложной игре в притворство. Моника хотя и подмигивала мне, когда думала, что ее никто не видит, вклю-

чилась в игру с куда большим увлечением, чем я могла от нее ожидать. Она наглядно продемонстрировала, что, когда хочет, может с блеском играть в салонные игры; правда, каждая ее реплика была с ехидным подтекстом. Я заметила, что, когда она заходила слишком уж далеко, Дженнифер награждала ее взглядом, исполненным пристального внимания. Но одежды миссис Пьюси вызвали у Моники, как я и предполагала, неподдельный интерес, и вскоре они почти на равных обменивались именами и адресами своих портних; обе шили у одной и той же, но выяснилось это не сразу, потому что миссис Пьюси именовала ее «моей крохотулькой», а Моника — «моей подружкой». На короткое время между ними воцарились мир и согласие, и они пошли сыпать именами и названиями, объемлющими всю Европу. Гуччи и Гермес, Шанель и Джин Мьюир, «Белый дом» и «Старая Англия» — всего лишь некоторые из тех, что мне были знакомы. В эту минуту мадам де Боннёй, вероятно решив, что протерпела столько, сколько, по ее мнению, от нее могли ожидать, тяжело встала из кресла, на прощанье отсалютовала миссис Пьюси тростью и вышла, переваливаясь из стороны в сторону.

— Бедняжка, — довольно громко, как мне пока-

залось, произнесла миссис Пьюси, хотя мадам де Боннёй, конечно, ее не услышала.

Мы остались, хотя, в сущности, самое время было разойтись. Ты знаешь, как трудно поддерживать тонус компании, в которой кто-то один присваивает себе внимание всех остальных. Я снова отметила странное нежелание матери и дочери Пьюси общаться с другими на равных. За их чрезмерной любезностью кроется глубоко эшелонированная, неприступная оборона; такое впечатление, что на самом деле они серьезно воспринимают только самих себя. Словно им искренне жаль тех, кому отказано в возможности быть Пьюси. А «теми» являются, по определению, все остальные. Не уверена, что Дженнифер вообще выйдет замуж. Кто из чужих удостоится высшей чести — посвящения в свои? Как они его опознают? Ему придется представить безупречные верительные грамоты: состояние, не меньшее, а то и большее их собственного; соответствующий ему заоблачный уровень жизни; особняк в идеальном месте и то, что миссис

Пьюси именует «положением». Внешние данные тут вторичны, ибо способны подтолкнуть Дженнифер к поспешному решению. Мне думается, этот избранник будет эталоном настоящего

мужчины; он будет обходителен, не слишком молод, весьма терпелив и безмерно терпим. Все это от него непременно потребуется, ибо для того, чтобы обойти бдительность миссис Пьюси, ему предстоит проводить с нею много времени. С ними обеими. В сущности, замужняя жизнь Дженнифер представляется мне продлением ее теперешнего существования, просто вместо двух их станет трое. Путь к браку проляжет исключительно через венчание, а поскольку в нем прежде всего увидят предлог для нового пополнения гардероба, высший смысл обряда будет утрачен. Этот мужчина, муж Дженнифер, займет место на равном удалении от матери и от дочери и будет подчиняться обеим. Его по необходимости примут в семью, но Пьюси ему не бывать. Что там ни говори, но разве они не были безоблачно счастливы до его появления? Разве их эталон совершенства не был в них же и воплощен? И чем, интересно, он сможет обосновать требование каких бы то ни было перемен?

У меня такое чувство, будто миссис Пьюси бессмертна. У некоторых (я хорошо знаю таких людей) тень смерти предшествует ее наступлению: они теряют надежду, аппетит, жизнеспособность. Они ощущают, как уходит смысл жизни, понима-

ют, что утратили или вообще не достигли того, к чему стремились всем сердцем, и перестают бороться. В глазах у таких людей читаешь: я мало брал от жизни, и этого уже не исправить. Но восхитительная телесность миссис Пьюси, судя по всему, исключает подобные представления, мысли, предчувствия, или как их там называть. Обеспечив себе прекрасную жизнь, миссис Пьюси отнюдь не намерена от нее отказываться, да и с чего бы? Она с самого начала знала то, чего иные неудачники не поймут за всю жизнь, знала, что можно наложить лапу на самое лучшее, хотя на всех его, возможно, не хватит. Следует поздравить ее с такой проницательностью. Любое другое отношение, вероятно, не более или не менее чем «зелен виноград»[41].

— Но у вас же день рождения! — воскликнула Моника, мысли которой, видимо, развивались в том же направлении, что и мои. — Какое, интересно, по счету?

Этот вопрос миссис Пьюси постаралась не расслышать. (Кстати, в тот миг я впервые подумала, что миссис Пьюси может быть глуховата. А если рассудить, то не может быть, а почти наверняка.

---

41 Примечания: 41
См. басенный сюжет про лисицу и виноград.

И ее монологи, не принимающие слушателя в расчет, непроницаемые для постороннего мнения, — не свойственны ли они тому, кто из тщеславия не желает признаваться в собственной глухоте?)

— Милая, — обратилась она к Дженнифер, — будь добра, подойди к Филипу, попроси его к нам. У нас без церемоний, он знает.

Дженнифер с выражением пустоты на порозовевшем лице просеменила к мистеру Невиллу, который умудрился каким-то непонятным образом избежать участия в празднестве, но теперь был вынужден похоронить свои планы на вечер и присоединиться к нам. Но от Моники не так-то просто было отделаться.

— Ну же, — игриво и в то же время весьма решительно настаивала она. — Держу пари, вы не можете примириться с тем, что вам шестьдесят. Угадала? Так вам их не дашь.

Миссис Пьюси рассмеялась.

— Возраст — понятие относительное, — парировала она. — Тебе столько лет, на сколько себя чувствуешь. А я порой ощущаю себя маленькой девочкой.

Когда она это произносила, в ее голосе зазвучало безыскусное удивление; нам, кто ей внимал,

показалось, что она трепещет на пороге зрелости, завороженная видом сокровищ, готовых пролиться на нее из рога изобилия.

— Но у вас уже взрослая дочь, — довольно жестоко, как мне показалось, заметила Моника.

Дженнифер, видимо, тоже так посчитала и наградила ее все тем же долгим проницательным взглядом, который делал ее значительно старше своих… А сколько ей, собственно? То ли шампанское меня утомило, то ли я уже до него испытывала усталость, но на меня вдруг снизошло зловещее чувство, что все это напоказ, все — притворство, что это был ужин масок и больше никто никогда, никогда не скажет и слова правды. Как в этот миг, Дэвид, ты был мне нужен. Но тебя не было. Был один мистер Невилл, которого неимоверно забавляло происходящее. Мистер Невилл, должна тебе объяснить, знаток причудливого, интеллектуальный гурман высшего порядка.

Печально, но факт: миссис Пьюси хотя и не утратила бодрости, но как-то разом на глазах постарела. И все же, когда после продолжительных и упорных комплиментов мистера Невилла она наконец призналась, что ей семьдесят девять, мы искренне изумились. Все тут же начали про себя подсчитывать; каждый из нас в точности

знал, что думают остальные. Если миссис Пьюси семьдесят девять, то Дженнифер должна быть примерно моей ровесницей. Моей и Моники. Так оно и есть. Дженнифер, как и мне, тридцать девять, хотя любопытное сочетание пухлых телес и пустого лица позволяет ей казаться не старше четырнадцати. Теперь только я поняла, что Дженнифер всем своим обликом непреложно выражает скрытность. Она обладает даром неудобного присутствия, а быть может, напротив, отсутствия, свойственным многим подросткам; ее вызывающе безжизненная пышнотелость могла бы шокировать, не будь уравновешена дочерней почтительностью. Дженнифер вопиюще пышет здоровьем, приличием, невинностью. И я, не имея ни того, ни другого, ни третьего, чувствую себя ее незамужней тетушкой.

Вот тут-то миссис Пьюси, сдавшись на улещивания Невилла, поведала о том, как первые годы ее супружества омрачало совершенно необъяснимое отсутствие детей. При этом из сумочки извлекли очередной снежно-белый платочек, встряхнули и приложили к уголку губ.

— Уж как мы ни старались, — сообщила она, — ничего не получалось.

От этого признания всем стало неловко. Мони-

ка помрачнела, а я выругала себя, что не ушла с мадам де Боннёй. Но наконец, после двенадцатилетних самозабвенных и целенаправленных «стараний», усилия миссис Пьюси вознаградилась, и — вы только представьте — на свет появилась Дженнифер.

— Мужу всегда хотелось девочку.

Тут она обратилась к Дженнифер, которая, как и следовало ожидать, лучезарно ей улыбнулась и нежно взяла за руку. Получив таким образом поддержку, миссис Пьюси стала потчевать нас забавными случаями из эпохи младенчества Дженнифер. Само собой разумеется, малышка оправдала их самые смелые надежды, хотя и росла страшно избалованной.

— Чего вы хотите? После стольких лет ожидания как не потакать их капризам? Муж не мог видеть ее в слезах, просто места себе не находил. Айрис, говорил он, вот незаполненный чек, и чтоб у девочки было все самое лучшее. Сумму проставишь сама. У нее и было все самое лучшее, а капелька баловства ей вовсе не повредила, правда, милая?

Снова улыбка и снова пожатье. Кто бы спорил, лоснящаяся здоровьем Дженнифер наглядно свидетельствовала, что усилия вознаградились

сторицей, однако миссис Пьюси непонятно почему надлежало снова и снова превозносить за эти усилия. Не могу не написать тебе, Дэвид, у Дженнифер был пони по кличке Прутик. Затем нам выдали всю программу сполна: Холсмер, Главное управление и как все доставляли на дом».

Эдит отложила перо. Закончит потом, а может, даже и перепишет. В ее повествование, похоже, просочились нездоровые нотки; она поняла, что вышла за рамки краткого изложения событий. И вспомнила в связи с этим требования к подобному изложению — позабавить, отвлечь, дать отдохнуть: то было ее обязанностью, больше — ее святым долгом. Но что-то пошло не так или ускользнуло из-под контроля. Повествование было задумано с одной целью: развлечь — разве вся обстановка не отвечала, не давала ей готовый материал для выполнения этой задачи? — но непонятно как в него вкрадывались самокопание, обличения, даже горечь. «Ну, милая, что нового в Крэн-форде?» — говаривал Дэвид, когда они усаживались на большой диван в ее гостиной и он, вытянув свою длинную руку, привлекал ее к себе. Ее неизменной ролью было делиться с ним своими необременительными наблюдениями, всегда умело отредактированными, и смотреть,

как на его худом хитром лице усталые морщины разглаживаются в улыбке. Ибо такой он меня видит, подумала она, и из любви к нему такой я стараюсь быть.

Но сейчас она, вероятно из-за шампанского, ощущала беспокойство и настороженность. Видимых причин для этого вроде бы не было, если не считать усталости и нервного напряжения. Конечно, после такого необычного дня — да еще такой долгий вечер. В какой-то момент Моника даже начала рассказывать миссис

Пьюси о своей истории — та слушала с жадным интересом, прикрытым маской заботливой снисходительности. Удрать не представлялось возможности. Дженнифер закинула лодыжку одной ноги на колено другой — приняла позу, каковую ширина ее гаремных шальвар лишала и намека на нескромность, — умудряясь при этом по-прежнему выглядеть ребенком и одалиской одновременно, и вновь скрылась за маской прилежного послушания. Она откинулась на спинку кресла, перебирая локоны и зорко поглядывая из-под полуопущенных век. С губы у нее свисала тоненькая блестящая нитка слюны. Эдит подавляла зевоту. Она чувствовала, что даже мистер Невилл стал немного рассеян, хотя и прятал это

под привычной любезной миной.

В полночь они все еще сидели в гостиной. Если уж Моника заводилась, отвлечь ее было невозможно; она дымила без устали. А миссис Пьюси, в сущности, не могла помочь ей советом; более того, воспоминания о собственном испытательном сроке, завершившемся столь успешно, настроили ее изъясняться избитыми фразами, что было воспринято не лучшим образом. Лицо Моники скривилось в характерную для нее гримасу вечного недовольства, и вечер закончился далеко не в том благостном духе, в котором начинался и который в какой-то момент обещал сохранить до конца. Хорошо хоть не было Кики — Ален снова запер его в ванной Моники в наказание за очередную лужицу. Мсье Юберу выступление в роли распорядителя торжеств принесло некоторое разочарование, но он тем не менее обретался в гостиной, рассчитывая на изъявления признательности, которых, однако, так и не дождался. Все, казалось, слишком устали для того, чтобы спасать положение, и, когда мистер Невилл предложил миссис Пьюси помощь, та с облегчением ее приняла. Она вставала из кресла дольше обычного, но в конце концов отбыла, опираясь на руку мистера Невилла и с Дженнифер в арьергарде.

Добравшись до своего убежища, комнаты, и заперев за собой дверь, Эдит попыталась выяснить, почему она чувствует себя такой подавленной; состояние это было в ее представлении каким-то запутанным образом переплетено с событиями прошедшего вечера и мыслями, на которые они ее натолкнули. Не потому ли, что она ощущала неуместность своего присутствия на праздновании? День рождения миссис Пьюси, воображаемое венчание Дженнифер виделись ей куда объемней, чем любое событие в собственной жизни, которое приходило на память. В родительском доме Эдит на свои дни рождения сама пекла торт, и отец церемонно вносил его в комнату вместе с кофе. То были краткие робкие вылазки в идеальную семейную жизнь, какую, мечтала Эдит, они бы могли вести. Мать пускалась в воспоминания о венских кофейнях своей юности, рассказывала живо и увлеченно, но потом снова впадала в тоску. К этому времени кофе бывал выпит, на тарелке громоздились раскрошенные остатки торта, и, когда Эдит относила их на кухню, дню рождения приходил конец. О свадьбах же разговора вообще не шло.

И вот, как ни странно, в благословенной тишине и полумраке комнаты Эдит ощутила, что

усталость растворяется, уступая место подспудному беспокойству, глодавшему ее все время, что она писала письмо, и беспокойство это начинает шевелиться, расти. В этот поздний час она почувствовала, как испуганно бьется сердце, а рассудок, ее неизменный страж, отступает и из глубин сознания поднимаются на поверхность потаенные земли, опасные мели. Старательное притворство ее здешней жизни, почти возобладавший настрой этого искусственного и бессмысленного существования, прописанного ей для ее же блага другими, теми, кто не имел верного понимания, в чем для нее заключается благо, внезапно предстали перед ней во всей своей бесполезности. Шампанское, торт и празднование, вероятно, исподволь подточили защитные механизмы мозга, вызвали коварные непрошеные ассоциации, обратили в бессмыслицу тщательно взвешенное соглашение, что она заключила сама с собой, лишили ее радости, вернули в мир серьезных и мучительных размышлений, затребовали у нее отчета. Она полагала, что, согласившись на краткосрочную ссылку, тем самым сможет навести порядок во всем, начать сначала, а когда в урочный час ей будет позволено вернуться, отбыв наказание, она возобновит привычную

жизнь. «Навожу порядок, Эдит, — вспомнила она, как говорил отец, когда рвал бумаги за письменным столом. — Навожу порядок, и только». Он улыбался, но глаза у него были грустные. Он понимал, что отныне все в его жизни меняется, что больница

станет для него отнюдь не коротеньким эпизодом, как он бодро уверял мать. Домой он уже не вернулся. Быть может, и я не вернусь домой, подумала она с надрывающей сердце горечью. А еще глубже, под горечью, отчетливо проступало ощущение опасности — так она себя чувствовала, когда видела, что сюжет романа в конечном итоге развалится и как это может произойти.

В одиночестве и тишине она опустила голову и добросовестно восстановила цепочку событий, которые привели ее в отель «У озера» к самому концу сезона.

В день своей свадьбы Эдит проснулась раньше обычного — ее вспугнул странный утренний свет, жесткий, белесый, тревожный, намекающий на неожиданности самого неприятного свойства и ничего общего не имеющий с ярким солнышком, на какое она рассчитывала. Погоду она восприняла как предвестие, а внезапное пробуждение — как предзнаменование, хотя чего именно —

этого она не могла сказать, ни даже вообразить. Вдобавок она видела в зеркале на туалетном столике свое лицо и удивленно огорчилась, какое оно худое и бледное. Я уже немолода, подумалось ей; это мой последний шанс. Верно говорит Пенелопа. Давно пора оставить надежды, с какими я появилась на свет, и взглянуть в лицо действительности. Я никогда не буду иметь того, к чему стремлюсь в глубине души. Слишком поздно. Но и так называемый зрелый возраст имеет свои утешения: приятное дружеское общение, удобства, полноценный отдых. Разумная перспектива. А я всегда была рассудительной женщиной, подумала она. В этом мы все согласны.

9

И Джеффри Лонг, милый человек, его пригласили специально для нее на тот не столь отдаленный во времени ужин; после смерти матушки он ходил такой одинокий — более надежной гарантии безопасного и разумного будущего невозможно представить. Только очень чистый человек, подумала она, мог так откровенно исполнить традиционный ритуал ухаживания. Этим он всех подкупил, больше всего Пенелопу, но в конце концов даже саму Эдит: преданностью, щедростью, бесконечными букетами, суетливой опекой и в довершение унылым матушкиным кольцом с опалом. К тому же он предлагал ей новую жизнь, новый дом, новых друзей, даже коттедж за городом — роскошества, какими сама она не подумала бы обзаводиться. И был представительный мужчина, хоть и немножечко старомодных вкусов — например, не одобрял, чтобы женщины работали, и поддразнивал ее тем, что она слишком много времени отдает своим книгам. И была в его ухаживании некая милая непосредственность, порой доходившая до смешного. И все говорили, каким

примерным сыном был он у матушки, отмечали, как повезло Эдит. Пенелопа говорила об этом чуть-чуть раздраженно, словно подразумевала, что была бы более достойна такого мужа. И все постоянно твердили Эдит о том, какое счастье ей улыбнулось. И верно, не было разумных причин отрицать все это. Ей повезло. Мне повезло, напомнила она себе, глядя на свое осунувшееся отражение в зеркале туалетного столика.

Она заварила себе очень крепкого чаю и, пока он настаивался, открыла заднюю дверь полюбоваться на садик. Но слабый паскудный ветерок обдал ей ноги фонтанчиком пыли, дверь ходила на петлях взад-вперед, застя странный утренний свет и как бы намекая на облака, хотя никаких облаков не было, и на конец всему, с чем она так сжилась, что уже и не замечала. Ее домик, многолетняя маленькая крепость, в которой она замыкалась, как улитка в раковине, чтобы работать и спать, тихая и солнечная в безлюдные будние дни, пока дети еще не вернулись из школы и не вошли в чужие калитки. Умиротворенные послеполуденные часы, когда солнце, проникая через окошко, настойчиво и жарко бьет лучами ей в спину и пальцы бегают по клавишам машинки, словно наделенные своею собственной

жизнью. И изнеможение после работы — ему всегда предшествует перемена в освещении, которая приводит ее в себя, напоминая о ломоте в плечах, в пояснице и о затекших ногах, о растрепанной прическе и пятнах краски на пальцах, и приходящее следом отвращение, будто она предавалась какому-то непотребству, пока дети возвращались из школы. Тогда она спускается в кухню, открывает заднюю дверь и вдыхает божественный, самый обычный воздух, а на плите тем временем закипает чайник. И она уносит чайник в свою маленькую ванную, выложенную простенькой белой плиткой, где отмывается от дневных трудов с их грязью и оставляет на плечиках серенькое хлопчатобумажное платье, свою рабочую форму, словно только в затрапезе положено заниматься тем, что она делает днем, — недозволенным производством того, в чем жизнь не нуждается.

А в прохладной спальне, куда солнце заглядывает лишь утром, да и то на минутку, она тщательно одевается, расчесывает волосы, как ее приучили в детстве, не глядя, отработанным жестом закалывает прическу и, внимательно изучив себя в зеркале и одобрив увиденное, сходит вниз, наливает себе еще одну чашку чая и

наконец чувствует, что созрела для сада.

Больше всего ей будет не хватать ее сада, подумала она, при том что никакая она не садовница. Почти всю работу по саду выполнял неразговорчивый и невероятно бледный посыльный из зеленной лавки; обделенность словами он восполнял страстью к растениям и усердной заботой о них. Он приходил три дня в неделю в обеденный перерыв, она оставляла ему ленч на кухонном столике. Она пыталась разбудить в нем аппетит — его бледность внушала ей тревогу; и, хотя пределом его желаний были булочка с сыром и бутылка пива, он поглощал ее кулинарные изыски, чувствуя, что для нее это важно, и принимая это со всей серьезностью.

— Ну, я потопал! — кричал он ей снизу. — Может, загляну в воскресенье.

— Хорошо, Терри! — кричала она в ответ. — Деньги на шкафу.

Оба они считали деньги особой статьей, никак не связанной с домоводством, которым истово занимались каждый на свой лад.

По-настоящему сад принадлежал ей лишь рано утром и вечером, после работы, когда она просто сидела на довольно неудобной чугунной скамейке (в известном смысле подарке от Джеффри, у

которого ее старое, растянутое и скрипучее плетеное кресло вызывало только смех), наблюдала, как солнце закатывается за зеленую изгородь, и наслаждалась резкими вечерними запахами. Она знала, что в этот час соседская девочка, ребенок неземной красоты, чье счастье и непосредственность уже омрачал чудовищный недуг — заикание, выйдет поглядеть, у себя ли она (но где же ей еще быть?), и проскользнет сквозь зеленую изгородь пожелать ей доброй ночи. Эдит видела, как девочка борется со словами, как ее худенькое тельце сотрясается в тщетных потугах выпустить их на волю, и улыбалась, и согласно кивала, будто ясно слышит каждое слово, и гладила девочку по головке, чтобы унять дрожь, и шептала:

— Доброй ночи, любимая моя крошка. Хороших снов.

И целовала успокоенного ребенка, и отправляла спать.

Остаток вечера проходил проще. Она заглядывала к Пенелопе узнать, что слышно новенького, скромно ужинала тем, что еще днем по-братски разделила с Терри, поливала в саду и очень рано забиралась в постель. Иной раз еще засветло, и, поскольку свет очень ее занимал, она отклады-

вала книгу и наблюдала за тем, как он блекнет, меняет краски и наконец меркнет. Дальше бывало неинтересно. Наступало время сна. Постель у нее была простая, белая, узкая. Джеффри Лонг, мужчина отнюдь не маленький, неоднократно намекал на последнее — игриво, однако с присущим ему добродушием. Как и Пенелопа — у той на кровати можно было уложить четверых. Когда кровать стояла застеленной, на ней валялась масса изящных подушечек различных форм и фасонов, в цветастых наволочках, которые вещали миру открытым текстом: «Я есть воплощенная женственность». Некоторые женщины, размышляла Эдит, воздвигают себе алтари. И правильно делают. Хотя у меня вряд ли бы получилось.

В любом случае на Монтегю-сквер, где Джеффри жил вместе с покойной матушкой, уже было установлено супружеское ложе, и скоро ей предстоит занять свое место в роскошной спальне, выдержанной в тонах, которые она втайне находила несколько давящими. Она сама их подбирала, однако допустила роковую, по всей видимости, ошибку, призвав в советчицы Пенелопу. Та со знанием дела повела ее в большие универмаги, попутно просвещая по части того, как ублажить мужчину.

— Не нужно скромничать, Эдит, — заклинала она. — В голой келье мужчине неловко. С его потребностями нужно считаться.

Эдит задыхалась среди гор постельного белья, чувствовала себя виноватой, потому что все это не вызывало у нее особых восторгов и потому что Пенелопа, как она видела, отнеслась к этому делу с куда большим рвением. Наконец она сдалась на ее уговоры и, пожалев беднягу продавца с худым, как мощи, лицом — у того давно наступил обеденный перерыв, — выбрала покрывало тускло-желтого цвета, пару того же цвета дорогих полотенец для их темно-зеленой мраморной ванны и толстые атласные одеяла светло-коричневого оттенка. Белье было новое, красивое, но ей казалось, что оно поглощает свет и давит на человека. Она не представляла себе, как войдет в эту спальню после целого дня за машинкой или приляжет вздремнуть на великолепной кровати с камышовым изголовьем. К тому же она отметила, что на Монтегю-сквер почти нет детей и нет сада, так что после рабочего дня вечер у нее будет складываться совсем по-иному. Да, но писать ей тут не придется. А может, она вообще перестанет писать. Она будет вести жизнь, какую, вероятно, ведут остальные женщины: покупки,

готовка, устройство вечерних приемов, ленчи с приятельницами. С ее светскими знакомыми, которые не забывали приглашать ее на свои маленькие встречи и вечеринки и которым она пока что отвечала лишь благими намерениями показать свой садик. Я не платила по счету, сказала она самой себе в тот день, когда с робким удовольствием обозревала свою новую просторную кухню. Я, должно быть, кажусь им каким-то подкидышем. Это должно измениться.

Изменилось. И никто не был в обиде. Напротив, все были в полном восторге. Дэвид посмеивался над ее новым безрассудством и дразнил неизвестным возлюбленным.

— Ты, должно быть, влюбилась, — заявил он ей.

А она, не рискнув нарушить их негласный договор, не сказала того, что хотела сказать, и навсегда потеряла такую возможность. Поэтому, когда он незаметно взял ее за руку — дело было на частном просмотре, куда она отправилась с Пенелопой, — и она провела его большим пальцем по своему среднему, чтобы он нащупал ободок отвратительного кольца матушки Джеффри, он весь напрягся, но промолчал. Да и что было говорить? Никаких обещаний никто не давал. А

в их последний вечер ткнулся лицом ей в шею и пробормотал:

— Ты решила?

А она и вправду решила, потому что временами он не появлялся очень подолгу. И не стал ее отговаривать. Но через месяц, утром в день свадьбы, она стояла на кухне и размышляла обо всем, чего еще не сказала ему.

Щелканье дверного замка заставило ее вздрогнуть. Уборщица миссис Демпстер, розовощекая, с великолепной прической, на сей раз благодушная и спокойная, удивленно на нее поглядела.

— Еще не одеты? — поразилась она. — Ванну, надеюсь, хотя бы приняли?

— А что? — спросила Эдит. — Который час?

— Десять часов, — по слогам произнесла миссис Демпстер, словно втолковывая ребенку. — Десять. А в двенадцать свадьба, не забыли? Если вас интересует, что мне здесь нужно, объясняю: приглядеть, когда доставят еду и приборы. Это, надеюсь, вы помните? Если у вас из памяти выпало, напоминаю: прежде чем упорхнуть, вы устраиваете тут прием аляфуршет.

Миссис Демпстер тяжело вздыхала, облачаясь в безукоризненно чистый халат, словно одна мысль о свадьбе давила на ее пресловутую нерв-

ную систему, и без того пребывавшую в состоянии полной непредсказуемости. Мужчины — ее погибель, призналась она за чашечкой кофе — далеко не первой. К работе она почти не прикоснулась. Эдит подозревала, что Пенелопа не дает ей лентяйничать; впрочем, допускала она, Пенелопе есть что ей предложить по части обмена признаниями. У Пенелопы и миссис Демпстер вообще было кое-что общее; все их разговоры вращались вокруг единственной темы — мужчин, которые им, похоже, нравились и не нравились в одинаковой степени. Поэтому, когда миссис Демпстер сказала: «Ну-ка, лапушка, забирайтесь в ванну, а я приготовлю вам вкусного кофейку, выпьете, когда будете одеваться», — у Эдит защипало глаза, и она отвернулась. Как добры люди, подумала она. Как нежданно добры.

В ванной она слышала, как сотрясаются стены от голоса миссис Демпстер, отдававшей приказы доставщикам. Внизу со стуком опустили на пол ящики шампанского. Об обещанной чашечке кофе было на время забыто в лихорадке надзора за приготовлениями; дом ходил ходуном от нашествия посыльных из цветочной лавки и команды девушек, которая, оккупировав кухню, готовилась раскладывать булочки со спаржей,

слоеные пирожки с грибами, крохотные шарики фаршированного сыра, ломтики глазированного апельсинового торта и пудинга «Нессельроде».

— Пудинг?! Ты с ума сошла, — заявила ей Пенелопа.

— Мама любила пудинг, — возразила Эдит и подумала, что мать посчитала бы это жалкой претензией на родство душ.

Дом заполонили резкие, требовательные голоса девушек — то не хватало вазочек, то одна кричала из кухни другой, в комнате:

— Сара! Поворачивайся! Тут нужно закончить к половине двенадцатого, а то не поспеем на Тригантер-роуд. Ой, кофе! Вы ангел, миссис, Демпстер. Сара! Кофе!

Все вдруг замерло, как по мановению волшебной палочки. Но Эдит, вернувшись в спальню, обнаружила на туалетном столике чашечку кофе и блюдце с бисквитами, которые миссис Демпстер, должно быть, принесла с собой — Эдит не помнила, чтобы покупала бисквиты.

Эдит надела шелковые чулки и красивый атласный лифчик. Она отклонила предложение Пенелопы выбрать ей свадебный наряд и сама отправилась незнакомыми автобусами, захватив отрез тонкой голубовато-серой ткани (шерсть с

шелком), в Илинг[42] к пожилой портнихе, польке. И вот она стоит, облаченная во вполне удачную копию костюма от Шанель с двуцветным — темно-синим и белым — галуном на жакете. Мадам Венявская сшила ей также простую блузку с круглым воротничком, поверх которой она надела нитку жемчуга, доставшегося от тети Анны, — единственное приданое, единственное, что будет напоминать на свадьбе о ее семье. У сине-белых туфель, как ей показалось, каблук высоковат. Перчатки белые. От шляпы она отказалась, но волосы зачесала чуть выше обычного. Поглядев на себя в зеркало, она осталась довольна. Вид элегантный, уверенный. Взрослый, подумалось ей. Наконец-то.

Впервые за утро она ощутила легкую тень удовольствия. Она сошла вниз с приветливой простодушной улыбкой. Саре с подружками (Кейт? Белиндой?) было явно не до нее, а миссис Демпстер вела на кухне за столиком глубокомысленную беседу с Пенелопой. На Пенелопе, с интересом отметила Эдит, были явно дорогое платье из набивного шелка и широченная красная соломенная шляпа, поля которой, плавно

42 Примечания: 42
Пригород Лондона.

загибаясь вокруг головы, едва не касались плеча. От многочисленных складок и складочек исходил резкий аромат духов, а в ушах красовались знаменитые матушкины бриллианты, которые Пенелопа время от времени трогала пальцами с длинными алыми ногтями. Ее наряд получил полное одобрение миссис Демпстер; он и вправду был ослепительно свадебный, хотя смотрелся несколько дико в сравнении с обтянутыми джинсовкой могучими ляжками девушек, сосредоточенно мешавших миндальное тесто ручками деревянных ложек. При появлении Эдит Пенелопа и миссис Демпстер разом умолкли и подвергли ее придирчивому и чуть ли не отстраненному осмотру. «За кем, интересно, будет победа? — подумала она почти столь же отстраненно. — За Пенелопой с ее железной уверенностью, что она-то уж знает, что любят мужчины, или за мной, всего лишь осененной мастерством моей польки портнихи? Будь рядом мужчина, мы бы разыграли суд Париса. Правда, если б мужчиной был Джеффри (а кому теперь и быть, как не ему), он бы для каждой нашел подходящий комплимент».

Молчание нарушила одна из девушек — они готовили свадебный стол с поразительной быстротой.

— Очень мило, — сказала она. — Слушайте, вы бы вышли, потому как нам надо закончить секунда в секунду да еще и прибраться успеть. — И добавила: — Будьте счастливы и все прочее.

Эдит выгнали погулять в саду, а Пенелопа и миссис Демпстер остались на кухне надзирать за девушками и надеяться, что Эдит хоть понимает, как ей повезло. Они единодушно считали, что в данном случае удача не просто с неба свалилась и ее, пожалуй, еще следует заслужить.

— Половину времени в облаках витает, — заметила миссис Демпстер, — сочиняет эти свои истории. Мне иной раз сдается, что она и сама не понимает, что в них к чему.

Пенелопа рассмеялась, и Эдит, увидев это из сада, подумала, не захотят ли и с ней поделиться шуткой. Она подошла и успела услышать слова Пенелопы:

— Голубушка вы моя, у меня этих историй видимо-невидимо. Удивляюсь, почему она еще не вставила меня в книгу.

Вставила, подумала Эдит. Только ты себя не узнала.

Но она устала, замерзла и даже немного проголодалась. У нее было чувство, будто она медленно поправляется от какой-то изнурительной бо-

лезни и в любую минуту может пасть жертвой головной боли или истерики. Ей бы сейчас впору натянуть на себя что-нибудь теплое и поношенное, лучше всего — толстый халат, и цедить горячее молоко. Она чувствовала себя страшно одинокой и думала, что все невесты, возможно, именно так себя чувствуют. Но наверняка мало таких, кого оставляют, как примерную девочку, сидеть в гостиной и время от времени подходить к окну — не показались ли автомобили. А когда прибыл первый сияющий лимузин, то уж никак не невесте было идти в кухню, где дым стоял коромыслом и все друг с дружкой передружились, и объявлять:

— Пенелопа, твоя машина пришла.

Ибо решено было, кем именно, Эдит уже и не помнила, что Пенелопа, как подружка (вернее было бы — матрона) невесты, первой приедет в Службу регистрации, где присоединится к Джеффри и его шаферу, представлявшему собой увеличенную и более сонную копию самого Джеффри. Там они объединенными силами приготовятся встретить Эдит, которая прибудет через четверть часа одна во второй машине. Миссис Демпстер выразила желание остаться, чтобы, переодевшись в спальне Эдит в неповторимый

парадный туалет, потом встречать новобрачных и обносить гостей.

После того как Пенелопу наконец спровадили и она еще успела покрасоваться на улице перед группой детишек, хрустевших жареным картофелем и взиравших на нее с полным равнодушием, в доме наступила минута покоя. Девушки выкатились, на ходу подсчитывая, сколько времени займет дорога до Тригантер-роуд. Миссис Демпстер наверху наполняла ванну. Эдит постояла у окна. И не успела опомниться, как настал ее черед.

Пока автомобиль медленно отъезжал, сознание Эдит как бы заработало в обратном направлении. Она с удивлением разглядывала фасад своего домика, словно видела его в первый раз. Пора бы покрасить, подумалось ей, и сразу: ну почему я не сделала этого! Затем она отметила удивительную прелесть лавочек, мимо которых проходила каждый день, не удостаивая их взглядом: аптека, погребальная контора, газетный киоск, где в уголке скромно лежали мужские журналы — с большинства обложек согнувшиеся вдвое девицы игриво подмигивали между ног, лотерейная лавка, мостовая перед которой была усеяна порванными билетиками. Автомобиль уносил

ее навстречу судьбе. С острой ностальгией она смотрела, как хозяин-киприот появился из недр зеленной лавки с ведром и широкой дугой плеснул воду на тротуар, чем вызвал у Эдит вспышку радости. Она смотрела на больницу и юношей в белых халатах, взбегающих по ее ступенькам, и на детскую площадку с затейливыми конструкциями для игр, и на ясли, и на лавку с цветами в горшках в витрине, и на один, потом второй паб, и на хорошенький магазинчик одежды. А потом увидела Службу регистрации и столпившихся перед ней на тротуаре людей, занятых болтовней. Как пришелица с другой планеты, она смотрела на своего издателя и своего агента, на чокнутого вегетарианца — двоюродного брата ее несчастного отца, на нескольких знакомых и на соседей, которых оказалось не так уж мало. Она увидела оживленную Пенелопу, чья красная шляпа явно привлекала внимание двух или трех фотографов, Пенелопа разговаривала с шафером и Джеффри. А затем она увидела Джеффри. И — в озарении, что пребудет с нею до последнего дня, — всю его мышиную благопристойность.

Ощутив прилив невероятного спокойствия, она наклонилась к водителю и попросила:

— Не могли бы вы высадить меня чуть подаль-

ше? Я передумала.

— Конечно, мадам, — ответил он, решив по ее скромному виду, что она одна из приглашенных. — Куда прикажете?

— Не поехать ли парком? — предложила она.

Пока автомобиль проплывал мимо Службы регистрации, Эдит видела Пенелопу и Джеффри, застывших, словно на снимке, с выпученными глазами и открытыми в ужасе ртами. Потом сцена слегка оживилась — народ потянулся вниз по ступенькам, напомнив ей эпизод из какого-то шедевра эпохи немого кино, который теперь фигурирует во всех хрестоматиях. Она ощущала себя зрительницей некоего грандиозного события и ждала — вот-вот прогремят выстрелы и упадут первые жертвы. Но скоро, на удивление скоро она оставила их позади, и солнце, как бы во всеуслышание объявляя о ее бегстве, вышло из-за облаков и лихорадочным блеском, вобравшим в себя все тепло последних деньков обманного лета, затопило Слоун-сквер. А машина уже торжественно катила через парк; Эдит опустила стекло, с восторгом вдохнула посвежевший воздух и как зачарованная стала смотреть на мальчишек, гоняющих мяч, на плотных девушек верхом, тяжело подскакивающих в седле, на туристов,

которые сверялись с картами и, вероятно, расспрашивали, как им попасть в «Хэрродс»[43].

— Еще раз, — попросила она.

Восторг улетучивался, уступая место мыслям о неизбежных последствиях содеянного. Сейчас все, должно быть, уже вернулись; Джеффри сидит в гостиной, возможно, поник головой и спрятал лицо, миссис Демпстер мрачно вопрошает, что ей делать с закусками, Пенелопа взяла на себя общее руководство. Теперь Эдит заметила, что листья желтеют. Солнце снова скрылось за облаками. Ей было очень холодно. И, как ни прискорбно, по-прежнему хотелось есть.

Все дальнейшее было ужасно. В ее маленьком доме воздух дрожал от всеобщего возмущения. Правда, она порадовалась, увидев, что ее издатель и несколько старых знакомых попивают в саду шампанское. Она пробралась в свою спальню, где повсюду валялись одежды миссис Демпстер и разило духами миссис Демпстер. Снизу донесся голос Пенелопы:

— Пожалуйста, отпробуйте всего, не стесняйтесь. Хорошо хоть мы можем предложить вам поесть. Не представляю, где сейчас Эдит; она

---

43 Примечания: 43

Один из крупнейших в Лондоне универсальных магазинов.

наверняка заболела.

Услышав ее слова, Эдит вздохнула и виновато спустилась по лестнице, слишком хорошо понимая всю бестактность своего появления.

Она направилась прямиком в гостиную и положила руку на плечо Джеффри.

— Джеффри, — сказала она, — простите меня.

Он поднял глаза и с тяжеловесным достоинством убрал ее руку.

— Мне больше нечего вам сказать, Эдит, — произнес он. — Вы выставили меня на посмешище.

— Думаю, Джеффри, скоро вы убедитесь, что это я саму себя на посмешище выставила.

Он ее словно не слышал.

— Спасибо хоть бедная матушка не дожила до этого дня.

Оба поглядели на кольцо с опалом; Эдит сняла кольцо и отдала ему.

— Прощайте, Джеффри, — сказала она и вышла из комнаты. — Пенелопа, я буду в саду, — объявила она, чем вызвала новый прилив возбужденного негодования. — Хочу поговорить с Гарольдом и Мэри.

Взяв с подноса бокал шампанского, она вышла в сад, где обменялась с агентом любезностями, однако не стала ничего объяснять. Она так и

просидела в саду, пока не удостоверилась, что все ушли.

Осуждение, понятно, воспоследовало незамедлительно, долго, бесконечно долго, как ей казалось, она выслушивала упреки Пенелопы и миссис Демпстер в нравственной развращенности, в ребячливости, в отсутствии достоинства, обязательности, чувства долга и элементарной женской чувствительности. Затем они объявили, что ей дается последний шанс. Что выбранная ею линия поведения бесперспективна, как бы она там ни думала. Что они диву даются, как она может смотреть людям в глаза. Что ей лучше всего уехать и не возвращаться, пока не придет в себя и не будет готова должным образом возместить ущерб за нанесенное обществу вопиющее оскорбление. Все это она выслушала молча, с опущенной головой, и голоса наконец умолкли, шаги удалились, хлопнула парадная дверь. Она осталась одна. Выждав на всякий случай пять минут, она прошла в дом к телефону и набрала номер.

— Стенли, — сказала она, — Дэвид на месте?

— Занимается распродажей в окрестностях Вустера, — последовал ответ. — Мог бы кого угодно послать, не понимаю, зачем он отправился сам.

— Не могли бы вы с ним связаться? И попросить, чтобы вечером он ко мне приехал? Как только освободится. Звонит, кстати, Эдит.

— Значит, вы не вышли замуж? — спросил Стенли без всякого удивления.

— Нет, — сказала она. — Передумала.

Она поднялась в спальню, которая снова стала ее спальней, хотя все еще пахла чужими духами, открыла окно, сняла прекрасный костюм и надела голубое хлопчатобумажное платье. С полчаса или около того она просидела на постели, размышляя о своем позоре. Затем пошла закрыть окно, потому что наступил вечер и стало прохладно, и успела заметить, как явно приободрившийся Джерри появился из дверей Пенелопиного дома. Отправился заказывать столик, решила она.

Спустя два часа она сидела в темноте, прислушиваясь, не подъехал ли Дэвид. В голове у нее было пусто, но ее переполняло желание, желание, как она теперь понимала, безнадежное. Ибо ее проступок едва ли пройдет незамеченным, он неминуемо вызовет цепную реакцию: озадаченность — настороженность — отступление. Ссору можно забыть; чувство неловкости никогда не забывается. Эдит с грустью предвидела, что ста-

нет вызывать чувство неловкости.

Однако Дэвид приехал, обнял ее и ничего не сказал. Когда он ее отпустил и отодвинулся, продолжая держать за руки, она посмотрела ему в лицо, прочитала на нем напряжение и усталость и поняла, что это из-за нее. И не только. Он выглядел несчастным и настороженным. Слишком сложной, слишком насыщенной была обстановка, чтобы негласное их соглашение успешно сработало. Ибо они были люди благоразумные; главное — не обидеть друг друга, в том числе словами. Словами особенно. Поэтому, собрав последние крохи сил, которые таяли на глазах, она обратила случившееся в шутку. Чисто случайное совпадение, объяснила она. Бедняжка Джеффри просто не ко времени подвернулся; ей же на самом деле нужно было отдохнуть и развеяться. Она, ясное дело, не годится в замужние дамы. Но шампанское вполне можно прикончить — не пропадать же добру. В конце концов, посмотрев по телевизору печальную мелодраму, он отошел, и они опять любили друг друга. Однако, проводив его, она с грустью заметила, что он не притронулся к разложенным на тарелке лакомствам, какие она сберегла для него от свадебного завтрака.

Несколько дней она просидела дома, ожидая

его звонка, но за нее уже все решили, и когда зазвонил телефон, то на проводе была Пенелопа. Она сообщила название и адрес этого превосходного отеля, расписание рейсов и что с собой взять. Всех, похоже, устраивало, чтобы она исчезла, и Пенелопа, дабы не позволить ей увильнуть, надзирала за нею денно и нощно. Ее отпустили на ленч с литературным агентом и позволили оставить тому адрес отеля, ибо теперь все скрепя сердце признали, что отныне ей предстоит жить своим умом или хотя бы своим пером. И в тот последний серенький осенний денек она покорно дала Пенелопе усадить себя в машину и отвезти в аэропорт. Миссис Демпстер пообещала прийти на другой день, устроить в доме последнюю генеральную уборку и вручить ключи Пенелопе. Она заявила, что не представляет, как после всего сможет работать у Эдит. Такой уж она уродилась. С тонкими чувствами. Эдит придется подыскать себе другую на ее место.

Но когда автомобиль отъезжал, Эдит увидела Терри: он был бледнее обычного и решительно шагал к ее дому с коробкой цветочной рассады под мышкой. Заметив ее, он поднял свободную руку и показал ей запасной ключ; она помахала в ответ и подумала, что по крайней мере ее сад

будет ухожен.

10

Столь долго предаваться воспоминаниям было делом и безрассудным, и рискованным. У Эдит раскалывалась голова. Наконец она улеглась в тот поздний час, когда отель замолкает, а на дороге вдоль берега озера уже не слышно проходящих машин. И сразу провалилась в сон, как под наркозом: полное беспамятство. Открыв глаза, она обнаружила ту же однотонную серость, какая встретила ее в день прибытия. Она забыла задернуть шторы, и в комнату проник свет утра. Напуганная, словно проспала бог весть сколько и за это время произошло нечто важное, она села и потянулась за часиками. Было восемь — вполне нормальный час для тех, у кого день не расписан; но для Эдит, привыкшей садиться за машинку в самую рань, иной раз до появления молочника и почтальона, это было бессовестно, непростительно поздно.

Она позвонила, чтобы принесли завтрак, быстренько приняла ванну и оделась, желая поскорей устранить следы смятения, в которое ее ввергли ночные воспоминания. Затем открыла окно и, выйдя на балкончик, содрогнулась от внезапного

холода. Еще не зима, но и на осень что-то мало похоже. В неподвижном воздухе стыли деревья, их темные костяки уже проступали за остатками крон; облетевшие листья свернулись на увядшей траве в сухие трубочки. Утренние шумы были какими-то робкими и случайными, будто в отеле почти никого не осталось. Внизу, перед главным входом, мужчина в фуфайке протирал автомобиль. Эдит узнала машину: она регулярно приходила за миссис Пьюси и Дженнифер, чтобы возить их по магазинам. Вышла горничная, о чем-то поговорила с водителем, Эдит не расслышала, о чем именно, зевнула, почесала щеку и, не зная, чем себя занять, стала глядеть на озеро. Все говорило о грядущем закрытии заведения, о зимней передышке. Больше никто не приедет. За серой пеленой Эдит едва различала контур горы.

Голодная, ибо грусть всегда вызывала у нее аппетит, Эдит вернулась в номер и с недоумением обнаружила, что завтрака так и не принесли. Она подошла к постели и сняла трубку, слегка удивляясь тому, что приходится напоминать, — раньше такого не бывало. Но в трубке слышались лишь долгие гудки вызова на другом конце провода, словно там некому было подойти к телефону, и она, прождав минуту-другую, положила трубку,

решив, что часть обслуги, должно быть, получила расчет и что она с равным успехом может сходить в город и позавтракать там в кафе. Ей в любом случае не терпелось уйти, потому что комната, свидетельница всех недавних ее прегрешений, по этой причине стала тюрьмой для нее, а ублажать вынужденными любезностями миссис и мисс Пьюси, Монику и даже мистера Невилла у нее не лежала душа. Когда она переодевалась в прогулочные ботинки, ее внимание вдруг привлекла непонятная суета в коридоре: шум голосов, звук открывшейся и закрывшейся, даже с треском захлопнутой двери и гомон набирающей размах перебранки, в котором лидировал по-юношески хрипловатый голос слуги. Заинтригованная, она вышла в коридор и поняла, что крики доносятся со стороны номера миссис и мисс Пьюси; а у номера увидела мсье Юбера с зятем — они тихо переговаривались, вероятно согласовывая план действий, затем вошли в комнату миссис Пьюси. Оба хранили мину настолько непроницаемую, что Эдит заключила: увеселения предыдущего вечера слишком сильно подействовали на миссис Пьюси, с ней случилось что-то плохое, или она заболела, и сейчас в отеле принимают страшные, однако единственно верные меры,

чтобы доставить ее в больницу. Она отступила в свой номер и попыталась взять себя в руки. У нее было чувство, словно самоанализ, которому она предавалась в ночные часы, навлек на отель беды и ужасы и теперь ее должны призвать к ответу за причиненный ущерб, каким бы тот ни был, и затребовать положенное возмещение. Подавив панику усилием воли, она снова открыла дверь и проследовала в маленькую гостиную миссис и мисс Пьюси. Как выяснилось, она пришла последней: там уже находились Моника, Ален, мсье Юбер и зять мсье Юбера. Проникнув в комнату, она увидела миссис Пьюси — та лежала в шезлонге, схватившись за сердце, однако полностью накрашенная и облаченная в розовое шелковое кимоно. Глаза у нее были закрыты. Не успела Эдит ужаснуться и придумать, чем она может помочь, как мсье Юбер приблизился к миссис Пьюси и взял ее за руку. Наклонился, что-то ей прошептал и похлопал по запястью. Слуга, Ален, покраснел до корней волос и был близок к слезам; он вытянулся по струнке, глядя прямо перед собой, словно стоял перед военным трибуналом.

— Миссис Пьюси, — нарушила молчание Эдит, — вы хорошо себя чувствуете? Что случилось?

Миссис Пьюси открыла глаза.

— Эдит, — произнесла она, — как мило, что вы пришли. — Вид у нее был отсутствующий и в то же время укоризненный. — Вы не могли бы пойти посидеть с Дженнифер?

От страха у Эдит засосало в желудке, тем более что она еще не завтракала. Она вошла к Дженнифер, ожидая увидеть ее поруганной или оскорбленной, больной или невменяемой. Она и увидела Дженнифер — но Дженнифер восседающую в постели, надув губы, покрасневшую и сердитую, в девичьей, однако вполне просвечивающей батистовой ночной рубашке на бретельках, которые так и норовили соскользнуть с ее полных плеч.

— Вы хорошо себя чувствуете? — повторила Эдит свой вопрос. — Что случилось? Дженнифер скользнула по ней взглядом.

— Я чувствую себя хорошо, — сказала она, воздержавшись от объяснений.

— Я могу чем-то помочь? — спросила Эдит, теряясь в догадках, потому что с Дженнифер все явно было в порядке.

— Я бы не отказалась от кофе. Этот успел остыть, — показала она на поднос с завтраком, заставив Эдит снова испытать голодный спазм.

— Всего лишь кофе? — спросила она. — Может быть, послать за врачом или еще чего?

— Господи Всемогущий, с какой стати! Вы только позаботьтесь о мамочке, ладно? Она немного расстроена.

Дженнифер казалась мрачной, непонятно почему, равнодушной. Дуется, подумала Эдит. Но откуда такая инертность? Если ее матери нехорошо, ей бы следовало находиться при ней. И какое, собственно, это имеет отношение ко мне?

Она отступила из спальни Дженнифер в гостиную, где мсье Юбер увещевал Алена, миссис Пьюси покоилась в кресле, снова закрыв глаза, а зять мсье Юбера пытался, впрочем безуспешно, восстановить спокойствие. Моника стояла, прислонившись к притолоке, воздев брови и скривив рот. Все воззрились на Эдит в ожидании новостей.

— Дженнифер не отказалась бы от горячего кофе, — сообщила она.

Зять мсье Юбера вышел в коридор и щелкнул пальцами, подзывая кого-то, кто был за дверью. Мсье Юбер, потеряв с его уходом контроль над собой, схватил Алена за руку и начал трясти, приговаривая:

— Imbecile. Imbecile[44].

Ален утратил самообладание и, в нарушение собственного кода чести, выпалил:

— Maisje n'ai rien fait! Je n'ai rien fait[45].

— Imbecile, — повторил мсье Юбер, переводя дыхание.

— Madame, — воззвал слуга к Эдит, — dites-leur. Jen'ai rien fait[46].

— Может, мне кто-нибудь объяснит… — начала Эдит, но осторожные эти слова окончательно сломили Алена, он вырвался, уже не в силах сдерживать слезы, и они хлынули у него из глаз. Его не успели остановить, он выскочил и понесся по коридору с криком «Маривонна! Маривонна!». В приоткрывшуюся дверь высунулась белокурая головка испуганной Маривонны. Ослепленный слезами Ален неловко ткнулся в горничную, та обняла его одной рукой, прижалась щекой к щеке, и оба сбежали вниз.

В гостиной миссис Пьюси наступило молчание, словно никто не знал, что же теперь делать. Ко-

---

44 Примечания: 44
Кретин. Кретин (фр).

45 Примечания: 45
Но я ничего не сделал! Ничего не сделал (фр.)

46 Примечания: 46
Мадам, скажите ему. Я ничего не сделал (фр.)

нец ему положило появление кофе, по каковому случаю Моника, мсье Юбер и его зять решили уйти, заверив миссис Пьюси, что явятся по первому требованию. Эдит было двинулась вслед за ними: ни о болезни, ни о поругании не шло и речи, а с прочим можно было разобраться и позже. Однако миссис Пьюси задержала ее у дверей слабым мановением руки.

— Не уходите, Эдит, — прошептала она. — Я никак не оправлюсь от шока.

Но когда она села и налила себе кофе, Эдит показалось, что к ней, быть может благодаря этому немудреному действу, вернулись и силы, и присутствие духа.

— Будьте добры, дорогая моя, отнесите и Дженни-фер кофе, — попросила она, словно обращаться с такой просьбой было самым естественным делом. — Я отправила ее назад в постель. Надо же, какое расстройство. Я надеялась, утром мы отдохнем. Потом, возможно, спустимся к ленчу. Или прикажем подать в номер. Сомнительно, чтобы мне захотелось есть.

Она испустила трепетный вздох.

— Миссис Пьюси, вы мне можете сказать, что случилось? — спросила Эдит, беря предназначенную для Дженнифер, но, увы, не для нее чашечку

душистого кофе. — Что там такое с Дженнифер? Мне она показалась вполне здоровой и нормальной. И зачем мсье Юбер тряс бедняжку Алена?

— Бедняжку Алена?! — возмутилась миссис Пьюси. — Мне это нравится. Тоже мне бедняжка!

— Но что он такого сделал? — не отступала Эдит.

— Ничего, — мрачно произнесла миссис Пьюси, промокнув платочком уголки рта. — Но кто знает, что бы он мог натворить.

— Прошу прощения, — сказала Эдит, — но я по-прежнему не понимаю, что случилось.

— Я плохо спала, — сказала миссис Пьюси. — Уснула перед самым рассветом. А потом меня разбудил шум. Хлопнула дверь. Кто-то у Дженнифер в комнате, подумала я. У меня в голове помутилось от страха. Если бы с ней что случилось…

— Но с ней ничего не случилось, — мягко заметила Эдит.

— Я поднялась, как могла, — продолжала миссис Пьюси, не обращая внимания. — Я вызвала слуг. И заставила себя пройти к ней, хотя меня била дрожь. Но с ней, слава Богу, все было в порядке. — И она снова приложила платочек к губам.

— На самом деле вы всего и слышали, как Ален

принес ей завтрак, — сказала Эдит. — Сейчас, знаете ли, отнюдь не рано. Вы проспали и внезапно проснулись. А теперь с вами все в полном порядке.

Миссис Пьюси налила себе еще одну чашечку кофе.

— Я, понятно, вернулась к себе и взяла себя в руки, но все дело в шоке, Эдит, в шоке. — Она и вправду выглядела взволнованной. — И конечно, когда Дженнифер видит меня в расстройстве чувств, она и сама расстраивается. Я велела ей оставаться в постели, — повторила она. — А мсье Юберу сказала, чтоб на обслуживание нашего этажа поставил одну из девушек. Не хочу, чтобы этот парень здесь отирался. Он мне никогда не нравился. У него глазки маленькие.

Эдит — она так и не присела — оставила миссис Пьюси на ее ложе и подошла к окну. У нее перед глазами возникла Дженнифер, сидящая в постели с голыми плечами и в сползающей ночной рубашке. Потом Ален, как он некрасиво, по-мальчишечьи, разревелся и припустил по коридору. И еще ей вспомнился — но действительно ли она это слышала? — звук открываемой и закрываемой двери. Любопытно, подумала она. Любопытно.

Она на секунду прижалась лбом к холодному оконному стеклу, предоставив миссис Пьюси допивать кофе. Она пыталась затоптать первые ростки осуждения в неловкости, которые, как она чувствовала, быстро расцветут пышным цветом, дай им только волю. Миссис Пьюси боится, напомнила она себе. Ибо миссис Пьюси любое отступление от status-quo должно внушать страх. Она стара, тщеславна и не может позволить себе бояться; поэтому для нее так важно приписать собственные чувства кому-то другому. Все они прекрасно переживут случившееся и к вечеру забудут. Но, думаю, отныне я буду проводить меньше времени в обществе миссис и мисс Пьюси. В конце концов, у меня с ними нет ничего общего.

Она обернулась и успела заметить, как миссис Пьюси изящно выуживает ложечкой со дна чашки нерастворившийся сахар.

— Вероятно, вам лучше отдохнуть, — произнесла Эдит куда решительнее, чем говорила до этого. — На вашем месте я бы сегодня посидела в номере. Уверена, вся эта история легко позабудется.

— Его, понятно, придется уволить, — продолжала миссис Пьюси. — Я поговорю с мсье Юбером.

Уверяю вас, это будет проще простого. Если вспомнить, сколько лет я сюда приезжаю! А что бы предпринял мой муж, об этом мне страшно подумать. — Она тяжело задышала и снова схватилась за сердце. — Да, идите, дорогая моя, раз уж вам надо. Я же знаю, вам хочется погулять. Вы у нас неутомимый ходок. Не откажите в любезности, направьте ко мне мсье Юбера, когда будете выходить.

Эдит осторожно прикрыла за собой дверь. Она никого не встретила ни в коридоре, ни на лестнице. В ваннах шумела вода, в комнатах выли пылесосы; в одной из спален громко переговаривались горничные. За конторкой портье на первом этаже мсье Юбер и его зять вели доверительную беседу, в кои веки раз прекрасно поладив друг с другом; их лица выражали умудренность, всеведение, сдержанность. Она им кивнула, решительно прошла мимо, и вращающаяся дверь выпустила ее на улицу. От холодного воздуха, да еще и сырого из-за ползущего с озера тумана ей сделалось зябко. Для такой погоды она была слишком легко одета, чувствовала себя неважно, но ощущала безотчетное нежелание возвращаться в отель за теплым свитером. Кофе, решила она. Потом долгая прогулка и, если

получится, ленч где-нибудь подальше отсюда. Можно не возвращаться до вечера. Не лучше ли какое-то время вообще не попадаться никому на глаза? Эта маленькая комедия что-то начинает действовать мне на нервы.

Засунув руки поглубже в карманы кардигана, Эдит зашагала по мертвой листве, чувствуя, как волны беспокойства из-за утреннего происшествия разбегаются в разные стороны, словно круги на воде, вбирая в себя и нынешнее ее состояние, и все предстоящие ей неприятности. Вокруг все было холодно и серо. Лица редких встречных хранили, по причине безрадостной погоды, замкнутое выражение, а благожелательность улыбок и приветствий отмеривалась весьма скупо, надо полагать, в надежде на лучшие времена, когда их смогут вернуть с такой же благожелательностью; однако едва заметные изменения дневного света и даже безликая печаль этого позднего времени года казались ей предпочтительней замкнутого мирка отеля с его запахами еды и духов, с его пристальным вниманием к тому, кто в чести, а кто в немилости, с его долгой памятью и колючими взглядами, с его договорными обязательствами мило себя вести и делать вид, что все идет должным порядком.

А все потому, что под одной крышей собралось столько женщин, подумала Эдит, которую саднило воспоминание о сцене в гостиной миссис Пьюси. Глупое мелкое недоразумение вроде этого, если оно и в самом деле было недоразумением, будет и дальше питать обиды, использоваться в различных целях и служить пищей для разговоров, пережевываться до бесконечности или до отъезда одной из нас. Господи, ну о чем другом здесь еще разговаривать?

Но происшедшее заставило миссис Пьюси утратить равновесие, а она к этому не привыкла. Она должна утопить свое волнение в разговорах. Должна его от себя отстранить, пока не представит всем свою минутную слабость как чужую вину и тем самым изгонит демона собственной смерти. Она не привыкла бояться. Она столько времени живет защищенной от мира, что неспособна понять — как это ее уязвили. В сущности, она неспособна понять, что кто-то вообще может быть уязвимым. Возможно, поэтому она такая жестокая. Ей было позволено достигнуть нынешней уродливой безмятежности лишь ценой полнейшего незнания жизни. Однако, когда в ее укреплениях возникают прорехи и требуется их залатать, она обнаруживает недюжинную прони-

цательность и сноровку. Бедняга Ален, подумала Эдит, рассеянно шагая и опустив голову. Но почему, собственно, бедняга? В эту самую минуту он, скорее всего, смеется вместе с Маривонной. Было, прошло, забыто. Нет, и здесь все не так просто, подумала она с легкой болью.

Когда возбуждение улеглось и снова проснулся голод, она завернула в «Хаффенеггер», где увидела Монику — та сидела за столиком, уплетала огромный кусок шоколадного торта, глухая к поскуливаниям Кики, и занималась этим столь самозабвенно, что едва выкроила секунду ткнуть вилкой в сторону Эдит. Эдит заняла столик у двери, выпила две чашки кофе и съела бриошь. Затем, не по доброй воле, а от одиночества, пересела к Монике, которая уже истово дымила сигаретой. Они кивнули друг другу, обменявшись долгим взглядом.

— Ну как, — с наигранной бодростью осведомилась Эдит, — какие планы на сегодня?

— Умоляю, — ответила та. — Я с утра не в себе, и нет у меня никаких планов. Я вообще живу не по плану.

Пора бы вроде понять. Вы ведь, если не ошибаюсь, писательница. Значит, вам положено хорошо разбираться в людях, или нет? Я потому

спрашиваю, что вы иной раз кажетесь мне какой-то толстокожей.

Она ткнула сигарету в пепельницу и оставила дотлевать.

— Простите, — сказала Эдит, отодвигая пепельницу. — Я тоже не в лучшем настроении. И я не утверждала, что разбираюсь в людях. Да и как мне в них разбираться? То, что я вижу, — одно, то, что думаю, — совсем другое, и мне сдается, я уже перестала сама себе верить. Видит Бог, я обманута жизнью не меньше вашего. А может, и больше, — добавила она с горечью.

В воздухе висел табачный дым. Обе невесело задумались. Окна запотели, как в прошлый раз, на вешалке болтались тяжелые осенние куртки и плащи. Приглушенный шум разговоров, постукивание ложечек о стаканы и чашки, призванное привлечь внимание официантки, наталкивали на мысль о том, что почти для всех сидящих в зале этот городок — родной, что для них заглянуть в «Хаффенеггер» — всего лишь будничный ритуал, привычное дело, а потом они вернутся к себе, но не в отели, а к домашним пенатам, где их ждут любимые книги, телевизоры, кухни, где они смогут спокойно посидеть, почитать или постряпать, где откроют заднюю дверь и выбро-

сят птицам крошки и куда их в конце недели приедут навестить дети и внуки. У Эдит сдавило горло при мысли о ее маленьком доме, закрытом, сиротливом и всеми заброшенном. Нужно вернуться, подумала она. Потом поправилась: нет, еще не пора, не с этой тоской. Сперва наберусь сил. Как-нибудь да справлюсь.

— Моника, — неожиданно спросила она, — вы любите мать?

— Конечно, — удивленно ответила та. — Хотя она у меня вконец сбрендила — можно принимать только малыми дозами. Но конечно, я ее обожаю. К чему вы это спросили?

— У меня порой возникает чувство, что я бессердечная дочь. Мать умерла, но я так редко о ней вспоминаю. А когда вспоминаю, то с состраданием, какого при ее жизни никогда не испытывала. С болью. Как она, наверное, думала обо мне. Но мне ее не хватает только в одном смысле: я жалею, что она не дожила до того, чтобы увидеть, как я на нее похожа. В том единственном, что она ценила, — на первом месте у нас мужчины, женщины на втором.

— А как же иначе? — Моника воздела брови чуть ли не до самых волос.

— Мне приходит на ум, и идиотская утренняя

история, вероятно, помогла мне это понять, что многих женщин сближает ненависть к мужчинам и страх перед ними. Знаю, этим открытием никого не удивишь. Я другое хочу сказать. Мне становится жутко, когда такие женщины пробуют меня завербовать, перетянуть на свою сторону. Речь не о феминистках. Их-то я понимаю, хотя отнюдь не симпатизирую. Я веду речь о сверхженщинах. О самодовольных потребительницах мужчин. У этих свои сложные, хоть и неписаные законы. Они твердо знают, что им положено по праву.

Удовольствия. Потачки. Привилегии. Глупые истерики по пустякам. Самообожествление. Такие женщины поражают меня своей бесчестностью, внушают ужас. По мужчинам, вероятно, бить легче, чем по ним. Мне так кажется. Может, феминисткам имеет смысл взглянуть на вопрос свежим взглядом.

Эдит замолчала. Она попыталась высказать глубоко прочувствованное, но вышло невразумительно. Тут с меня надо спрашивать, подумалось ей. А все потому, что из-за вечного моего смирения никто не обращает внимания на мои требования. А может, и того проще — у меня не получается их предъявить. И хватит о женской

чести. Дэвид назвал бы эту честь лопнувшим пузырем. Никто и не замечает, когда ее нет.

— Боюсь, мне это не по зубам, — положила конец ее размышлениям Моника. — Мне бы казалось, вам-то уж нечего волноваться. Наш мистер Невилл не на шутку вами интересуется.

— Чепуха, — отмахнулась Эдит. — Если он один раз пригласил меня на прогулку…

— Да, но других-то не приглашал, верно? Нет, честно, если вы правильно разыграете свою карту, вы его заполучите. А денег у него, как я понимаю, куры не клюют. Торговля, что же еще.

Последнее заявление сопровождалось затяжкой, исполненной безграничного презрения. Непонятно, как Моника выяснила, что у мистера Невилла денег куры не клюют; Эдит о его деньгах и не подозревала.

— Моника, — устало сказала Эдит, — я совсем не это имела в виду. Деньги — то, что вы зарабатываете сами, когда становитесь взрослыми. Я не гоняюсь ни за мистером Невилл ом, ни за его деньгами. Мне отвратительны женщины, добывающие богатства таким путем.

— Не вижу в этом ничего плохого, — возразила Моника, впрочем, без особого пыла и, помолчав, добавила: — Мужчины тоже так поступают.

Настроение у них упало, они понурились, смутно чувствуя, что продолжение разговора не принесет желанного взаимопонимания, и мрачно задумались каждая о своей ссылке. Затем Моника подозвала официантку и заказала еще по порции торта. Почему бы и нет? — подумала Эдит. По крайней мере, не нужно будет возвращаться в отель. Да у меня и голод пропал.

Они ели молча, испытывая чувство незащищенности и вины, ощущая себя некрасивыми — как все женщины, которые едят в одиночестве и без всякого удовольствия. Нёбо Эдит обожгло приторным вкусом, она сразу насытилась и пододвинула тарелку к Монике, которая скормила остатки торта Кики.

— Странно, что песик не разжирел, как каплун, — заметила Эдит. — Вы столько в него впихиваете.

— Да он почти все выблевывает, — рассеянно ответила Моника с интонацией человека, который вот-вот нащупает связь между следствием и причиной.

Из-под своих густых лохм Кики взирал на хозяйку с бесконечным доверием. Кто я такая, чтобы встревать между ними, подумала Эдит.

— Во всяком случае, он красив, — сказала Мони-

ка, зажигая одну из своих неимоверно длинных сигарет. — Невилл то есть. Вы тоже неплохо смотритесь,

Эдит, когда за собой следите. Вы уж меня простите, но одеваетесь вы ужасно. Или не прощайте — это ваше дело. Нет, мистера Невилла можно рассматривать как ценный улов.

— Я не заметила, — честно призналась Эдит. Моника пристально на нее посмотрела:

— Детка, когда Невилл появился в отеле, у него на лбу было написано, чего он стоит.

— Моника, уж не хотите ли вы сказать, что влюбились в мистера Невилла? — спросила пораженная Эдит.

— О любви, по-моему, речи не было, — возразила Моника, помолчав.

— Тогда что…

— А, не важно… Нет, Эдит, я заплачу. Нет уж, позвольте мне. Все равно рассчитаюсь я.

Эдит потерла запотевшее стекло, увидела клубы серого тумана и почувствовала, что он начинает ее затягивать. В таких обстоятельствах и проявляется характер, подумала она. Но этот ее характер, которому она никогда не придавала большого значения, совсем недавно, может быть после размышлений минувшей ночи, начал хи-

реть на глазах, и единственным лекарством от недуга, как она знала, была работа. Раз помогало раньше, попеняла она себе, поможет и сейчас. К тому же я запаздываю с книгой. «Под гостящей луной» обещана Гарольду к Рождеству, а я вот уже три дня ни строчки не написала. Неудивительно, что я в подавленном настроении. Необходимо засесть за работу.

— Я, пожалуй, вернусь в отель, — сказала она Монике. — Нужно написать несколько писем. А вы чем займетесь?

— В такой день единственное занятие — сходить в парикмахерскую, привести себя в порядок. По полной программе. Проводите меня. Вы ведь не спешите?

Нет, она не спешила. И когда Моника взяла ее под руку, прикосновение тронуло ее и согрело. Они молча и медленно пошли вслед за песиком, который суматошно трусил по опавшей листве, под сырыми деревьями, преисполненные друг к дружке требовательного, но искреннего расположения — его как раз хватало на то, чтобы поддержать их перед лицом более горестных воспоминаний, непрошеных и несмягченных.

Женщины делятся грустью, подумала Эдит. А радостью предпочитают похваляться. Торжество,

победа над неблагоприятными обстоятельствами требуют благодарных зрителей. И атмосфера нервозной суеты, подчас усугубляемая болтовней на сексуальные темы, — все это лишь для того, чтобы покрасоваться перед приятельницами. Никаким единением тут и не пахнет.

В мертвый час, между двумя и тремя, когда благоразумные люди устраиваются отдохнуть задрав ноги или вздремнуть, Эдит и Моника шли берегом озера под уснувшими деревьями. День, казалось, тянется бесконечно, но ни та ни другая не желали наступления вечера. Каждая на свой лад считала, что этот долгий день один только и защищает их от дней худших, ибо опасности, которыми для обеих было чревато будущее, до сих пор служили им лишь поводом поиронизировать, посмеяться, а то и позабавиться. Но те, кто вдохновил эту иронию или эту забаву, сейчас начинали обретать независимое и внушающее беспокойство существование, обнаруживать способность к своеволию и своенравию, каковые таили некую глубоко скрытую неясную угрозу самому их запредельному бытию. Мы обе приехали сюда для того, чтобы вызволить других из неприятного положения, подумала Эдит; никто не принимал в расчет наших надежд и желаний.

Однако о надеждах и желаниях следует заявлять, и заявлять в полный голос, если мы хотим поставить других перед необходимостью их замечать, не говоря уж об обязанности их воплощать в жизнь. И все же как странно, что некоторых женщин все время приходится ублажать и улещивать… Похоже, мне никогда не усвоить заповеди правильного поведения, подумала она, те заповеди, что девочки, как принято считать, впитывают с материнским молоком. Всему, чему я научилась, я научилась от отца. Подумай еще раз, Эдит. Ты неверно решила уравнение. В таких обстоятельствах и проявляется характер. Печальные наставления утраченной веры.

Они со вздохом повернулись и пошли тем же путем назад, в сторону городка и парикмахерской. На улицах было уныло и пусто, в эту дурную погоду большинство жителей благоразумно отсиживались в четырех стенах. Обогнув угол, они миновали книжную лавку. Эдит украдкой отстала, чтобы бросить взгляд на витрину, где скромно красовалось «Le Soleil de Minuit»[47] в бумажной обложке. Моя лучшая книга, подумала она. Но при мысли, что мне до конца дней предстоит снова и

47 Примечания: 47
«Солнце полуночи» (фр.).

снова переписывать один и тот же сюжет, у меня стынет кровь.

— Эдит, — прошипела Моника, — не спешите. Эдит в удивлении подняла голову и увидела, как в конце квартала миссис Пьюси и Дженнифер под ручку покидают магазин перчаток. Через минуту следом вышел приказчик с тремя фирменными пакетами, роскошью рисунка и красотой не уступавшими своему содержимому. Приказчику показали па автомобиль, который, как Эдит и Моника заметили только теперь, плавно катил с другого конца улицы им навстречу. Он остановился, водитель вылез, пересек улицу, переговорил с миссис Пьюси, забрал пакеты и вернулся в машину. Миссис Пьюси, которой, судя по всему, покупки вернули и здоровье, и душевное равновесие, улыбалась и бодро кивала, хотя с такого расстояния Моника и Эдит не могли слышать, о чем она говорит. Повинуясь слепому инстинкту, они отступили в подъезд книжной лавки, надеясь, что их не успели заметить. Но вскоре поняли, что внимание миссис и мисс Пьюси было целиком поглощено одним из тех напряженных и увлекательных разговоров, до каких посторонние решительно не допускались. К этому открытию они пришли одновременно

и обменялись взглядом, в котором облегчение и покорность судьбе были смешаны в равной пропорции.

— Значит, так, — сказала Моника. — Либо придется нам их нагнать, либо пройти мимо, либо тащиться за ними, чтобы потом свернуть.

— Вы собирались в парикмахерскую, — напомнила Эдит.

— Но это же и вам по пути? Если вы идете в отель, парикмахерской не миновать.

— В отель меня как-то не тянет, — сказала Эдит. Отель или то, что он собой представлял, отпугивал ее.

— В таком случае, — решила Моника, — давайте вернемся и пропустим еще по чашечке кофе.

И они пошли назад по серой булыжной улочке. К этому времени их дружеское взаиморасположение сменилось чем-то вроде отчужденности; каждая про себя жалела о впустую потраченном дне. Нужно было остаться в номере, думала Эдит; нужно было поработать над книгой. Когда я пишу, то хотя бы зарабатываю на жизнь. Эти бесконечные хождения бессмысленны. И бестолковы. Впрочем, это ведь всего один день, у меня нет никаких серьезных обязательств, я никого не подвожу. Нет, в самом деле, на свой

лад это даже приятно, подумала она, с тяжелым сердцем вступая под своды «Хаффенеггера», где витали ароматы кофе с сахаром и воздух гудел от разговоров лощеных бесстрастных благонравных матрон, составлявших постоянную клиентуру кафе в этот час дня.

— От всего этого так и рвешься домой, правда? — спросила Моника, которую вконец подкосило, что вниманием официанток теперь полностью завладели эти строгие, пышущие здоровьем дамы, которые явно заняли ее место. Ее лицо выражало обиду по этому поводу, пока она усаживалась и устраивала Кики на свободный стул, чтобы никому не взбрело в голову к ним подсесть.

Они сидели — чужестранный островок в море местной жизни; с окончанием летнего сезона они стали неуместным анахронизмом, пережившим эпоху радушных приемов, решительно никому не нужным. Пальма первенства отошла к другим. Городок готовился залечь в долгую спячку. Зимой сюда не приезжали: здесь было слишком уныло, слишком далеко до снегов, слишком мало красот, чтобы привлечь отдыхающих. У Эдит и Моники было чувство, будто местные жители со вздохом облегчения от них отвернулись, тем самым

напомнив: они залетные птицы, в сущности, их здесь и нет. Когда Монике наконец удалось заказать кофе, они просидели в мрачном молчании еще десять минут, прежде чем забегавшаяся официантка вспомнила о заказе.

— Домой, — в конце концов молвила Эдит, — Да.

Но ей казалось, что ее домик отступил куда-то в другую жизнь, в другое измерение. Ей казалось, что она может туда никогда не вернуться. С того времени, как она в последний раз его видела, одно время года уступило место другому; она уже не та, что ранним утром садилась в постели, подставляла спину теплому солнцу и радовалась свету дня, мечтая поскорей приступить к работе. И это солнце, и этот свет поблекли, а с ними поблекла она сама. Она стала такой же серой, как здешняя осень. Она склонилась над чашечкой, внушая себе, что от пара над кофе, а не от чего-то другого у нее защипало глаза. С этим нужно кончать, подумала она.

— Господи, — простонала Моника. — Ну, я вам доложу. Этого нам только и не хватало.

Эдит взглянула и, проследив за ее взглядом, увидела у дверей миссис Пьюси под руку с мистером Невил-лом. Миссис Пьюси смеялась, а

Дженнифер тем временем вела переговоры об их любимом столике. Пожилой господин, занимавший его, как раз собирался закурить сигарету, но передумал, забрал с соседнего стула портфель и хозяйственную сумку и пошел расплатиться к кассе, одновременно пытаясь нахлобучить шляпу и натянуть пальто. Уходя, он приподнял шляпу и поклонился Дженнифер, которая наградила его лучезарной улыбкой. В этот миг, отметила Эдит, у нее было точно такое же выражение, как у миссис Пьюси.

Моника и Эдит сжались и затаились, ожидая неизбежного вызова. Минуты шли, однако с вызовом медлили. И они стали наблюдать за дамами Пьюси и мистером Невиллом. Не смолкал переливчатый смех, по крайней мере исходивший от миссис Пьюси; Дженнифер о чем-то рассказывала, а мистер Невилл, заинтересованно подавшись вперед, был само внимание. От Эдит не ускользнуло, что он помалкивал. О беседе заботилась миссис Пьюси.

— Полагаю, — сказала Моника, — сейчас самое время удрать.

Вид у нее был задумчивый. Эдит вздохнула и попросила принести счет. Они подождали в молчании, осторожно поднялись и пошли к выходу.

— Не может быть, — удивилась миссис Пьюси, когда они бочком пробирались мимо ее столика. — Наши девочки! — Они остановились с неловкими улыбками, Дженнифер и мистер Невилл улыбнулись в ответ.

— Где же вы обе весь день пропадаете? — спросила миссис Пьюси.

— Отдыхаем, — не совсем уверенно ответила Эдит. — Вам стало лучше, миссис Пьюси?

Она заметила, что внешность миссис Пьюси, столь безупречная на расстоянии, при близком рассмотрении обнаруживала перемены не в лучшую сторону. Скулы казались розовее, веки синее, а губы дрожали чуть сильнее обычного. Однако воля была на месте, неукротимая воля, отказ сложить оружие, уступить, отступить, отстать, выйти из игры. Замечательная миссис Пьюси, подумала Эдит. Укрывшаяся за своим блистательным reclame[48]. Она всех нас переживет. И тем не менее повторила:

— Вам лучше?

— Да, дорогая моя, спасибо. Благодаря двум этим милым людям я почти полностью оправилась. Но стоит мне только подумать…

---

48 Примечания: 48
Здесь: фасад (фр.).

— Мне пора, — заявила Моника. — Назначено у парикмахера. Идете, Эдит?

Эдит разыграла пантомиму — спешка, сожаление, прощание — перед обращенными к ним лицами миссис Пьюси, Дженнифер и мистера Невилла и вышла следом за Моникой.

Она почти не помнила, как вернулась в отель, хотя ее снова охватила дрожь из-за подкравшегося с озера тумана. У себя в номере она пустила в ванну горячую воду и не закрывала до тех пор, пока в ванной стало не продохнуть от пара. С яростью расчесала волосы и оставила свисать на спину. Изучила в зеркале раскрасневшееся лицо, подошла к гардеробу и сняла с вешалки новое платье из синего шелка, которое ее заставила купить Моника и которого она еще ни разу не надевала. Потом удалилась в ванную с флакончиком духов и вылила в воду все до последней капли. Сумасбродство, жара, злость совершенно ее преобразили. Совсем новое существо уселось за письменный столик и открыло ручку.

«Дэвид, милый», — написала она.

Но предусмотрительность подсказала ей не приступать к письму до обеда, поскольку, начав писать, она сама не знала, когда кончит.

Она расхаживала по номеру, не желая рас-

ставаться с молчанием в обмен на шутливую вечернюю болтовню. Но в конце концов вздохнула, взяла сумочку и перчатки и сошла вниз.

Миссис Пьюси (черный шифон) сидела в гостиной, как всегда в компании Дженнифер, которая выглядела свежей и отдохнувшей. Пианист, разложив ноты, вопросительно посмотрел на миссис Пьюси, но та умоляюще воздела руку и покачала головой, как бы давая понять, что в этот вечер не сможет почтить его своим вниманием. Тот, обескураженный, приступил к обычным своим попурри, но играл без подъема. Мадам де Боннёй вошла, переваливаясь, постояла и подошла к миссис Пьюси.

— Alors, — осведомилась она хриплым и, как у всех глухих, громким голосом, — ca va mieux, la sante?[49]

Миссис Пьюси изобразила усталую улыбку и махнула безукоризненно белым платочком, однако ничего не сказала. Расстроившись, но всего на секунду, потому что привыкла к пренебрежению, мадам де Боннёй пожала плечами и отвернулась.

---

49 Примечания: 49
Ну что… как со здоровьем, лучше? (фр.)

— Toujours pomponnee[50], — пробормотала она, как ей казалось, себе под нос, однако на самом деле оповестив всех собравшихся. Мистер Невилл сидел в дальнем углу, скрестив свои изящные лодыжки и загородившись газетой. Эдит гордо подняла голову и двинулась в его направлении.

— Господи, Эдит! — воскликнула миссис Пьюси с несвойственным ей оживлением. — Что вы сделали со своей прической? Присоединяйтесь-ка к нам, дорогая моя. Дайте я вас как следует разгляжу.

Эдит послушно заняла свое привычное место. Миссис Пьюси задумалась, прижав к подбородку палец.

— Что ж, необычно, конечно, — изрекла она наконец, — но, боюсь, по-старому мне нравилось больше. А как тебе, милая?

Дженнифер отвлеклась от своих ногтей и неопределенно улыбнулась.

— Очень мило, — сказала она. — Совсем неплохо.

— О, но мне, боюсь, по-старому нравилось больше, — повторила миссис Пьюси и, склонив голову набок, продолжала размышлять над этим, пока

---

50 Примечания: 50
Напыщенна, как всегда (фр.).

не позвали к столу.

11

Эдит немного зябла на холодном воздухе. Осторожно ступая, она оперлась на поданную ей мистером Невиллом руку. На пристани не было ни души; малообещающие перспективы не могли соблазнить на дневную прогулку по озеру даже тех немногочисленных отдыхающих, кто еще не уехал. Между тем то была последняя прогулка сезона, что мистер Невилл и привел в качестве самого веского довода. Он, видимо, коллекционировал подобные неординарные случаи, которые ценил исключительно за новизну и заложенную в них иронию. Он снова был слишком хорошо одет для такой экскурсии. Две американские туристки в брюках и полиэтиленовых макинтошах пялились из-за окон смахивающей на веранду каюты на его костюм из зеленоватого твида и войлочную охотничью шляпу. На палубе никого не было. Эдит казалось, что нет никого и на всем пароходике — тот в полном безмолвии отвалил от берега и заскользил в серый туман, который обволакивал озеро, насколько хватало взгляда.

Мистер Невилл изящно стоял, положив руки на поручень. Эдит дрожала в такт с ровным биением

двигателей; повернувшись спиной к этому унылому виду, она заставляла себя смотреть только на палубу и на то, что было на ней, однако чувство оторванности, причем не только от суши, но от любого знакомого ориентира, выбивало ее из колеи. По чистой слабости она отрезала себе все пути к отступлению, понимала это и испытывала тревожное чувство. Нужно было остаться и весь день работать, подумала она, но даже мысль об этом вызывала у нее дурноту. Безусловно, в таких вот городках занять себя почти нечем, и начинаешь бояться собственной скуки. Неправда, что дьявол найдет работу для праздных рук; как раз этого он и не делает. Дьяволу положено держать наготове набор заманчивых развлечений, соблазнов, толкающих на предосудительные поступки. А вместо этого он всего и предлагает что немудреный выбор между работой до изнеможения и тупым бездельем. Это и выбором-то не назовешь. Дьявол и тот отлынивает от своих обязанностей.

— Что такое? — спросил мистер Невилл, беря ее за руку.

— Так, ничего, — ответила Эдит. — Просто задумалась над тем, как трудно встретиться с пороком в наши дни. Человеку внушают, будто у него большой выбор, а на самом деле, похоже,

никакого выбора не существует.

— Погуляем по палубе, — предложил мистер Невилл. — Вы вся дрожите. Ваш кардиган почти не греет. Тот, кто сказал, что вы похожи на Вирджинию Вулф, оказал вам дурную услугу, хотя, вероятно, вы посчитали это комплиментом. Что до пороков, то их полным-полно, нужно только знать, где искать.

— Мне, видимо, их не найти, — заметила Эдит.

— Это потому, что вы не вложили в поиски всю душу. Но, если не забыли, мы собираемся все это изменить.

— Честное слово, не представляю как. Если все сводится к тому, чтобы я пожертвовала кардиганом, то сразу скажу: дома у меня еще один. Я, конечно, им тоже могу пожертвовать. Но на полное изменение у меня, пожалуй, духу не хватит. Я просто-напросто лишена очарования. Не знаю почему.

— Не знаете, — согласился он. — Это видно.

Он продел поплотнее ее руку под сгиб своего локтя и повел дальше.

— Еще один круг, — приказал он. — Смотрите, вы уже не так бледны. Свежий воздух идет вам на пользу. Женщинам с белой кожей следует как можно чаще бывать на воздухе. Им нельзя

позволить себе сидеть в четырех стенах — у них совсем стираются лица. Соберитесь с духом, Эдит. Как только согреетесь, напряжение схлынет и вы сразу почувствуете себя веселее. Так-то лучше. И не надо сурово хмуриться — это все-таки увеселительная прогулка.

Эдит смотрела на бескрайнюю серую гладь. Пароходик не спешил. Теперь, когда она привыкла к легкому перестуку двигателей, ей стали слышны другие звуки: тихие всплески волн внизу за бортом, шелест крыльев похожей на чайку птицы, пролетевшей совсем низко, шорох тонкой юбки, которая билась о ноги. Не от ветра — ветра не было, было одно лишь равномерное стремление вперед, хотя пароходик, казалось, стоит на месте. Где-то за туманной завесой скрывалось бледное солнце, его лучи серебрили поверхность вод далеко-далеко по курсу. Им предстояло причалить в Уши, где их ждал ленч, и вернуться ближе к вечеру. Но эта прогулка представлялась Эдит слишком серьезным делом, чтобы думать о ней только как о развлекательной. Пустынное озеро, мерцающий свет, замедленное, словно во сне, продвижение вперед — все это приобретало в ее глазах некий иносказательный смысл. В живописи, знала она, корабли часто выступа-

ют символом души, порой души, отлетающей к неведомым берегам. Символом смерти. А если и не смерти, то все равно чего-то отнюдь не радостного. Корабли дураков, шхуны работорговцев, кораблекрушения, штормы; подобные образы даже в ученическом исполнении взывают к ужасу, который таится в глубинах самых отважных сердец, бередят душу и лишают покоя, ибо таково их предназначение. Эдит снова почувствовала себя в опасности, несчастной и бездомной. Она уже жалела, что уступила мистеру Невиллу, но после бестолкового дня, проведенного с Моникой, его предложение показалось ей заманчивым. Больше того, под безупречно пошитыми костюмами мистер Невилл скрывал немалую силу воли, и Эдит при всем желании не удалось отговорить его от принятого решения. Эта пошлая и нелепая экскурсия, в которой не было решительно ничего интересного, казалась ей чудовищной глупостью. Она-то надеялась, что они предпримут еще одну пешую прогулку — их неспешный ритуал был ей по душе, даже когда мистер Невилл лез к ней со своими дикими советами, за которые она начинала его ценить. Но нет, он завлек ее на этот жуткий пароходик, на это судно без людей и без кормчего — и невозможно было бежать; бесцельная эта

экскурсия приобретала мифический оттенок, по мере того как сгущался туман, а живые люди на берегу продолжали заниматься своими живыми делами, ведать не ведая про этот призрачный корабль, который для Эдит как бы уже уплыл за пределы реального мира. Вот почему она крепко вцепилась в руку мистера Невилла. Хотя в нем самом было нечто непонятно мифическое, он тем не менее ухитрялся воплощать весьма ощутимую реальность.

Но постепенно и, возможно, благодаря предупредительному молчанию со стороны мистера Невилла состояние ее духа пришло в согласие с атмосферой окружавшего их печального спокойствия, и, когда из тумана проступила пристань в Уши, она смогла облегченно вздохнуть и выпустить из пальцев безупречно зеленоватый рукав мистера Невилла.

— Ну, вот, — заметил он, когда они оказались в прибрежном ресторанчике под открытым небом с расставленными по периметру горшками с геранями. — Не так уж было и плохо, а?

— Я и вправду рада, что вокруг полно официантов, бутылок и миллионеров, — призналась Эдит. — Мне, по крайней мере, все они кажутся миллионерами.

— Именно ими они, конечно, и хотели бы выглядеть в ваших глазах. И если деньги говорят, а считается, что говорят, то тут от них вполне достаточно шума.

Он усадил ее за столик под полосатым тентом, взял меню, которое расторопный официант не замедлил положить перед ним, и сказал:

— Я бы на вашем месте заказал утку. Эдит пропустила его слова мимо ушей.

— По-моему, на пароходике я совсем растерялась. У меня было чувство, будто нам не позволят вернуться.

— А есть ли к чему возвращаться? — вопросил мистер Невилл. — Увы, нет. Простите меня. Я, вероятно, позволил себе дерзость. Вы, Эдит, быть может, и не обладаете гипнотическим даром, однако, безусловно, умеете поставить человека в неловкое положение.

Эдит скромно улыбнулась.

— Считать ваши слова комплиментом? — спросила она.

Мистер Невилл холодно взглянул на нее:

— От вас я такого не ожидал, вы меня огорчаете. Но поставим на этом точку. Вам не к лицу работать под инженю. «Считать ваши слова комплиментом?» — надо же. Надеюсь, вы не станете

одной из тех, кто наклоняется через столик и спрашивает, подперев подбородок рукой: «О чем вы сейчас думаете?»

— Хорошо, хорошо, — сказала Эдит, которой вдруг стало весело. — Я сюда приехала не экзамен держать, а приятно провести время.

— Еще узнаете, что одно не исключает другого, — заметил мистер Невилл, изобразив свою загадочную улыбку.

Однако он заказал вкусный ленч и с удовольствием увидел, как она оживилась и покраснела, когда принесли утку. Покончив со своей порцией несколькими точно рассчитанными движениями ножа и вилки, он откинулся на спинку стула и закурил сигару. Выглянуло слабое солнце. Эдит подставила ему лицо и блаженно расслабилась.

— Говоря о возвращении, что именно вы имели в виду? — спросил мистер Невилл. — Не в отель, понятно, туда нам так и так возвращаться. Я подразумеваю — к вашей обычной жизни. А спрашиваю я потому, — добавил он, — что и сам уезжаю в конце недели.

Эдит перестала улыбаться. О возвращении домой, вернее назад, ей рано или поздно придется подумать, но сейчас не хотелось размышлять о столь решительном шаге. Несообразный пе-

рерыв в привычном течении ее дней создавал неудобства, но зато избавлял от необходимости заглядывать в будущее. И эта минута безмятежности на каменных плитах под тентом в этом милом ресторанчике, и собеседник, человек удивительных качеств и проницательности, еще больше располагали к тому, чтобы успешно гнать от себя серьезные мысли.

Откинувшись на спинку стула, мистер Невилл следил за выражением ее лица.

— Посмотрим, — тихо сказал он. — Посмотрим, смогу ли я представить себе вашу жизнь. Живете вы в Лондоне. Достаточно обеспечены. Посещаете коктейли, ужины и издательские приемы, хотя вам от них мало счастья. Вас всегда рады видеть, однако настоящих надежных друзей у вас нет. Домой вы возвращаетесь одна. Домом своим вы очень дорожите. У вас были любовники, но у любой из ваших знакомых их было вдвое, если не втрое, больше; приятельницы считают, что в вашей жизни вообще нет мужчин, и довольно-таки нарочито опекают. Вы это видите. И все же, Эдит, у вас есть своя тайная жизнь. На вид вы — сама добродетель, но вы не такая, какой кажетесь.

Эдит окаменела.

Мистер Невилл аккуратно стряхнул пепел в

пепельницу.

— Вы, естественно, скажете, что все это не мое дело. Я отвечу вам: действительно, меня это не касается. Так же, как мои личные утехи не должны касаться вас. И это правило будет неукоснительно соблюдаться, к каким бы соглашениям мы с вами ни пришли.

— К соглашениям? — повторила Эдит.

Мистер Невилл выпрямился и положил руки на столик. Он словно вдруг помолодел и расстался со своей обычной невозмутимостью. Его было нетрудно принять за состоятельного мужчину пятидесяти с лишним лет, разборчивого во вкусах, осторожного, неторопливого, привлекательного, хотя и несколько бледного, такого, кто весьма заботится о своем образе жизни и в ком склонности способны перерасти в какие-нибудь безвредные увлечения вроде собирания гравюр, исполненных сухой иглой, или составления своего родословного древа. У такого мужчины обязательно должна быть хорошая библиотека, однако другие комнаты его дома почему-то трудно себе представить.

— Я думаю, Эдит, вам нужно выйти за меня замуж, — сказал он.

Она уставилась на него, не веря своим ушам.

— Позвольте объяснить, — поспешил он добавить, полностью восстановив самообладание. — Я не юный романтик. На самом деле я чудовищно разборчив. У меня небольшое поместье и очень красивый особняк в готическом стиле периода Регентства[51], просто великолепный образчик архитектуры. К тому же я собрал довольно известную коллекцию блюд famille rose[52]. Уверен, вы любите красивые вещи.

— Ошибаетесь, — холодно возразила она. — Я вообще не люблю *вещи* .

— У меня много дел за границей, — продолжал он, не обращая внимания на ее слова. — Мне нравится принимать гостей. Я часто бываю в разъездах, но не люблю возвращаться туда, где меня встречает всего лишь супружеская пара, сторожившая дом, пока меня не было. Вы идеально впишетесь в это окружение.

Воцарилось гнетущее молчание. Эдит не сводила глаз со счета — бумажный листок трепыхался, придавленный пепельницей. Наконец она произнесла дрогнувшим голосом:

---

51 Примечания: 51

1810 — 1820 гг., когда принц Георг, будущий король Георг IV, был регентом при потерявшем рассудок отце, короле Георге III.

52 Примечания: 52

Розового фарфора (фр.).

— В вашем изложении это похоже на должностные инструкции. А я ведь не просила принять меня на работу.

— Но, Эдит, что вам еще остается? Вы тоже хотите вернуться в пустой дом?

Она молча покачала головой.

— Понимаете, — продолжал он, — я не могу допустить повторения скандала, жена своим бегством выставила меня на посмешище. Я думал, что сумею выдержать это с достоинством, но достоинство не помогает. Скорее, напротив. Все, похоже, только и ждут, чтобы ты сломался. Однако все это в прошлом. Мне нужна жена, и такая, на которую я смогу положиться. Мне нелегко это говорить.

— А мне нелегко слушать.

— Я делаю так, чтобы вам было легче. Я наблюдал, как вы пытаетесь поддерживать разговор с этими женщинами. Вы одинокая душа. Без себялюбия, к которому я вас так настойчиво призываю, вы никогда не усвоите правил игры, а если усвоите, то слишком поздно, и это вас ожесточит. Когда вы думаете, что одиноки, у вас печаль палице. Так или иначе, вас ждет жизнь изгнанницы.

— Но почему вы решили, что у меня все так

безнадежно?

— Вы настоящая дама, Эдит, а они в наше время, как вам нетрудно было заметить, не в моде. Став моей женой, вы во всем преуспеете. Незамужняя, боюсь, скоро останетесь при собственном интересе.

Она грустно на него посмотрела.

— И что же я буду делать в вашем красивом особняке, когда вы в разъездах? — спросила она, а про себя добавила: и тогда, когда дома.

— То же самое, что всегда, только лучше. Сможете писать, если захотите. Больше того, вы, возможно, напишете книги гораздо лучше тех, какие когда-либо надеялись написать. Эдит Невилл — чем не имя для романистки? Вы нуждаетесь в общественном положении — у вас оно будет. Вы обретете уверенность в себе, умудренность. Вы будете достойной хозяйкой дома, и это принесет вам удовлетворение. Вы не из тех женщин, которых боятся мужчины, не из истеричек, что ведут себя так, словно все только о них и говорят или их домогаются. Эти любят расписывать свои победы и похождения и считают, будто могут позволить себе все, что угодно, поскольку принимают в доме знакомых и с грехом пополам ладят с мужьями.

— Женщины тоже боятся таких особ, — пробор-

мотала Эдит.

— Нет, — возразил он. — Большинство женщин сами относятся к их числу.

Она подняла глаза:

— Но мне казалось, что мужчины предпочитают женщин такого типа. Мне казалось, что мужчины презирают блага супружеского согласия, которые вы мне прописываете.

— В известном смысле вы правы, — ответил он. — Мужчинам действительно нравятся подобные женщины. Они думают, что многое упускают, если их дамы сердца не отличаются должной ловкостью и экстравагантностью; их волнует опасность подобных связей. Им нравится ощущать себя победителями в схватке за женщину. К этому, в сущности, все и сводится. Обставить соперников. И лишь тогда, когда поверженные соперники встают на ноги и снова рвутся в бой, до победителей доходит, как хрупки, как утомительны именно эти связи. Все усилия — впустую.

— И опять вы мне чудовищно льстите, давая понять, что, кроме вас, никто никогда мною не заинтересуется.

— Я льщу вам, давая понять, что вы видите разницу между флиртом и верностью. Я вам льщу, давая понять, что вы никогда себе не

позволите предаваться нескромным сплетням, которые позорят мужчину. Я вам льщу тем, что верю — вы меня не ославите, не поднимете на смех, *не уязвите* . Вы понимаете, как тяжело мужчине признаться в том, что его уязвили? Я просто-напросто не могу допустить, чтобы такое повторилось.

— Тем не менее совсем недавно вы проповедовали теорию себялюбия. Эгоцентризм — так вы это назвали. Как это увязать с браком?

— Куда проще, чем вы думаете. Я не прошу вас от всего отказаться ради любви. Я прошу вас осознать ваши собственные личные интересы. Я всего лишь говорю вам то, о чем вы и сами, возможно, стали догадываться: скромность и достоинство — битые карты. Я вам предлагаю союз самого просвещенного свойства. Если угодно, союз, основанный на уважении. Что, кстати, тоже не в моде. Если пожелаете завести любовника, это ваше дело, только все должно быть в рамках приличия.

— А если вы…

— Разумеется, то же самое. Для меня, впрочем, это вообще не вопрос. Вы об этом не будете знать, значит, не станете и переживать. Наш союз будет основан на общности интересов, на откровенном

обмене мнениями. На сотрудничестве. Для меня это отнюдь не пустые слова. И для вас они тоже должны много значить. Подумайте, Эдит. Разве за всю вашу добропорядочную жизнь у вас ни разу не возникло желания посчитаться с миром? Вам не надоело отвечать вежливостью на грубость?

Эдит опустила голову.

— Вы сможете принимать у себя знакомых, это само собой. И увидите, что их отношение к вам решительно переменилось. Мы снова возвращаемся к тому, о чем я уже говорил. Вы увидите, что можете позволить себе все, что захочется. Все, что позволяют себе другие. Так уж устроен свет. И вас будут за это уважать. Людей наконец-то перестанет стеснять ваше общество. Вы одиноки, Эдит.

После долгого молчания она подняла голову и сказала:

— Становится холодно. Возвращаемся? Пароходик принял на борт группу школьников, совсем еще маленьких — некоторые едва достигали головой до перил. Дети вели себя тихо, а когда корабль отчалил, учительница позвала их в застекленный салон для туристов, видимо, на занятия. Дети послушно упорхнули, оставив Эдит и мистера Невилла одних на палубе.

Похолодало; день клонился к вечеру. Поднялся

слабый ветер, предтеча холодных ветров, и принес с собой мысли о зиме. Эдит словно воочию увидела свой домик: запертые двери, холодный камин, слой пыли на мебели, в прихожей на коврике груда писем, грязные окна, спертый воздух, шторы пахнут застарелым кухонным чадом. И саму себя, заброшенную, у безмолвного телефона. Вычеркнутую из списков приглашаемых на издательские приемы деловитыми секретаршами, которым надоело напрасно посылать приглашения. Ее агент, добряк Гарольд, покачает головой и спишет ее со счета. А что слышно о Дэвиде? Если она вернется, хватит ли у нее смелости выяснять, каковы его чувства, рад ли он ее возвращению? А если его не будет на месте? Где ей его искать? За время ее отлучки с ним всякое могло случиться — уехал отдыхать, заболел, умер. А возможно, его вполне устраивает нынешнее положение вещей. Ветер вцепился ей в прическу, она раздраженно выдернула булавку, позволив волосам упасть на лицо. Это правда? — задалась она вопросом. Была ли я для него верной простушкой, не сумевшей его удержать? Или всего лишь необычной и скрытной женщиной, от связи с которой заведомо можно было не ждать неприятностей, отдохновением от ловкой, экстравагантной и

непредсказуемой женушки? Была ли я в его жизни всего лишь трогательным эпизодом или же он посчитал меня куда более опытной, чем я есть? Не подумал ли он, что я занимаюсь тем же самым и с таким же эгоизмом, как и он?

— Эдит, — сказал мистер Невилл, — не плачьте, прошу вас. Не выношу женских слез — рука так и тянется закатить оплеуху. Ну, пожалуйста, Эдит. Возьмите-ка мой платок, Эдит. Дайте я вам вытру глаза. У вас глаза не просто серые, а серебристые. Вы не знали? Ну же, ну.

Она впервые прильнула к нему и выплакалась до изнеможения. Закрыла глаза, опустила голову ему на плечо, а он поддерживал ее за талию.

— Какая вы худенькая, — произнес он. — Я бы мог вас переломить как тростинку. Потом у нас еще будет время вами заняться.

Когда она выпрямилась и опустила руки на поручень, то увидела, что наступают сумерки, вернее, свет дня неуловимо сгущается в ночь. На близком берегу она различала огни, которые теперь показались ей чуть ли не желанными, — огни отеля «У озера».

Они молча стояли, опершись о поручень. Когда показалась пристань, мистер Невилл повернулся к Эдит, но она жестом призвала его к молчанию.

Детишек — учительница вывела их строем на палубу — не должна коснуться отрава взрослых расчетов. Школьники ушли, топоча по доскам настила, а мистер Невилл и Эдит молча стояли у поручня лицом к берегу.

— Итак, — наконец сказала она, — мне предстоит жить в вашем особняке в готическом стиле периода Регентства, великолепном образчике архитектуры, бок о бок с вашими блюдами famille rose. Мне предстоит вознестись из моей нынешней жизни словно по мановению волшебной палочки. Мне предстоит стать опытной, раскованной, светской и осмотрительной. Мне предстоит обеспечить супружеский мир, залог того, что ваши чувства впредь не будут уязвлены.

— И ваши, — сказал он. — Ваши тоже.

— Я вас не люблю. Это вас не волнует?

— Нет. Придает уверенности. Мне не нужна обуза ваших чувств. Всего этого можно достигнуть без романтичных ожиданий.

Эдит повернулась к нему. Волосы у нее разметались от ветра, глаза смотрели серьезно, рот был горько поджат.

— А вы меня любите?

Он улыбнулся, на сей раз улыбкой грустной и недвусмысленной.

— Нет, не люблю. Но вы пробрались за мои заграждения. Вы меня взволновали и тронули так, как я уже не желаю и не хочу. Вы словно нерв, который мне удалось умертвить, а он, к моей тревоге, вновь оживает. Я не пожалею усилий, чтобы снова убить его как можно скорее. В конце концов я отнюдь не расположен расставаться с *моим* эгоцентризмом. Нам нужно сходить, Эдит. Дайте руку.

Взявшись за руки, они молча прошли по гладким доскам причала и ступили на посыпанную гравием дорожку. С сумерками возвратился туман, он смягчил свет уличных фонарей, приглушил шум повседневной жизни. Вечернее уличное движение, и без того невеликое, сошло на нет; от озера за спиной зябко сквозило.

— Мне нужно будет подумать, — наконец сказала она.

— Надеюсь, это не займет много времени. Я не намерен возводить в привычку предложения руки и сердца. Вам нужно поторопиться, если мы хотим навострить лыжи к концу недели.

Она украдкой на него поглядела, удивившись проскользнувшей в его тоне шутливости. Он, похоже, успел заделать в своем самоуважении все бреши, которые счел нужными залатать, и

быстрота, с какой он управился, немного приободрила ее.

— Могу я спросить вас еще об одном? — сказала она.

— Конечно.

— Почему именно я?

На этот раз его улыбка снова была двусмысленной, ироничной, любезной.

— Вероятно, потому, что вас заполучить трудней, чем любую другую, — ответил он.

12

У себя в номере Эдит вымылась, переоделась, стянула волосы в привычный тугой узел и села ждать часа, когда нужно будет сойти к обеду.

И тут ей показалось, что она покончила с этой комнатой, а быть может, комната покончила с ней. Во всяком случае, все пришло к некоему естественному завершению. Однако в самой природе расставаний заложено сожаление, и она понимала, что эти стены, которые видели полнейшее ее одиночество, всегда будут будить в ней воспоминания о непонятном тепле, стоит лишь обратиться к ним памятью. Их безмолвное выцветшее достоинство, возможно, станет для нее символом того, что осталось от ее собственного достоинства, прежде чем его окончательно погребет под собой слепой страх, или показная храбрость, или обычный здравый смысл с его равнодушием.

Но равнодушие ее здравого смысла как раз и вызывало в ней нечто вроде старческой дрожи. Она резко встала, подошла к окну, раздвинула шторы и увидела за стеклами один сплошной мрак, услышала всего лишь редкий шелест ав-

томобильных колес. Ибо погода переменилась. Туман перешел в унылую изморось, липкая сырость обрела ползучее постоянство климата, который наконец-то нашел для себя естественный способ самовыражения. Стало быть, ей не придется поработать на балкончике за зеленым столиком, как она намеревалась. Но книга так и так не сложилась и была, возможно, еще в замысле обречена на гибель. Однако же я всегда заставляла себя усилием воли писать и писать, пока из-под пера снова не начинало появляться нечто путное, подумала она. Почему это лекарство больше не действует? Не потому ли, что творчество в моих глазах слишком уж смахивает на власяницу грешника, жаждущего вернуть себе Божью милость? Или мне до смерти тошно сделать еще одно усилие? Не спокойней ли вообще отказаться от усилий подобного рода? Она на прощанье погладила страницы, исписанные ее мелким почерком, уложила их в папку, а папку засунула на самое дно дорожной сумки.

Этот жест неприятно ее поразил: словно планы ее окончательно успели сложиться, хотя она еще не пришла к осознанному решению. Однако она уже приняла их как окончательные, свидетельством чему была быстрота, с какой она

стала складывать и упаковывать платья, которые здесь уже не наденет. Сборы набирали скорость, она лихорадочно бросала в сумку обувь, книги, флакончики, и вот уже от ее жизни в отеле «У озера» всего и осталось что одежда на ней, ночная рубашка и щетка для волос. Теперь ей больше нечего было делать в этой комнате, которая снова стала безликой, готовой принять нового постояльца в начале следующего сезона. Она закрыла за собой дверь и спустилась в гостиную.

Здесь тоже все было тихо, что говорило об общем решении отбывать. У пианиста истек срок контракта, и ему предстояло вернуться к своим зимним занятиям — давать частные уроки лишенным музыкального слуха школьницам. Мсье Юбер, как всегда слегка досадуя на то, что ему почему-то не удалось воплотить заветную мечту любого хозяина отеля — собрать под своей крышей идеальное, блестящее и разнообразное общество, — с сожалением взирал на пустую гостиную. К нему возвратились ревматические боли — верное предвестие зимней ссылки, ибо с закрытием на зиму отеля «У озера» он должен был уехать в Испанию, на виллу к зятю и дочери, где ему предстояло томиться под скучным солнцем, благо надзирать там было решительно не над

кем; гость из него был никуда не годный. Через неделю отель закроют. За мадам де Боннёй приедет сынок и отвезет в pension при лозаннском монастыре, ее зимнюю резиденцию, которую она стойко выдерживала. Дама с собачкой вернется домой, и мысль об этом уже заливала ее прекрасное лицо румянцем беспокойства и возбуждения. Любимейших постоялиц мсье Юбера, миссис Пьюси с дочерью, отвезут в наемном лимузине в Женеву, где они сядут на самолет, выложив за лишний багаж огромные деньги, но он с удовольствием думал о том, что из-под его опеки они прямиком перейдут под надежный кров их лондонской квартиры. Очаровательная женщина, просто очаровательная; дочь, возможно, не столь выдающаяся особа. В урочное время произойдет обмен поздравительными открытками — они ведь поддерживают связь. И безусловно, снова здесь встретятся в следующем году — если будет на то Божья воля. Две оставшиеся постоялицы его мало интересовали: люди новые и сюда, как он знал, больше не приедут.

Официанты и горничные, почувствовав, что от них уже не требуют образцового поведения, производили больше шума, чем обычно, и разговаривали, не таясь. Ален и Маривонна, которые,

оказывается, состояли в троюродном родстве, должны были вернуться во Фрибург и зимой работать в ресторане отца Маривонны. Управляющий, как обычно, строил бесплодные планы уговорить тестя совсем удалиться от дел, хотя прекрасно знал, что этому никогда не бывать.

Какое-то время Эдит просидела в гостиной совсем одна, вспоминая свой первый вечер в отеле «У озера». Однако произошло слишком многое, чтобы вспоминалось только приятное. Мысленно переносясь в тот день, она видела, что была тогда смелей и моложе, решительней настроена пересидеть свою ссылку и вернуться домой все такой же. Тогда все это казалось ей чуть ли не шуткой, а может, она просто решила обратить это в шутку. С тех пор у нее возникло чувство, будто она первый раз в жизни обрела положительность взрослого человека и отныне все ее решения будут рассудительными и взвешенными, на что, всегда считала она, у нее не было права. Она готовилась вступить в мир, который безотчетно считала чужой собственностью и на который не могла претендовать. В мир, где, помимо прочего, будут ценные бумаги, ремонты крыши, приезды гостей на субботу и воскресенье. В какой машине поедем, твоей или моей? — фраза, которую Дэвид

бросил жене, а она невзначай подслушала, и эти слова со временем приобрели для нее едва ли не первородный смысл. За ними она уловила систему взглядов, в которой эти двое были воспитаны. Приобщенные к радостям взрослой жизни еще в юности, привилегированные, бесстрашные, избалованные, они одинаково раздраженно отмахивались от всего серьезного или грустного, были проворны, милы, восторженны и забывчивы. С ними и им подобными нелегко было достичь глубин. Но Эдит, которая провела юные годы в молчании и настороженности и научилась, дабы перехитрить разочарование, не притязать ни на что, — Эдит эти глубины изведала. И в эту торжественную минуту ушла в себя, перед тем как проститься с ними навечно.

Очнувшись, она увидела, что темная тень у дальней колонны приняла очертания мадам де Боннёй, которая, должно быть, сидела там все это время, сложив руки на набалдашнике трости. Ее грязноватая вуалетка осыпала последние блестки на плечи такого же грязноватого черного платья. Мадам де Боннёй тоже, видимо, размышляла о неизбежном переезде. Но ее, с болью подумала Эдит, не ждет переселение в мир завидных взрослых забот. Она представила себе темную

комнатку в Лозанне: меньше еды, хуже обслуживание, постояльцы рангом пониже. И чем ей занять себя с утра до вечера? Она не сможет гулять по крутым улочкам Лозанны, тут и палка не выручит. А зима будет долгая-долгая. Когда в дверях появились официанты, Эдит встала, подошла к мадам де Боннёй и предложила ей руку. Довольная, хотя и удивленная улыбка неуверенно мелькнула у той на губах, но в эту минуту из бара выплыла Моника, прекрасная и кокетливая, в оранжевом платье; мысль о скором возвращении домой вернула ей жизнь и энергию.

— Подождите меня! — крикнула она.

Эдит и Моника с двух сторон подхватили мадам до Боннёй, Ален забрал трость, и они проследовали в столовую. Старая дама шла, горделиво подняв голову, с выражением умудренности на лице и поистине королевским величием. Мсье Юбер бросился ей навстречу («Давно бы так», — презрительно заметила Моника), мадам де Боннёй тепло пожала руки своим более юным спутницам и лишь после этого удостоила его легким кивком. Официант заботливо придвинул ей стул, и мадам де Боннёй невозмутимо погрузилась в изучение меню, однако на протяжении всего ужина сохраняла величественную осанку и

время от времени улыбалась.

Ужин перевалил за половину, когда появилась миссис Пьюси в сиреневом платье из тонкой шерсти, и ее вид, как всегда, привел Эдит в восторг. Своей полноватой фигурой, короной золотистых волос и облаком ароматов миссис Пьюси почти полностью затмевала Дженнифер — та одевалась нисколько не хуже, но ей чуть-чуть недоставало рафинированности, изысканности, острого чувства окружения, пылкой преданности милым повторяющимся ритуалам. Мсье Юбер, как и следовало ожидать, поднялся навстречу желанной гостье и проводил ее к столику. Эдит, как всегда, наблюдала за этим, не в силах оторвать глаз, но на сей раз ее вниманием завладела загадочная Дженнифер, на которой, несмотря на прохладный вечер, был один из ее эксцентрично нескромных нарядов — облегающий свитер синего шелка с низким вырезом и белые бриджи. Она выглядела старшеклассницей-переростком из богатого дома, ждущей приятеля, который повезет ее в своем автомобиле на модную дискотеку, однако же с неизменной заботой опекала мать, чьи разговоры, судя по всему, вполне заменяли ей любое общество. Эдит продолжала следить, как разворачивают салфетки, наливают вино,

ломают пальцами хлеб, смакуют суп, то и дело изысканно смежая глаза, что означало неземное наслаждение. До них, видимо, не доходит, отметила Эдит, что они не одни в столовой и что ужин готовили не только для ублажения их собственных ненасытных аппетитов.

За кофе в гостиной Эдит почувствовала, что миссис Пьюси с ней несколько суховата. Вероятно, ее возвращение этим вечером в компании мистера Невилла было замечено и без всяких комментариев сдано в архив. Эдит пришлось выслушивать планы миссис Пьюси, поражающие, как обычно, своим размахом, но к ее собственным планам ответного интереса проявлено не было. Миссис Пьюси не ведала, что такое взаимность. Ее сжигала страсть неизменно быть в центре внимания, и если раньше она легко добивалась этого благодаря красоте и наличию мужа, от обожания теряющего дар речи, то теперь надо было прибегать к более жестким методам. Впрочем, ничего жесткого нельзя было углядеть в ее очаровательных монологах о великих трудах по предстоящим сборам в дорогу — от одной мысли голова идет кругом — и о том, что нужно еще дать знать экономке, чтобы та отправила машину встречать их в Хитроу и оставила в спальне миссис Пьюси

подносы с закусками им с Дженнифер на ужин.

— После поездок я просто развалина, — призналась миссис Пьюси.

— Но вы столько всего успели, — ответила Эдит.

— Да, и все благодаря мужу. Он всегда брал меня с собой. Говорил, что и дня без меня прожить не может, вот глупыш. — Она рассмеялась, вспоминая. — А это, знаете ли, входит в привычку. Без Дженнифер я бы, конечно, не справилась. Она по-прежнему готова терпеть свою старую мать, правда, милая?

Очередное нежное пожатие рук, поцелуй, сияющие улыбки. В этот вечер Дженнифер казалась Эдит необычно задумчивой, а ее привычное равнодушие не вполне естественным. Но обмен нежностями стер это впечатление. Должно быть, померещилось, подумала Эдит. Нынче вечером у меня разыгралось воображение.

— Когда вы уезжаете? — спросила она.

— Ну, побудем еще до конца той недели, если, конечно, позволят.

Снова смешок.

— Я… — начала было Эдит, но миссис Пьюси ее оборвала.

— Господи, вот и Филип! — воскликнула она. —

Где вы пропадали, проказник? Дженнифер решила, что вы нас забыли. Милая, налей Филипу горячего кофе. Что вас задержало?

— Надо было позвонить в несколько мест, — ответил он с видом полной и безусловной покорности, — а номера, как назло, все время оказывались заняты.

— Деловые звонки, насколько я понимаю, — изрекла миссис Пьюси, многозначительно кивнув. — Мне это знакомо. Муж все время звонил, куда бы мы ни приезжали. Порой я грозила убрать от него телефон. «Не нужно мешать дело и удовольствие», — говорила я ему в таких случаях. Правда, когда мы бывали вместе, дела у него всегда отходили на второй план.

— О некоторых вещах всегда нужно заранее позаботиться, — улыбнулся мистер Невилл.

— Заранее? Так вы намерены нас покинуть? Дженнифер! Мистер Невилл оставляет нас в одиночестве.

— Я уезжаю послезавтра, — бесстрастно сообщил мистер Невилл.

— В таком случае вы должны быть с нами как можно больше! — воскликнула миссис Пьюси. — Надеюсь, завтра вы не собираетесь исчезать на весь день. Утром мы так без вас скучали, правда,

милая?

Ясно, подумала Эдит. Пока не приму его условий, я для него не существую. И он прав. Вот как это выглядит и всегда будет выглядеть, если я за него не выйду.

Это он и дает мне почувствовать. Хорошо. Но сперва мне нужно кое-что сделать.

Все замолчали, и она поняла, что пора принимать решение.

Она поднялась.

— С вашего позволения…

— Ну, разумеется, Эдит. Спокойной ночи, дорогая моя.

— Нет-нет, не вставайте, — сказала Эдит мистеру Невиллу и довольно твердо придержала его за плечо. Ее не тревожило, что жест может показаться фамильярным. Она вдруг устала от сдержанности. Мог хотя бы сказать два-три слова, думала она, удаляясь и физически ощущая за спиной красноречивое молчание. Остаток вечера миссис Пьюси будет его выспрашивать, а он добродушно увиливать от ответа. Моего присутствия не требуется.

Она ступала легко и быстро, но ей казалось, что по лестнице она тащится, как уставший путник. В полумраке своей розоватой комнаты, такой

солидной и тихой, она присела и вновь почувствовала себя ссыльной. Наконец она устроилась за столиком, взяла чистый лист и начала писать:

«Дэвид, милый, это последнее в жизни письмо, которое я тебе напишу, и первое, которое отправлю. Я собираюсь замуж за мистера Невилла, мы с ним тут познакомились; я буду жить в его доме под Мальборо и не думаю, что мы с тобой когда-нибудь свидимся.

Ты мне нужен как воздух. Знаю, такое не следует говорить. Ты не хочешь об этом слышать. Когда Пенелопа услышала от меня эти слова, она пришла в ужас и оскорбилась, словно я своим признанием исключила себя из общества нормальных людей. Так что я, вероятно, слишком много сожгла кораблей и перешла Рубиконов, чтобы снова стать такой, какой была или казалась самой себе.

Я не влюблена в мистера Невилла, он в меня тоже. Но он заставил меня понять, во что я превращусь, если не перестану упорствовать в любви к тебе. Я и сама начинала об этом догадываться еще до того, как сюда попала, следствием этого, возможно, и стала отвратительная история с несчастным Джеффри. На сей раз подобного фиаско не будет, прежде всего потому, что мистер

Невилл его не допустит. Он уверяет, что под его руководством я очень скоро превращусь в одну из тех приятных женщин, чьей самоуверенности, жизнеспособности и, представь себе, высокомерию я всегда завидовала. В женщину вроде твоей жены.

Я не очень-то преуспела в этом отношении, и надо же мне было — насмешка судьбы — влюбиться в мужчину, который неизменно преуспевал во всех отношениях. Я жила одним тобой. А часто ли мы встречались? Может быть, два раза в месяц. Чаще, если выходило случайно. Иной раз реже, когда тебя одолевали дела. А порой я не видела тебя по целому месяцу. Я представляла тебя в твоем доме, с женой и с детьми, и мне было плохо. Но много хуже бывало тогда, когда я подозревала, что твоим вниманием, твоим любопытством завладел другой человек, какая-нибудь девушка, с которой ты где-то случайно познакомился, скажем, на приеме, как со мной. Тогда я начинала разглядывать женщин на улице, в автобусе, в магазине, искать лицо, которое могла бы вписать в твою жизнь. Потому что, представь, хотя мне неизвестны частности, тебя самого я знаю прекрасно.

Я знаю, представь, что какие бы чувства ты

ко мне ни питал, а может быть, лучше сказать — когда-то питал, я, как отозвался Сван об Одетте[53], не в вашем вкусе.

Нет никаких оснований думать, будто мы можем встретиться, разве что чисто случайно. Мистер Невилл, у которого прекрасное собрание блюд famille rose, несомненно, уделяет время посещению антикварных магазинов и аукционов, и нельзя исключать, что он вдруг попросит меня как-нибудь составить ему компанию. Но я говорила ему, что собирательство меня не интересует, поэтому маловероятно, чтобы он стал настаивать.

Я постараюсь быть ему хорошей женой. В наш просвещенный век не каждый день предлагают руку и сердце, хотя, как ни странно, мне в этом году предлагали дважды, и оба раза я как будто бы отвечала согласием. Мне с моей робкой натурой было явно не устоять перед великим соблазном мирной семейной жизни. Но теперь я угомонюсь. У меня просто нет выбора, потому что едва ли стоит надеяться на что-то другое.

Возможно, ты считаешь, как считают мои агент и издатель, которые постоянно уговари-

---

53 Примечания: 53

Персонажи цикла романов французского писателя Марселя Пруста (1871 — 1923) «В поисках утраченного времени».

вают меня писать посовременнее и подбавить в книги секса и увлекательности, будто я пишу романы с тем смешанным чувством иронии и циничной отстраненности, которое, по распространенному мнению, только и пристало современному автору, выступающему в этом жанре. Ты ошибаешься. Я верила каждому написанному мной слову. И по-прежнему верю, хотя теперь понимаю — в моей жизни не сбудется ни один из моих сюжетов.

Тебе известен мой адрес, но за две недели ты так и не написал мне письма. Поэтому нет смысла сообщать тебе мой новый адрес — ты и по нему не напишешь.

Не знаю, что сказать на прощанье. Мне не хочется проявлять слабость и пускаться в упреки и обвинения, тем более что я не имею на это права. Говорить сейчас, что я была готова на все ради нашей любви, и в гораздо большей степени, чем ты, — наверное, смешно.

Я люблю тебя и всегда буду любить.

Эдит».

Она долго просидела в запредельной тишине своего номера, опустив голову на руки. Она не замечала, как убегают минуты, вернувшись мыслями в прошлое, к тем временам, когда молчание

было ее уделом. Когда она стояла у окна в своем домике, прислушиваясь к затихающему рокоту Дэвидовой машины. Когда, сжав губы, смотрела, как отец в последний раз наводит порядок на своем письменном столе, или послушно относила на кухню пролитый матерью кофе. Отступив еще дальше, она видела себя маленькой, схоронившейся за креслом Grossmama Эдит в сумрачной венской квартире, пока ее мать и тетки, надрываясь, жаловались на жизнь. И слышала она слова, совсем не подходящие к нынешнему ее положению. «Schrecklich! Schrecklich! — раздавался в ее ушах вопль тети Рези. — Ach, du Schreck!»

Когда она встала, ей подумалось, что следовало бы лечь спать, но не сон, а утро было ей нужно как хлеб, ибо утром она бы отнесла письмо на почту и тем самым отрезала для себя пути к отступлению. Глянув на часики, она увидела, что уже половина второго. Она разделась и залезла в постель с твердой решимостью переждать ночь, не поддавшись слабости. У нее горели щеки, ее била легкая дрожь, однако ночь отсчитывала минуты, и ее мышцы расслабились, дыхание выровнялось; она уснула.

Проснулась она до рассвета, но встала и ополоснула лицо и руки; ванну примет потом, когда

вернется. Перечитала письмо, сунула в конверт и заклеила его. Потом оделась и расчесала волосы. Теперь она успокоилась и терпеливо ждала того часа, когда портье займет место внизу за конторкой и она сможет купить у него марку. В шесть утра ожидание стало невыносимым. Она взяла ключ и сумочку, тихо открыла дверь и выскользнула в коридор.

Бесшумно ступая по толстой ковровой дорожке — не дай бог, еще кого разбудит или напугает, — она как раз подоспела увидеть, как открылась дверь спальни Дженнифер и вышел мистер Невилл в халате. С такой же осторожностью, как Эдит, он избегал всякого шума и очень медленно затворил за собой дверь. В слабом свете ночной лампы она вполне ясно различила его сдержанную двусмысленную улыбку.

Ну конечно, подумала она. Конечно.

Она замерла на месте, мистер Невилл, не заметив ее, быстро прокрался по коридору и пропал из виду.

Уже у себя в номере она поняла, что почти не удивилась. Она помнила его рассуждения о сохранении своего эгоцентризма, о восстановлении чувства собственного достоинства, всю эту благородную болтовню, которой она, види-

мо, слишком легко поверила. Но дело не в этом, точнее, не только в этом. И тут она вспомнила. Когда она плакала, прижавшись к нему, а он ее обнял, до нее дошло, что сам он никаких чувств не испытывает. Что он очень красиво привел ее в себя, но сам при этом ничего не испытывал.

А Дженнифер, несомненно, относится к числу тех личных утех, о которых он помянул между делом. И дверь, что открывалась и закрывалась в ее снах и в обманчивые секунды пробуждения, была самая настоящая, только она не сумела разгадать ни этого, ни скрытого смысла услышанных звуков.

Перед ней возникло терпеливое лицо отца. Подумай еще раз, Эдит. Ты неверно решила уравнение.

Она медленно опустилась на постель, чувствуя слабое головокружение. Если я за него выйду, сказала она себе, зная про это, зная и то, что он способен с такой легкостью и проворством искать связи на стороне, я обращусь в камень, в тесто, в часть его коллекции. Но может, это и входит в его расчеты, подумала она, что я займу место недостающего предмета. А для меня эти удовольствия, легкомысленно именуемые физическими, останутся там, где вот уже давно пребывают,

так давно, что стали всей моей жизнью. Но я эту жизнь потеряю, единственную, что пришлась мне по сердцу, хотя она никогда не принадлежала мне в такой степени, чтобы я могла назвать ее своей собственной. И улыбка мистера Невилла, его неизменная двусмысленная улыбка, будет всегда напоминать мне об этом.

Через некоторое время она встала.

Подойдя к столику, она взяла письмо, разорвала на две части и бросила в корзину для бумаги. Потом взяла ключ и сумочку, вышла, прошла коридором и спустилась вниз. В по-прежнему безмолвном отеле ночной портье, дожидаясь конца смены, зевал за конторкой и почесывал голову. Увидев Эдит, он встрепенулся и мигом надел утреннюю улыбку.

— Будьте любезны, закажите мне билет на ближайший самолет до Лондона, — произнесла она звонким голосом. — И мне бы хотелось послать телеграмму.

Когда бланк наконец отыскался, она присела в холле за стеклянный столик. «Симмондсу, Чилтерн-стрит, Лондон VI, — написала она. — Вылетаю домой». Но потом решила, что это не совсем точно, вычеркнула «Вылетаю домой» и написала короткое — «Возвращаюсь».